

ISSN0868-698X

СТОЛИЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

№ 45 (207) 1994 г.

Российские миротворцы в Абхазии

76878

**F FRANCO
F FORTINI**

МЕБЕЛЬ ОТ ФРАНКО ФОРТИНИ

- Спальни • Прихожие
- Гостиные • Холлы
- Мягкая мебель • Кухни
- Кабинеты • Всевозможные аксессуары

От 50 лучших итальянских мебельных фабрик

Дизайнер фирмы представит наш богатый ассортимент
и проконсультирует по выбору и расстановке мебели.

**F FRANCO
F FORTINI**

2-я Фрунзенская ул., 2
Тел.: (095) 242-26-48
Факс: (095) 242-43-22

В НОМЕРЕ

Перестройки и революции случались и случаются во многих странах мира. Но только в России они упорно переходят в состояние зстоя.

4

По официальным и неофициальным оценкам, в Москве во время октябрьских событий 1993 года действовали 100—110 снайперов-профессионалов. Откуда они взялись?

7

Тени в Крыму мало. Вместо того чтоб отбрасывать тень, пользоваться жарой на полную катушку и ковать копейку из воздуха, местные в сторонке обмахиваются газетой, клянут Украину и всеми силами подтверждают мысль, что работать они не умеют, не хотят и не будут, хоть режь.

13

Политика

- Застой в стиле модерн 4
- Николай Троицкий
- Государственная недостаточность 6
- Дмитрий Шушарин
- Снайперы в октябре 7
- Марк Дейч
- Абхазия: край, где русских ждут? 9
- Сергей Снопков,
- Валерий Левитин (фото)
- Потемки таврические 13
- Денис Горелов

Экономика

- Блеск и нищета страховой медицины 18
- Светлана Карташова
- Мир глазами хакера 22
- Максим Пресняков

Жизнь

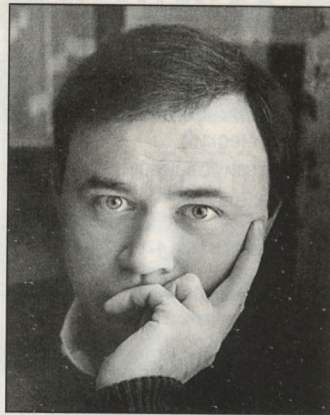
- Разводка 24
- Алла Андреева
- Идиллия на троих 28
- Николай Бахрошин
- Ильич как зеркало терроризма 30
- Сергей Толкачев
- Ночь, водка и тоска 35
- Алексей Беляков
- На Рождественской горке 38
- Алексей Митрофанов

Культура

- Рентгенкабинет 40
- Андрей Караулова
- Виктор Матизен
- Русские прошли 49
- Вильям Мейланд
- Магия Фаберже 53
- Нина Дорохова
- Право на «свою комнату» 57
- Михаил Смоляницкий
- Николай Каретников: пять часов звучания 59
- Вера Павлова,
- Михаил Поздняев
- Пастораль 61
- Дмитрий Быков
- Дикие животные: сказки 64
- Людмила Петрушевская

- Письма 2
- Цитатник 17
- Дневник И. 44
- Антресолы 46

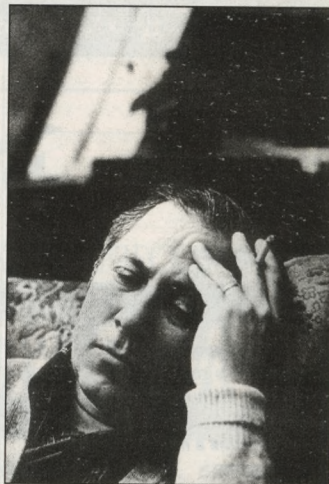
На первой странице обложки фото Валерия Левитина, дизайн С.Стыриковича

Андрей КАРАУЛОВ:

Мы — мы все — так устроены, что редко верим своим глазам. Нам нужен подтекст, «второй план» или (по крайней мере) знать, кто или что за этим (за мной, за передаточей) стоит. Я все время слышу, что мне важно... ну я не знаю что — убить, растоптать человека... Я что, больной, что ли?

40

Жизнь, прожитая Николаем Каретниковым, была героической, — хотя он, вальяжный, вспылчивый, наивный, ранимый, ну никак не походил на героя. Не только нашего времени — любого, какое ни возьми.

59

Гениальное изобретение большевиков

Каждый раз, когда я вижу измученные лица возвращающихся со своих участков «счастливых» обладателей клочка болота, находящегося за 150 километров от родного бетонного барака, я задаю себе один и тот же вопрос: а кому все это нужно? Кому нужно мучить людей, заставляя их тратить иногда по 8 часов на дорогу в один конец? (При этом дорога большей частью проходит, как правило, через заросшие бурьяном поля.) Ведь после каждой такой экспедиции человек должен отдыхать как минимум три дня.

Может быть, уж очень хороши плоды с этого участка? Полноте, все эти шестисоточные салаты-ягодки настолько жалки, что невозможно удержать слезу. А посмотрите, как убого выглядят скопища курятников — садовых домиков в самых непрезентабельных, гиблых местах. Латиноамериканские гетто и то лучше, чем эти жалкие лачуги, которые лепятся друг на друга. И это в России, где даже около Москвы пустой земли — сколько угодно!

И все же, кому это было нужно? Часто говорят, что коммунисты ничего не делали с дальним прицелом, специально. Все получалось само собой. Нет, с этим нельзя согласиться. Шесть соток на болоте вдали от дома придуманы специально. Ведь человек здесь становится таким маленьким, таким жалким, что целую сотню этих дачников можно с помощью пинцета посадить в спичечный коробок. И им там будет просторно! А потом можно их при-

ласкать — сбавить, например, плату за проезд... Шестисоточники при этом руки будут целовать властям, как благодетелям. И уж ни на какой бунт не пойдут — какой бунт после трех часов висячего положения в битком набитой электричке? Вот в этом и смысл шести соток.

А дай им возможность построить нормальные дома в нормальном месте, чтобы жить в них круглый год с удобствами, а не копать в собственных экскрементах, — так они ведь тогда себя людьми возомнят! Нет, дудки, — хрен вам, товарищи тараканы! Ваш удел — отдать все силы, весь ум, весь талант клочку болота. И сидеть, не дергаться. Тогда с вами можно делать все, что угодно, и вы не запротестуете.

Гениальное изобретение — шесть соток!

В.КУЗНЕЦОВ

Москва

И вновь ошибки...

Очень огорчают многочисленные неточности, появляющиеся, к сожалению, в том числе и в журнале «Столица». Так, например, в 39-м номере в эпиграфе к статье Л.Радзиховского указано, что автором приведенного двустихия является Роберт Бернс. Однако в 4-м томе собрания сочинений Маршака (М., 1969) сказано, что данный текст — перевод эпиграммы поэта Джона Харрингтона. Да и сама эпиграмма в переводе Маршака звучит несколько иначе... Но это, впрочем, распространенная ошибка.

А вот насчет того, что «...то Волконский, то Макашов побоялся», — наверное, имеется в виду все же Трубецкой?

В этом же номере интереснейшая статья Д.Быкова. И в ней опять неточности. Мелодия нашего бывшего гимна не «служила красноармейским маршем», а была мелодией «Гимна партии боль-

шевиков», написанного Лебедевым-Кумачом где-то в 1940 году. А в самом тексте «Гимна» не было никакого «счастья». Так и звучало: «Дружбы народов надежный оплот».

Жаль, что подобные небрежности смазывают впечатление от хороших статей.

В.ГОЛУБЕВ

Москва

От полочки до полочки

Так многие из нас жили во времена Хрущева-Брежнева-Горбачева. Получил полочку, расплатился с долгами, неделю живешь, а на второй неделе опять лезешь в долг.

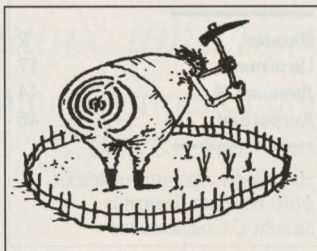
Во всех учреждениях, на фабриках, заводах, в институтах были тогда кассы взаимопомощи при месткомках. Можно было взять долгосрочную ссуду — на полгода — и потом регулярно ее выплачивать, а можно было взять краткосрочную ссуду — и в ближайшую полочку долг отдать.

Я пенсионерка. Ушла на пенсию в 120 рублей. Через какое-то время Брежнев подписал распоряжение об увеличении пенсии до 132 рублей, но с условием, что ты должен проработать 4 месяца в году по рабочей сетке. Тогда только прибавят 12 рублей. Пошла я в лифтеры-обходчики. Щетка, тряпка, ведро с водой... Мыла полы в лифтах и на верхней площадке, где комната с двигателями, за эти несчастные 12 рублей.

Так и жили, как тогда говорили, «крутились».

Что теперь? Минимальная пенсия 80—85 тысяч рублей — вполне приемлемо. Да еще все время прибавляют, не заставляя работать по рабочей сетке. Просто добавляют в связи с инфляцией. А что такое касса взаимопомощи — давно забыли. В магазинах — все, что угодно, на улицах едят бананы, апельсины, киви и даже авокадо.

Вот теперь хочу задать один

вопрос, ради которого я все это написала. Чего хотят старые бабки и дедки с гармошкой, участвуя в митингах и вступая в «партию» бедноты? Вернуться к тому, о чем я написала?

Думать надо. Пора бы уж немного научиться сравнивать одно с другим, анализировать.

М. СУВорова

Санкт-Петербург

Зачем нам платное православие?

Огромный плакат возле Дворца «Олимпийский», гласящий что «Россия была, есть и будет православной», заставил меня притормозить шаг и задуматься.

Ах, эта наша неискоренимая любовь к лозунгам! Опять она проявляет себя, и, как всегда, «не с того бока». То «Мы строим коммунизм» (вечный этот призыв и теперь красуется напротив метро «Добрынинская»), то вот всенародно объявляем о православной России.

Зачем? И еще, вдобавок, в непосредственной близости от мечети? Вызов? Необдуманность? Кто распорядился такое повесить? Как воспринимать этот чеканный лозунг людям иных национальностей: срочно уезжать в Израиль, Турцию, Германию, Польшу или немедленно бежать креститься? И как быть беженцам, которых мы вроде бы приютили?

Конечно, самое простое, не обращать на эти лозунги ровным счетом никакого внимания. И меня-то ведь лично это никак не касается — православная до мозга костей, и сама крестилась, и детей крестила. В церковь, правда, навещаю редко. А вот задела эта навязчивость, настойчивость, категоричность формулировки.

Россия была, есть и будет — верно. Но главное не то, какой веры люди, здесь живущие, а то, как они действительно будут верить в свою единственную Россию. Вот эта их вера в страну — основное.

Только плакаты и лозунги и на эту тему не нужны. Они вообще нам больше не нужны — никакие.

Москва

С. АЛТОНИНА

Давайте бояться вместе

Одним из постоянных и непроходящих признаков нашей сегодняшней жизни стал страх. Боишься возвращаться поздно вечером из театра, боишься засидеться допоздна в гостях, боишься в одиночку прогуляться по пустынным аллеям парка, боишься открыть дверь на звонок...

В подземном переходе возле метро «Фрунзенская» мальчику-подростку бритвой располосовали лицо — требовали снять куртку.

В подземном переходе у старого здания МГУ мальчику сломали нос, ударив кастетом, — требовали денег, второму — разбили лоб и губу. Здесь же, только уже прямо на улице, у девушки вырвали из рук сумочку.

Недавно, с промежутками в один день, ограбили квартиры у двух наших сотрудников. Одна квартира — у Белорусского вокзала, вторая — в Текстильщиках.

Говорят, будто бы в Москву по определенным дням приезжают «люберы» «взимать дань»...

И еще много чего говорят. А главное: сидите дома и не высывайтесь, и двери никому не открывайте, и детей никуда не пускайте... Замрите до утра, будто бы вас нет.

А может, нас уже и в самом деле нет? Остались только одни преступники, не боящиеся ничего, так как нет в России силы, им противостоящей?

Помните, как в мультфильме котенок по имени Гав говорит щенку: «Давай бояться вместе!» Вот и мы будем дальше бояться вместе. Все-таки веселее!

Москва

И. ЛЕДНЕВА

**НАШИМ МАСТЕРАМ
ТОЛЬКО ХОРОШИЙ ТОВАР !**

Любые цвета КРАСОК

Chemolac

Цены ниже российских !

Водоэмульсионные и фасадные
масляные и синтетические
нитроэмали и лаки отделочные
и, конечно, растворители.

**СПРАШИВАЙТЕ В МАГАЗИНАХ !
А КТО ХОЧЕТ КУПИТЬ
ПОБОЛЬШЕ-У НАС !**

(095) 450-19-44, 459-41-10,
450 - 95 - 08, 450 - 08 - 18
125130. г. Москва.

ул. 3-й и А. Космодемьянских, д. 31, корп. 1

КГК

КГК

ПРОИЗВОДСТВЕННО — КОММЕРЧЕСКАЯ ФИРМА

МЕБЕЛЬ ДЛЯ ОФИСА

Большой выбор, доставка, сборка, скидки

**РАБОЧИЕ МЕСТА,
отдельные предметы,
КРЕСЛА, КАНЦЕЛЯРИЯ.**

ул. Делегатская, дом 7

☎ **973-90-57**

**КАБИНЕТЫ
для
РУКОВОДИТЕЛЕЙ**

ул. Делегатская, дом 3

☎ **925-12-62**

Застой в стиле модерн

Люди обычно не знают, как называется эпоха, в которую они живут. Лишь потом, после больших перемен, переворотов и поворотов, выясняется, что перед этим были «Средние века», или «Ренессанс», или помельче, с маленькой буквы, «культ личности», «период застоя», «перестройка». Может быть, пора дорасти до прижизненного осознания окружающей действительности и самим озаглавить свое время?

Николай ТРОИЦКИЙ

Хочу рискнуть и ввести в сегодняшней научный оборот наименование периода, который мы переживаем. Не претендую на оригинальность и не желаю выдумывать новых словосочетаний. В России периоды и их характерные особенности имеют свойство повторяться. Так что, на мой взгляд, нынче на дворе явные признаки вновь наступившего ЗАСТОЯ. Иностранцы предпочитают упоминать термин «стагнация». Вроде бы какая разница? Перевод, да и только. Но почему-то в этом иностранном слове слышится если не гнев, то раздражение. «Стагнация» отдает запахом тухлого пруда или забросенного болота. Родимое, коренное, исконное словечко «застой», напротив, навеивает добрые, теплые чувства, и тянет к полузабытой патриархальной тиши и глуши.

Теперь — по порядку. Когда же мы вступили, если не сказать влезли, в этот новый застой?

Подобного рода периоды не начинаются в ночь с воскресенья на понедельник или в пятницу днем. Они наступают постепенно. Но жизнь ускори-лась, и наш повторный застой наступил, по-моему, весьма быстро: за пару-тройку месяцев конца 1993-го — начала 1994-го года. Когда утихли отголоски октябрьских московских волнений, зачихлились пушки и заскрипели перья Договора об общественном согласии. Конечно, ни сей монументально-беспольный договор, ни случившаяся накануне его подписания думская политическая амнистия сами по себе на ход событий не повлияли и ничего не ознаменовали. Эти жидкие вехи просто обозначили вступление России в следующий этап.

Что же за период предшествовал новейшему застою?

Могу вызвать недовольство у многих политологов, но заявлю: перед зас-

тоем, как всегда, была перестройка. То есть как перестройка? Горбачева-то уже два года как не было! Ну и что? А кто присвоил Михаилу Сергеевичу право монополизировать это понятие? Да, после его отставки слово «перестройка» уже не применяли. Предпочитали говорить «реформа». Но в чем принципиальная разница? Перестраивать, перделывать, реформировать — полнопровальные синонимы. Кстати, период, случившийся накануне того, классического застоя, обзывали «периодом волюнтаризма». Так полагалось. Но как же еще именовать хрущевское время, если не перестройкой? Или Никита Сергеевич не двигал реформы? Вовсю двигал и многое перестраивал, как умел.

Другое дело, что ту, хрущевскую, перестройку пришлось переводить в застой путем государственного переворота. Поменяли генсека — наступила новая политическая погода. А теперь перемена произошла при одном и том же главе государства. Ельцин подхватил знамя перестройки из рук Горбачева (хотя тот и не хотел отдавать), Ельцин ее возглавил, довел до неслыханных масштабов, он же с ней покончил. Что ж, видно, настолько талантлив и многогранен наш президент, что сумел сначала напомнить Хрущева, а потом Брежнева. Сравнение хромает, но с кем еще сравнивать? Аденауэр с де Голлем, коих, помнится, все поминал господин Зорькин, на наш ландшафт не накладываются, а тени Петра Первого либо Ивана Грозного тревожить и вовсе не удобно.

Следующий вопрос: какой-такой застой? И президент, и правительство регулярно рапортуют и настаивают: реформы идут полным ходом, страна движется к светлому капиталистическому будущему, вот-вот грянет стабилизация!

Во-первых, любая власть на любом этапе сама себя хвалит, иначе никто ее не похвалит. Во-вторых, при любом зас-

тое хоть что-то, да движется. Иначе не наступали бы вслед за ним перестройки, пертурбации и прочие передраги. В-третьих, не совсем ясно, в чем же выражаются нынешние реформы?

Президент выдает на-гора целые пакеты архиреформаторских указов, правительство плодит постановление за постановлением, программу за программой, премьер-министр делает заявление за заявлением, одно решительнее, хотя и бессодержательнее другого. Производительность труда, если измерять результат в тоннах официальных бумаг, немислимая. Один Борис Николаевич способен подписать до ста указов в неделю. Прогресс поистине неудержим! Брежневскому политбюро эпохи прошлого застоя такой «план по валу» даже не снился. Хотя тоже трудились, строили «развитой социализм», почти ежемесячно улучшали жизнь советских людей.

Теперь президент и правительство потеют над реформаторскими бумагами отдельно, да еще вдобавок корпят над судьбоносными документами две палаты парламента. Оттого и чиновников в одной отдельно взятой России стало больше, чем в целом Советском Союзе, — работы прибавилось. Сколько бланков, чернил, скрепок, факсов, телексов, ксероксов ежедневно тратится на реформы! Однако, как случается по-настоящему крупный скандал — АО «МММ» чуть не с половины россиян денег собрало или рубль на валютной бирже обвалился на 30 процентов, так власть (президент, правительство, две палаты парламента) оказывается беспомощной. Только и могут, что создать комиссии по разбирательству или принять пожарные меры по предотвращению уже наступивших последствий. Неприлично напоминать о борьбе с коррупцией и преступностью — это уж на равных с цунами и землетрясениями.

Процесс, конечно, все равно идет, несмотря на партии, президентов, правительства и прочую надстройку. Сейчас мы переходим к рынку, в прошлый раз двигались в коммунизм. Тогдашняя власть норовила регулировать все и вся, нынешние руководители вроде бы отпустили все на волю свободного рынка. Но вновь не настолько влияют, чтобы помогать, и недостаточно отстранились, чтобы не мешать.

Но все-таки многое изменилось? Разве сегодняшняя действительность похожа на реальность застойного СССР?

Естественно, два застоя не похожи друг на друга, как близнецы. Другие вывески на улицах, другие цены в магазинах. Нет политических

анекдотов — есть свободная пресса. Коммерческие банки вместо барыг и спекулянтов, акционерные общества вместо цеховиков, автоматы вместо примитивных финок. Множество партий взамен одной. Что спорить — разительные перемены! А как же иначе? Страна вступила в новый застой на качественно ином историческом этапе. Ведь и брежневский этап заметно отличался от сталинских времен. Вот и сейчас, если угодно, наступил застой-модерн.

Внешние, так сказать, вторичные половые признаки режима — новые, страна стала меньше, называется по-другому. Но не надо тешить себя иллюзиями, будто мы живем в каком-то другом, небывалом прежде государстве и чувствуем себя чуть ли не эмигрантами в отечестве. Увы, мы все там же и все те же, даже когда скупаем акции каких-нибудь «МММ» и норовим, не работая и ничего не производя, обрести или огрести миллионы рублей. Раньше удовлетворялись пятеркой на поллитру. Но халяву любили всегда.

Да и внешними переменами не надо обольщаться. Если отвлечься от глобальных обобщений и просто посмотреть программу новостей первого государственного телеканала «Останкино», особенно когда там сообщают о посевных и уборочных кампаниях или показывают визиты главы государства. Та же незабвенная программа «Время», только дикторы покосноязычнее, а в комментариях тех же хорошо знакомых комментаторов — Валентина Зорина, Игоря Фесуненко и пр. — звучат некоторые ранее не употреблявшиеся слова.

Честно скажу: впервые мысли о новом застое у меня возникли как раз при случайном, после долгого перерыва, просмотре останкинских новостей. И особенно отчетливо наваял воспоминания о той эпохе главный герой телепередачи — уважаемый президент, господин Борис Николаевич Ельцин.

Он не всегда был таким. Различные инциденты случались с ним и раньше. Он сам признавался, что лучше чувствует себя в экстремальных ситуациях. Оттого, вероятно, сам же их создавал и всякий раз в считанные секунды принимал верные решения. Но таких «экстремальных ситуаций», как на плацу в Берлине перед военным оркестром или в президентском самолете в небе Ирландии, в прежние времена не бывало... Поистине вспоминается «застойный» анекдот о незадачливом солдате из ракетных войск, нажавшем по ошибке не ту кнопку. Хочется повторить за его командиром: «Черт с ней, с Ирландией, но когда порядок-то будет?!»

ОЛЕГ ГРАЧЕВ

Отчего же все так происходит? Перестройки и революции случались и случаются во многих странах мира. Но только в России они упорно переходят в состояние застоя. В чем дело? В особенностях психологии, или, выражаясь по-модному, менталитета вождей и народа?

Российская власть — и это касается не одного только Ельцина — лучше и полнее всего выражает себя в экстремальных ситуациях, когда враг наступает, все висит на волоске и вот-вот рухнет. Тогда свершаются тектонические сдвиги, в мгновение ока меняются политические ландшафты, происходят некоторые реформы. А дальше, после войны, беды, тревоги, когда внешние препятствия устранены и ничто не мешает спокойной созидательной работе, можно спокойно, не дергаясь, двигать реформу, всерьез и надолго перестраивать общество, власти успокаиваются, консервируются, изолируются и занимаются собственным благоустройством. А народные массы утихомириваются, возвращаются от борьбы с врагом к борьбе за существование, каждый прячется в свою скорлупу.

Застой — не самое противное время для граждан, для народа. Власть живет сама и дает жить другим. Почти ничего нельзя, но все можно. Раньше можно было все украсть, теперь — запросто сделать деньги из воздуха — а что это, как не кража? Надзирателей полно, но от них легко откупиться. Все недовольны, но все как-то устраиваются. Только вредная интеллигенция брюзжит — то ей не давали читать Солженицына, то, оказывается, ее саму никто не читает и государство не вкладывает денег в образование, и хорошо, если будущие поколения сумеют читать и писать. А о реформах нынче разрешено говорить не только на кухне, но с любой трибуны и даже по телевизору.

Все было бы прекрасно, но застой — не вечен. Рано или поздно эта лафа заканчивается. Очередной перестройкой. То есть потрясениями и экстремальными ситуациями. Причем, учитывая биологические факторы и явное ускорение смены веков в последние годы, надо признать, что нынешнее поколение испытает сполна все прелести будущего обновления. Что отнюдь не радует... ■

Государственная недостаточность

Не так давно Сергей Ковалев совершенно серьезно сказал, что решения Нюрнбергского трибунала по отношению к проявлениям идеологии нацизма не подходят нынешней России, поскольку то была воля победителей, навязанная побежденным.

Но, позвольте, что произошло в августе 1991-го и в октябре 1993 года, если не победа над советской властью, тоталитаризмом и над красно-коричневыми? И если не побеждать их, то как же с ними еще обходиться — проигрывать им, что ли? И не надо говорить, что рассуждения по принципу «кто кого», «мы или они» и проч., — большевизм. Да, большевики и фашисты действовали всегда по этому принципу, но это значит лишь, что и ответ им должен быть адекватным. Каким бы был сейчас мир, если б с Гитлером решили договориться «по-хорошему»? Думаю, что он был бы именно красно-коричневым — две тоталитарные антицивилизационные системы его бы «по-хорошему» или «плохому» поделили между собой.

Долгие годы интеллигенция уверяла себя в том, что государство — оно всегда плохое. И тот, кто говорит не о необходимости даже сильного государства, а просто о том, что государство должно быть, тот просто большевик. Ведь это именно большевики столько лет терзали нас своим злодейским государством. Но в том-то и дело, что не было никакого государства в России с 1917 года.

Самая большая вина создателей советской власти в том, что они остановили развитие русского национального государства. Ведь государством здесь именовалось нечто совсем другое — власть банды. Этого не хотят и не могут понять советские юристы, начисто лишённые правового сознания, как Зоркин и Казанник. Один из них способствовал в свое время принятию решения Конституционного суда о компартии, оскорбительного для памяти десятков миллионов жертв коммунизма, а другой — отпустил на волю бандитов и погромщиков, выполнив антиправовое и антигосударственное постановление Государственной Думы.

Государство есть у нас, нормальных людей, взявшихся за его создание в 1990 году. И оно доказало свою жизнеспособность в октябре прошлого года. Но ведь даже избавиться от такого позора, как газета «Правда», не говоря уже о «Советской России» и прочих подстрекательских изданиях, наши государственные мужи не сумели.

Но если бы дело ограничивалось только действиями определенных групп и лиц, если бы разрушительный антигосударственный потенциал был бы социально и политически локализован, то все было бы гораздо проще. К сожалению, дело обстоит не так. И если случится беда, то погубит Россию самодовольная близорукость Анатолия Собчака, уверенного в том, что нацисты, придя к власти, будут вести себя в соответствии с нормами и принципами правового государства, и желание Сергея Ковалева быть побежденным.

Губительным может оказаться и другое — влияние тех сил, которые не заинтересованы ни в ка-

Дмитрий ШУШАРИН

**Интересно,
как бы
Эрхард
проводил
свои
послевоенные
реформы
в Германии,
если бы
продолжала
выходить
«Фелькишер
беобахтер»,
а нацистской
партии
дали
возможность
зарегистрироваться
снова?**

ком движении, ни в каких изменениях, чьим интересам отвечает вечный «нулевой вариант»: сколь возможно долгое пребывание русского государства и русской государственности на начальной стадии их развития. Есть такая партия, которая защищает интересы этих людей.

Присутствие Сергея Шахрая в правительстве, несмотря на его очевидные заслуги в августе 91-го и в Беловежской пуще, удивляет. Его партия — ПРЕС — на выборах особых успехов не добила, а поведение ее членов в феврале, когда принималось постановление об амнистии, пожалуй, внушает еще большее отвращение, чем предательство Казанника. Да и партия какая-то странная. «Державная», но явно антигосударственная.

Да, именно антигосударственная. Только так можно назвать партию, добивавшуюся освобождения государственных преступников и пытавшуюся втянуть Россию во вторую кавказскую войну. Эта партия определенного поколения политиков. Разумеется, термин «поколение» употребляется здесь в историческом, политическом, а не биологическом смысле этого слова.

У людей с советским образованием, воспитанием и опытом хватает ума, чтобы смекнуть, что в настоящем государстве они никому не нужны. А вот в державе могут пригодиться. Недаром ведь ПРЕС, набравшая гораздо меньше голосов, чем «Выбор России», заняла важные посты в правительстве. Потому что Шохин был готов пойти на антигосударственное, антинациональное, но державное слияние здорового рубля с дохлым «зайчиком», а Гайдар с Федоровым — нет. И весьма показательно, что Козырев весной этого года в своих заявлениях по поводу бомбежек позиций боснийских сербов придерживался вполне официального и умеренного тона, в то время как о «пощечине», которую якобы получила Россия, говорил Шахрай.

Да, ПРЕС — это партия затяжного, стагнационного, искусственно затягиваемого конфликта с прошлым, с антигосударственным советским прошлым, а вовсе не партия «единства и согласия». В том-то и состоят парадоксы истории, что единства и согласия русские достигали в августе 91-го и в октябре 93-го, когда разного рода сволочь пугалась и замолкала. Но, как только она замечала, что государство, призванное по своей природе, по своему предназначению, по своей цивилизационной функции к ежедневному утверждению ценностей и норм цивилизованного общественного устройства, этого не делает, она снова начинала наглеть. И наглетла до заявлений о том, что нация и общество обречены якобы на «согласие» с ними.

Государство не станет государством, пока его лидеры не поймут, что гражданскую войну, которая была развязана большевиками в 1905 году, не остановить никакими договорами об общественном согласии. До окончательной победы в этой войне далеко, но у русского государства нет другого способа выжить, кроме одного — победить.

Снайперы в октябре

ЮРИЙ ШТУКИН

Кто они? Сколько их было? Откуда они взялись?

Марк ДЕЙЧ

Октябрьские события минувшего года оставили немало вопросов. На некоторые из них (например, о числе погибших и раненых) имеется множество ответов, а это значит, что, скорее всего, ни один из них недостоверен. На другие вопросы ответов нет вовсе, и подступить к таким вопросам практически невозможно. Прежде всего я имею в виду снайперов, о роли которых в те октябрьские дни так много писали потом практически все средства массовой информации. Кто они, эти снайперы? Сколько их было? Откуда они взялись? И куда делись потом, когда все было кончено?..

Должен признаться, что мне повезло: этот человек согласился поговорить со мной. Я обещал, что не назову не только его фамилию, но даже имя. Мне разрешено сообщить о нем только одно: он — высокопоставленный сотрудник спецслужб, и та часть информации (вероятно, незначительная), которой он со мной поделился, получена им, профессионалом, от его подчиненных и коллег — тоже профессионалов.

Вот запись нашей беседы. Кое-что из того, о чем вы сейчас прочтете, может

показаться вам невероятным. Ни подтвердить, ни опровергнуть эти сведения я не могу. А человеку, с которым я разговаривал, не было нужды что-либо подтверждать. Он просто сообщил мне то, что считал возможным.

С его разрешения наш разговор записывался на пленку. Голос моего собеседника на хранящейся у меня пленке изменен.

— **Что вам известно о снайперах, которые были задействованы в событиях 3—4 октября прошлого года?**

— По официальным и неофициальным оценкам, в Москве в те дни действовали 100—110 снайперов-профессионалов. Существует предположение, что это — боевики, прибывшие из Абхазии или Приднестровья. Действительно, там есть профессионалы, но их немного. Согласно некоторым данным, которыми я располагаю, в Москве их было 8—10 человек. Почему не больше? В поезде или самолете провезти снайперскую винтовку практически невозможно. Это не укороченный десантный автомат, это не АКС.

Могли ли это быть снайперы из числа бывших афганцев, которых к «Белому дому» привел Котенев? На мой взгляд, нет.

— **Почему?**

— Я сам неплохо стреляю и знаю, что для подготовки и тренировки снайперу необходимо хотя бы раз в неделю практиковаться. Бывшие афганцы такой возможности не имели. Кроме того, когда они пришли к «Белому дому», их вооружили помповыми ружьями и АКС. Снайперских винтовок у них не было.

И еще одна группа, которая теоретически могла бы иметь возможность для введения снайперов в район боевых действий возле «Белого дома»...

— **Со стороны «Белого дома» тоже ведь были снайперы?**

— Да. Как раз о них я и хочу сказать. Именно там и находились снайперы из Абхазии и Приднестровья. Но в «Белом доме», согласно известным мне документам, было не более 10 винтовок СВД.

Если иметь в виду другую, противоположную сторону, то в составе кремлевской охраны есть взвод «трассовиков-чердачников». Эти люди прикрывают маршрут следования президента или оборудуют свои секторы во время его публичных выступлений. Они были задействованы в октябрьских событиях: даже в средствах массовой информации попадались сообщения о том, что при задержании снайпера он демонстрировал удосто-

верение спецслужб, в частности — Министерства безопасности. Эти удостоверения в качестве документов прикрытия имеются у сотрудников Главного управления охраны. Однако таких людей тоже немного. На мой взгляд, здесь были задействованы некие другие силы.

— **Что вы имеете в виду? Согласно нехитрому подсчету, всего в Москве, таким образом, было задействовано 20—25, ну 30 снайперов, но не 100—110. Откуда же взялись остальные?**

— Начну с того, что это были настоящие профессионалы. Лейтенант группы «А», которую журналисты окрестили «Альфой», Сергеев, был убит пулей, которая попала между верхней границей бронезиления и нижней границей сферы. Для людей гражданских объясню: сфера — это специальный защитный шлем у различных спецназов. По сведениям от трассологов, выстрел был произведен из технического помещения фабрики имени Капранова, которое находится рядом с «Белым домом». Это техническое помещение долгое время использовалось КГБ СССР для наблюдения за американским посольством. Комната была оборудована еще 27 сентября.

— **Чем оборудована?**

— Для дежурства снайперов, которые должны были меняться, там было все необходимое: термосы, оборудование огнестрельного оружия и так далее.

— **Скажите, что представляет собой граница между верхней частью бронезиления и сферой? Доступна ли она рядовому стрелку?**

— В этот промежуток может попасть только профессионал высочайшего класса. По тем данным, которые я получил, у Сергеева этот промежуток составлял около двух сантиметров.

Что за человек там был? Что за профессионал? Почему он стрелял в «Альфу»?

Другой факт. 119-й Наро-Фоминский полк, выведенный до этого из Прибалтики (об этом мало кто знает — этот полк именуется еще «ачаловским», поскольку до этого им командовал Ачалов, назначенный позднее Руцким министром обороны «Белого дома»). Полк шел на поддержку Руцкому. Именно это давало основание Ачалову докладывать депутатам в «Белом доме» и Руцкому о том, что на помощь идут войска, — так вот, когда этот полк подошел к «Белому дому», снайперскими выстрелами были убиты старший лейтенант Красников, рядовой Корюшкин и ефрейтор... (фамилия ефрейтора на пленке оказалась неразборчивой. — М.Д.). Кто в них стрелял?

— **После этого настроения в том полку резко переменились — я правильно понимаю?**

— Да.

— **Скажите, а в том специально оборудованном помещении, о котором вы рассказывали, — что там было обнаружено впоследствии помимо термосов?**

— Я обойду этот вопрос.

И все-таки: откуда взялись эти снайперы? Далее я предложу лишь несколько разрозненных фактов, поскольку готового ответа у меня нет.

В сентябре один из близких Коржакову людей, генерал Борис Просвирин, через швейцарскую резидентуру устанавливает неформальные контакты с различными спецслужбами ряда европейских государств. 17 сентября с Кипра в Шереметьево прилетает несколько групп туристов, среди которых только мужчины. Документы об их прилете по каким-то причинам не сохранились.

— **Вы это твердо знаете — что этих документов нет?**

— Во всяком случае, так меня информировали. Как и о том, что не сохранилось документов на прилет некоей команды по регби, которую, если я не ошибаюсь, 27 сентября в аэропорту Шереметьево встречал сам Коржаков. Соревнований по регби ни по линии спортивного комитета, ни по линии каких-либо спортивных клубов в тот период не было.

До встречи этой группы сначала Коржаков, а потом Просвирин на воинском складе в Алабине, а затем на воинском складе отряда милиции особого назначения в Реутове получили снайперские винтовки СВД.

— **В каком количестве?**

— По той информации, которую получил я, соответственно 50 и 52 винтовки.

Вот еще один факт. Когда был убит Сергеев и шел огонь по группе «Альфа» из гостиницы «Мир», только тогда она открыла стрельбу и стала подавлять огневые точки в гостинице «Мир». Так вот. Кроме тех людей, которые попали в список жертв, в гостинице «Мир» (согласно той информации, которую я получил от моих подчиненных) в одной из комнат было обнаружено четыре трупа. Один из них — в форме подполковника милиции. Этот человек, по данным моих информаторов, являлся сотрудником Главного управления охраны. Три других — в штатском, без документов.

— **С оружием?**

— Неподалеку от места их гибели были обнаружены две снайперские винтовки СВД. Кому они принадлежали, сказать невозможно, поскольку следственные действия в отношении этих людей, насколько мне известно, не проводились.

Я помню по румынским событиям, как снайперы, тоже никем не пойман-

ные и никем не виденные, растреливали обе противостоящие стороны, чтобы таким образом развязать руки более сильной стороне. Условно между собой мы этот прием называем «пикадиллья». Во время корриды есть люди, пикадоры, которые маленькими дротиками специально злят быка — чтобы он выскочил на тореро более разъяренным. Публике кажется, что из-за этого зверь становится еще страшнее, а на самом деле бык от этого становится безопаснее.

Любопытно, как уезжал ряд иностранцев сразу же после октябрьских событий. Группы мужчин, среди которых можно было узнать тех, кто прилетал в качестве регбистов или туристов с Кипра, уезжали поездами на Варшаву, Берлин и Бухарест. Причем ехали они в тех купе, билеты в которые по многу лет назад заведенной практике продавались по брони КГБ.

Еще одна любопытная деталь, как бы не относящаяся прямо к тем разрозненным фактам, которые я вам предлагаю, чтобы вы сами выстроили какую-то вам угодно версию. Когда арестовывали «верхушку» «Белого дома», по показаниям некоторых случайных очевидцев, в зале остались два человека: бывший министр безопасности Баранников и начальник службы личной безопасности президента Коржаков, который пришел их, включая Баранникова, арестовывать. Они обнялись и расцеловались.

— **Версии в данном случае — дело неблагоприятное и даже опасное. Допустим, однако, — я подчеркиваю, д о п у с т и м — эти люди, которые прилетели в Москву накануне октябрьских событий и уезжали по брони КГБ, и были неизвестными нам снайперами. Скажите, такая практика использования подобных «сил» — существует ли она во взаимоотношениях между спецслужбами?**

— Мне известны случаи, когда корпоративность спецслужб оказывалась намного сильнее политических связей глав государств. Мне также известны случаи, когда специалисты российских спецслужб своим физическим участием помогали в борьбе с организованной преступностью в европейских государствах, где они были задействованы против так называемой «русской мафии».

По поводу снайперов отвечу вам так. В отличие от многих военных я не подписчик газеты «День», которая уже не раз выстраивала версию о приезде в Москву еврейских боевиков, из которых здесь формировались боевые отряды... Эту версию мы оставим «патриотам». Я в данном случае рассказал вам о некоторых разрозненных фактах, полученных по самым различным каналам. И не более того. ■

Абхазия: край, где русских ждут?

Сергей ШОПКОВ,
Валерий ЛЕВИТИН (фото)

Быть в Абхазии и не повидать знаменитое озеро Рица — по меньшей мере, неуважение к хозяевам гостеприимного края. Поэтому я недолго раздумывал над приглашением посетить естественную горную чашу, куда природа собирает ледниковую и родниковую влагу. Если сравнение со слезой не покажется вам банальным, то я так и сказал бы о чистоте озерной воды. Зеленовато-синее, в обрамлении густых горных лесов, хрустальное озеро обожгло меня. Не студеной водой — полным безлюдьем.

Приметы некогда шумного курорта — повсюду. Лодочная пристань, ресторан, цветники, уютные террасы, выложенные бетоном и мрамором подъемы и спуски, густые аллеи. И ни души. Только юркие ящерицы греются на развалинах бетонных плит, будто чума прокатилась по живописным местам, красотой которых можно любоваться дни и ночи подряд. Имя чумы — война.

Осенью Абхазия отмечает первую годовщину мирной передышки в затянувшемся конфликте с Грузией.

Сегодня здесь нет боев. Может, и благодаря тому, что минувшим летом около трех тысяч российских солдат из состава миротворческих сил (МС) заняли позиции на естественной абхазско-грузинской границе по реке Ингури?

Командующий миротворцами генерал-майор Василий Якушев считает, что безопасность грузинских беженцев в Абхазии в целом наши войска обеспечивают и ситуацию контролируют полностью.

Однако, по сведениям из штаба МС, террористические акты не прекращаются, особенно в Гальском районе. Как утверждают в Сухуми, в Тбилиси до сих пор не могут примириться с фактической утратой Абхазии. Не берусь оспаривать или подтверждать это мнение, но точно знаю, что в Кодорском ущелье до сих пор находятся сванские боевые отряды — хорошо вооруженные, имеющие технику и все необходимое для эффективной партизанской борьбы. Из этого ущелья быстро можно выйти прямо на Очамчиру — географический центр территории. В услови-

ях угрозы повторения вооруженного конфликта это серьезная проблема. Окончательное решение кодорского вопроса пока затягивается. И абхазы своими силами пытаются вытеснить сванов. Перед отъездом в Москву я слышал разговор, в котором упоминались полсотни захваченных пленных в ходе тайной ночной вылазки.

Вот почему недавняя войсковая операция российских «голубых касок» в Кодорском ущелье встретила полное одобрение обеих конфликтующих сторон. Может, действительно, в то время как декларации политиков явно расходятся с прак-

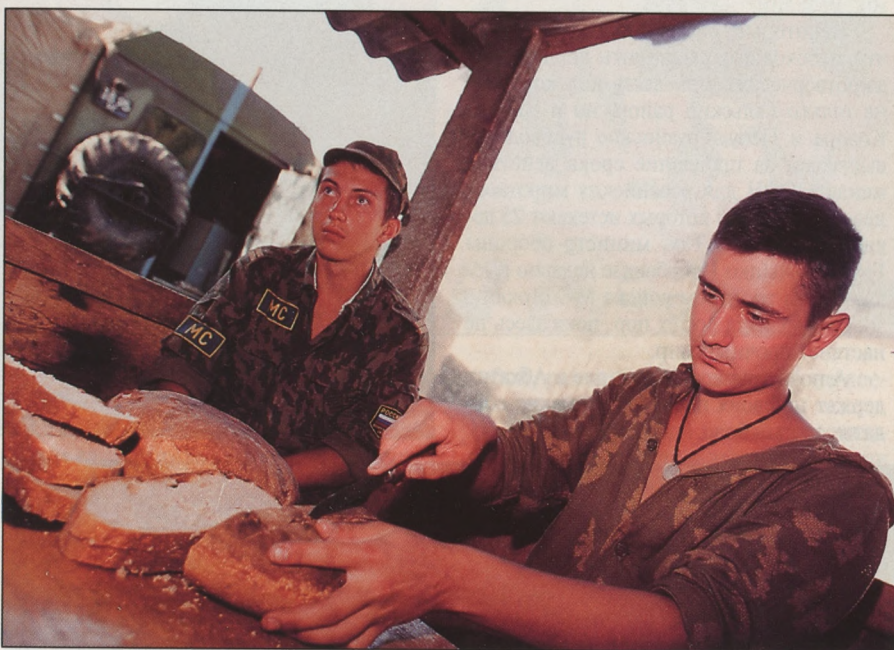

тическими действиями, наши миротворцы — единственная реальная сила и гарантия стабильности?

Бок о бок с ними работают наблюдатели ООН. Правда, свои мероприятия западные коллеги не афишируют.

Их число растет неуклонно. В июне было около 50, сегодня — почти сотня. Абхазы относятся к ним настороженно. Во-первых, мандат наблюдателей ООН гласит, что они работают на территории Грузии, т.е. штаб-квартира — на той стороне пограничной реки Ингури. Во-вторых, оновцы постоянно прочесывают

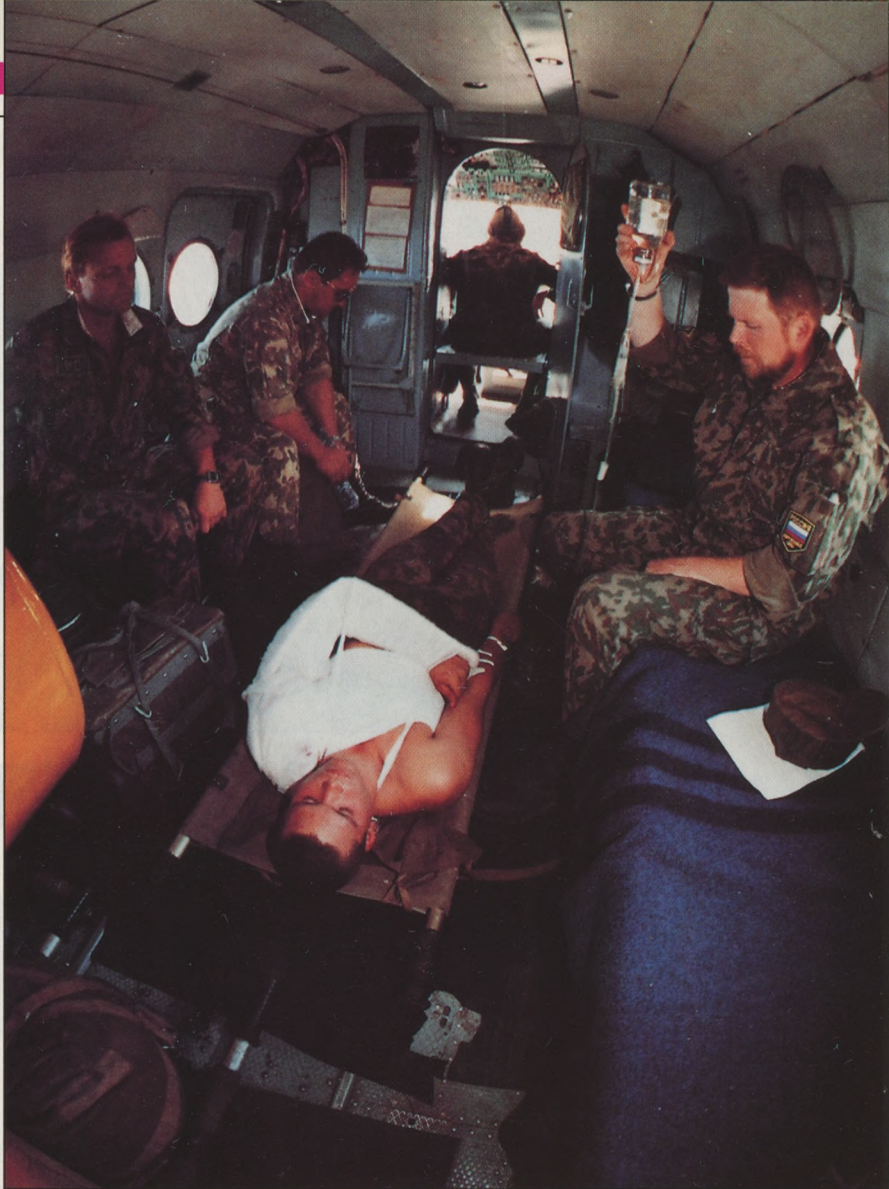
Абхазию вдоль и поперек, практически беспрепятственно. При этом незаметно, чтобы «голубые каски» концентрировали свое внимание в Гальском районе — эпицентре событий. В-третьих, никакой реальной помощи со стороны ООН население Абхазии не получает. И уже имел место скандал — в патрульной машине под флагом ООН был задержан гражданин Грузии.

«Врачи без границ» и Международный Красный Крест — эти в почете у местного населения. Благодаря усилиям медиков из-за рубежа практически все лечебные учреждения Абхазии снабжены медикаментами, лекарствами — всем, что необходимо для здоровья людей.

Авторитет российских военных здесь довольно высок. Как стало известно, достигнута договоренность о развертывании трех российских баз на территории Грузии: Ахалкалаки, Батуми, Вазиани.

Некоторые специалисты полагают, что необходимо расширить дислокацию миротворческих сил, взять под контроль не только Гальский район, но и районы Кодора и Псоу. Грузинское руководство выступает за продление срока действия мандата ООН для российских миротворцев, полномочия которых истекают 25 декабря сего года. Так, министр обороны Грузии Вардико Надибаидзе недавно высказался за то, чтобы войска МС стояли в зоне конфликта до тех пор, пока здесь не настанет прочный мир.

А пока хрупкое перемирие в Абхазии держат на своих плечах российские солдаты.

Потемки таврические

Кубинский синдром на полуострове свободы

Сидели уроды со свечкой. Пришла пора расхаживаться. У одного губа за ухо заворачивается: дунул — ничего. У другого книзу висит. Дунул — ноль. У третьего и вовсе на нос лезет.

Надо звать дядю Петю.

— Уроды, — сказал дядя Петя и потушил свечку пальцами.

Анекдот

Денис ГОРЕЛОВ

Повсеместно уровень цивилизации определяется суточным расходом воды на душу населения. Проще говоря, частотой мытья.

В Крыму цивилизации нет вовсе.

В связи с невыпавшими дождями (ничего не скажешь, уважительная причина на исходе XX века) вода подается в день по часу или пожарными машинами для желающих. Желают все. Жанровая сценка «Приезд цистерны» достойна кисти сталинских живописцев-бытовиков, ничем не уступая лактионовскому «Письму с фронта» или «Прибыл на каникулы». Крик, звяк, ругань, лохани, кастрюли, тазы восходят к блаженной памяти итальянскому неореализму и делают среднестатистический крымский дворик особенно живописным. Тем более на фоне неисчислимых запасов жидкости. Ой, воды, сказала письмоносица Стрелка и чуть не утонула.

От лютот жары даже у гордых овчарок уши пожухли тряпочкой и вид презабавный. В городских квартирах под зеркалом прибиты дачные рукомытники. Ванны закупорены на весь сезон и заполнены до краев; с отсутствующим видом плавают ковши. Мыльными пальцами в бак не лазить, гостей не водить, они гоняют чай и сливают за собой в туалете — не набегаетесь. По всему Артеку мрачные объявления, что если вы, суки, будете питьевой пионерской водой огороды поливать, лагерь накроется медным тазом, и все вы узнаете, почем бархатный сезон в Сахаре.

Ну, что засуха приключится в самое курортное время, — этого, конечно, никто ожидать не мог. Трудно было

предположить, что летом будет лето, вода плюс двадцать четыре, а Прибалтика с Кавказом три года как отломались и спивают местные песни. Воду, ясное дело, выпили хохла; на предвыборных плакатах у всех кандидатов в украинскую раду расцарапанные рожи. Между тем такого наплыва на Южный берег Крыма не видели со времен суворовского десанта на Измаил. Густота людей напоминает «крокодильские» юморески 75-го года: селят в курятник, а на голову падает велосипед. На распахнутых дверях контор объявления: «Здесь не турбюро», причем «НЕ» выделено крупнее. Урны доверху с гарниром, межгород перегрелся, к морю идти по людям, редких местных узнаешь по одежке, которая есть.

Человеколюбивые крымчане ходят с большими глазами и боятся встретить знакомого; знакомые живут уже даже в стоматологических кабинетах. Нечеловеколюбивые крымчане ухитряются сдавать сарайки размером с тахту, которая днем ставится на попу, чтоб можно было сесть на пол. Минимальная цена за жилье — пять тысяч рублями с носа, и даже за бешеные деньги трудно найти что-нибудь приличное: на одну ночь не берем, с детьми не берем, лучше мужиков, чтоб еще воду таскали. Отдых похож на зимовку в субтропиках: жить вповалку, срать с валуна, по воду ходить за километр. Еду добывать с боем и издалека, сахар, жиры и лекарства с

собой, раненых добывать, чтоб не достались врагу.

Предметы первой необходимости — пузырь из-под колы и вентиль, ибо они скручены со всех до одного выходящих на поверхность кранов. Мыться негде, морская вода не мылится, горячую пьют, а не выливают на себя. Некоторые ушлые наострились принимать холодный душ из многокилометровой артековской трубы, но стоит помылить под плавками, как подваливает лагерный милиционер и подозревает всякое нехорошее в отношении детей, чего и в помине, на фиг они уперлись. Он и сам от смущения пунцовый, но послать подалее нельзя, потому что отсутствием временной прописки ты нарушаешь бездну статей административного кодекса Украины, а от жары и формы они все там принципиальные до невозможности.

Жара адская. Чтобы остудить банку или пузырь, его следует, вопреки обычаю, держать в руках: температура даже в тени значительно выше, чем у человеческого тела.

Тени в Крыму мало.

Вместо того чтоб отбрасывать тень, пользоваться жарой на полную катушку

ИТАР-ТАСС

Граждане! в Крыму ХОЛЕРА.

СТРОГО ВЫПОЛНЯЙТЕ
ТРЕБОВАНИЯ ГИГИЕНЫ,
ПОДДЕРЖИВАЙТЕ ЧИСТОТУ.

Берегите ЗДОРОВЬЕ

и ковать копейку из воздуха, местные в сторонке обмахиваются газетой, клянут Украину и всеми силами подтверждают мысль, что работать они не умеют, не хотят и не будут, хоть режь. Так было, так будет. Наиболее отсталая экономика всегда в странах, где бананы сами падают в рот. Самый актуальный анекдот сезона — про негра под пальмой, которому белый предлагает продать кило бананов на базаре. Зачем? Назавтра продашь десять кило. Зачем? Послезавтра купишь тачку, будешь тоннами возить. Зачем? Купишь дом на берегу с шезлонгом и будешь ничего не делать. Да я и так ничего не делаю.

Зачем нам ваши бешеные деньги, если на них у нас нечего купить?

Резонно. Хлеб завозят к обеду и ненадолго, молокопродукты к обеду через день, сыр и колбасу никогда, только в импортных банках с ключиком — причем через Москву, то есть с двойной накруткой. Арбузы дороже, чем в Москве, вино дороже, чем в Столешке. Огороды побил долгоносик, так что местами даже голодновато.

Тем не менее запах дерьма по Крыму повсеместный от Симеиза до Феодосии. На ялтинских припортовых пляжах купаться запрещено, и этому можно верить. В бухте Ласточкино Гнездо запрещено купаться в радиусе 30 метров от причала, и этому можно не верить, но потом разложенное на камнях полотенце здорово шмонит мочой. Выводную трубу диаметром с голову за-

мечаешь чуть позже. В «Артеке» что-то с канализацией (как что? все та же вода!), и с верхних лагерей пионерскую мочедристю спускают поверху горами. Зловонные ручьи устремляются вниз по белым ступеням, причем каждый раз в новом месте. По случаю жары холерный возбудитель активизировался во всех стоячих водоемах Симферополя — в других местах не проверяли, чтоб

не травмировать раньше времени население. Одна холерная палочка способна в течение недели уложить половину Крыма, потому что уехать оттуда тоже невозможно.

Ну, от МПС и Аэрофлота ждать милостей мы давно уже перестали, хоть и платим за белье по три штуки, и окон послушно не открываем, и пишем очень аккуратно в ды-

ВЛАДИМИР СВАРЦЕВИЧ (НГ) — ФОТО

рочку. Но чтобы билеты от Ялты до Симферополя нужно было покупать за неделю — такого еще не было. Утренний пятичасовой троллейбус в дождь и воскресенье полон под завязку. Частники, кроме профессиональных хапуг, тормозить не хотят. На посадках дерутся. Человек, отъехавший от жилья километров на сто, не знает на сто, где проведет сегодняшнюю ночь. На вопрос, отчего не пустить коммерческие рейсы, отвечают, что дорога жизни — это национальное достояние Крыма, износ у нее приводит к диким авариям, тут вам не равнина, тут климат иной. А таксу за пользование еще не установили, капитализм еще грудной и болеет часто. Впрочем, на каждую хитрую гайку, как обычно, находится болт с нарезкой. Раньше водителей лишали прав за необлеченных стоячих пассажиров, и все равно они были самыми высокооплачиваемыми и уважаемыми людьми в Крыму. Теперь половина водителей сбежала в Россию за рублем, график движения зимний, ездить некому, поди отбери у него что-нибудь. И обратно они самые оплачиваемые и уважаемые люди в Крыму. То есть несколько купюр большого достоинства могут спасти отцов русской демократии. За пять штук российских точно уедете, только договариваться с водителем надо на конечной: на трассе вряд ли затормозит, не трэба.

Крымский капитализм едва вступил в зачаточную стадию платных сортиров, когда деньги делать дозволяется только из дерьма, не считая платного извоза и приусадебной зеленюшки, которые трудоемки и потому тоже не возбраняются. Черные жарят под пальмами приго- релый шашлык, все прочие виды деятельности просто не приходят в голову. Сдавая будочку в каком-нибудь южнобережном «Шанхае» по цене московской двухкомнатной квартиры с водой и туалетом (20 штук за комнату с четверых), Крым ноет о своей сиротской доле и черными словами клянет правительство, что оно к этой радости еще перестало сверху платить зарплату — слава богу, мы пока за их беды не отвечаем, пока Ленки во всем виноваты. Повсеместные рецидивы советского сознания: хлеба уже нет, а спекулировать им на базарах пока еще запахло (встретить на рынке батон можно лишь в традиционно аморальных мегаполисах). Плотность населения уже московская, а правила провоза по-прежнему крымские: ни одного стоячего пассажира в салоне. В ночных киосках вместо бухла продаются заколки, бюстгалтеры и дезодоранты. В два ночи самое оно. Рэкет сопливый, ходит сшибает гривен-

ники со спекулянтов квашеной капустой да знай впрягает своим пергидрольным буренкам, как тяжело мочить лохов по трое в день.

Все это дешевое опереточное бакланье буйным сорняком растет на дефиците: опережающий спрос рождает цены, бандитов и опять цены. В пять тысяч рублями за сто грамм набережного шашлыка заложена пышная жизнь всего расслабленного бычья, отвлеченно фланирующего по зефирным балюстрадам — и глистоватых коротко стриженных подростков с маленькой головой и в штанах пузырем, и их начальников — бизонов с золотыми крестами размером с могильные. Вечером они «хуляют». Вечером из всех динамиков — новая летняя волна омерзительного брайтонского блабья: «Ах, налетчики, мои налетчики, кошелечки, кошельки да кошелечики, эх, дела бедовые, зубы золотые», — под которую куражливо кривляются социально близкие «гости из Донецка». В перерывах они орут жокеем, что на самом деле хозяева. За песню «Киса-киса-киса, ты моя Лариса» отстегивают по десять штук, а на деле давно уже пора давать в морду.

При всем при том для ползункового капитализма характерна дичайшая степень популистской демагогии. В парламенте круглый день драка, кто у кого дубинку украл и в казну десять баксов не доплатил. Кончается все соломоновым решением продавать хлеб по паспортам с пропис-

кой, чтобы приезжие платили втридорога — только очередей в булочных еще не хватало для полного счастья. Приезжие б и заплатили — но предназначенные им дорогие сорта быстро расходятся, а те, что лежат, отпускаются только местным по два в руки. А перепродавать на базаре еще стесняются — опыта нет. А до частных хлебопекарен еще как до Луны. Тыфу ты черт.

Уроды, сказал дядя Петя.

В самом деле. Как можно бедовать на земле, где и гайка прорастает, где 300 солнечных дней в году, а море из окна видать? Кем нужно быть, чтобы в таких условиях не иметь своего сортира, а ходить в лес и в овраг с газеткой — как немалая часть местного поселкового населения? Что взять с людей, которые за все свое царское лето не удосуживаются и пару раз выползти к морю, зато всюю костерят приезжих, на чьих кошельках держится экономика полуострова остальные девять месяцев в году?

Зато свобода. Вице-премьера гноят за то, что он москвич. Парламент охраняют рейнджеры в камуфляже с красными лампасами шириной с Волгу. На всю бухту Ласточкино Гнездо орут частушки очередные семь Симеонов: мама-папа и пятеро детей. Я пошла на огород, повстречала казака, ай-люли, ай-люли.

Зуб даю: ничего у них не будет, пока не придет какой-нибудь Писарро, — даже воды.

Один Миша Шуфутинский — голос освобожденных наций. Виктор Хара. ■

ПРОИЗВОДСТВЕННО-КОММЕРЧЕСКАЯ ФИРМА

КГК

МЕБЕЛЬ ДЛЯ ОФИСА

Большой выбор, доставка, сборка, скидки.

**РАБОЧИЕ МЕСТА,
ОТДЕЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ,
КРЕСЛА.КАНЦЕЛЯРИЯ.**

ул.Делегатская,дом7

**КАБИНЕТЫ
для
РУКОВОДИТЕЛЕЙ**

ул.Делегатская,дом3

973-90-57 **925-12-62**

Крымский вал, дом 8.

Цитатник

Владимир КОМЧАТОВ, представитель президента в Москве: «...Сейчас в России нет реального претендента на пост главы государства, кроме президента. Мне кажется, это осознает большинство партийных лидеров. Жаль, что в Конституции нет теперь должности вице-президента. Премьер должен воспитываться рядом...»

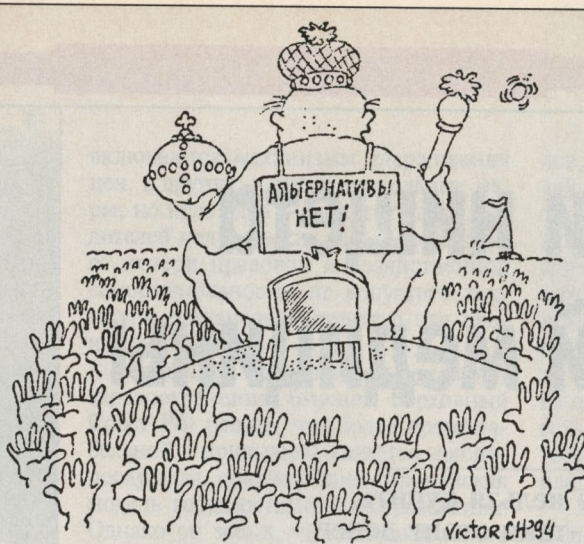
(«Век», № 38)

Эдуард ЛИМОНОВ, лидер оппозиции в «третьей позиции»: «...Да всем нам хочется убрать режим Ельцина от власти, но из этого вовсе не следует, что мы со счастливыми лицами хотим выбрать в президенты Руцкого с группой окруживших его беспринципных лиц или нахального Эйдельштейна-Жириновского с его нерусскими «новыми русскими».

(«Новый взгляд», № 39)

Виталий ТРЕТЬЯКОВ, независимый редактор: «Итак, почему избиратели могут в 1996 году не проголосовать за прежнего пилота? По трем главным причинам. Первая: «самолет» уже развалился, голосование бессмысленно. Вторая: у пассажиров нет возможности голосовать (кабина пилота закрыта изнутри, выборы не проводятся). Третья: «самолет» летит с опасным креном, может быть, даже вошел в пике, но никого надежнее нынешнего пилота пассажиры не знают (или не хотят знать). Это вариант, приобретший уже форму политического афоризма: «альтернативы нет».

(«Независимая газета», 5 октября 1994 г.)

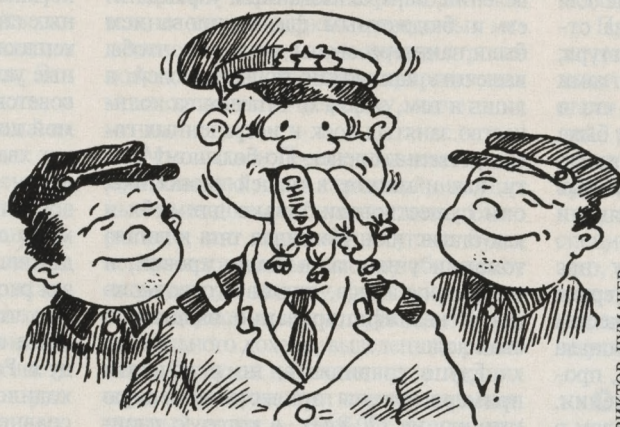

Вячеслав МАРЫЧЕВ, депутат Госдумы от фракции ЛДПР и по совместительству монархист: «...По всей видимости, Ельцин с помощью Собчака собирается возродить монархию и стать регентом, а Егору Гайдару зарезервировано место придворного пажа».

(«Век», № 38)

Адам МИХНИК, известный в прошлом деятель «Солидарности»: «...Я не люблю реставрации. Не люблю ее этики и эстетики, ее ограниченности и невежества. Но эту бархатную реставрацию нельзя отбросить с порога, ее нужно освоить, поладить с ней. Нужно насыщать ее ценностями бархатной, демократической революции. Ибо пусть и плохая, но логика реставрации все же лучше якобинско-большевистской чистки, мести, гильотины. Последовательная реставрация — сера от скуки, последовательная революция — красна от крови...»

(«Известия», 30 сентября 1994 г.)

Владимир ЖИРИНОВСКИЙ: «Четыре китайца окружают одного русского. Мы ни в кого не сможем стрелять. Ибо этот русский будет окружен четырьмя китайцами. Каждый из них даст ему в рот китайскую сосиску и горсть риса, и он ничего не сможет сделать».

(«Литературная газета», № 40)

Геннадий БУРБУЛИС, президент фонда «Стратегия»: «Я считаю неприемлемым выдвижение Ельцина на второй президентский срок. И будет хорошо, если оставшееся время Борис Николаевич, опираясь на здоровые силы общества, в полной мере себя реализует. Но я боюсь той наивной и совершенно необоснованной претензии традиционного политического актива страны представлять интересы большинства избирателей на политическом Олимпе — к власти должны прийти новые люди».

(«Вечерний клуб», 8 октября 1994 г.)

Микаэл ТАРИВЕРДИЕВ, композитор: «Мне очень не нравится команда правительства. Но когда я смотрю на оппозицию... Эти люди вызывают просто панический ужас. Я — человек памятный, хорошо помню, как Умалатова, выступая по ТВ, говорила: «Мы всех повесим головой вниз».

(«Сегодня», 11 октября 1994 г.)

Михаил ГОРБАЧЕВ: «О Гайдаре. Я думаю, его партия не может входить в состав демократической альтернативы уже потому, что он заявил о своей безоговорочной поддержке президента Ельцина на будущих выборах...»

(«Московские новости», № 44)

Егор ГАЙДАР: «...готов горячо поддержать прекрасную инициативу г-на Руцкого (о возобновлении работы общественной комиссии по расследованию причин и последствий «черного октября». — Ред.), но для этого надо отменить постановление Госдумы об амнистии и поместить г-на Руцкого обратно в то место, где он сидел к моменту ликвидации комиссии».

(«Сегодня», 5 октября 1994 г.)

Блеск и нищета страховой медицины

Здоровье нельзя купить,
но оно все-таки стоит денег

То, что российская медицина давно находится в состоянии глубочайшего кризиса, не новость ни для кого. И вот для ее спасения был выбран способ наиболее оптимальный и современный — по мнению тех, кто предпочитает лечиться в «кремлевке», и наиболее несвоевременный — по мнению всех остальных: срочный переход на поголовное медицинское страхование.

О том, что из этого получилось, рассказал «Столице» Андрей АКОПЯН, директор Республиканского Центра репродукции человека Минздрава РФ. Именно Андрей Акопян, 36-летний врач, сумевший со своим Центром вырваться из пут «огосударственной» медицины, поднял в прессе вопрос о соответствии навязанной нам в принудительном порядке системы обязательного медицинского страхования экономическим реалиям сегодняшнего дня.

Советское — значит «гигантское»

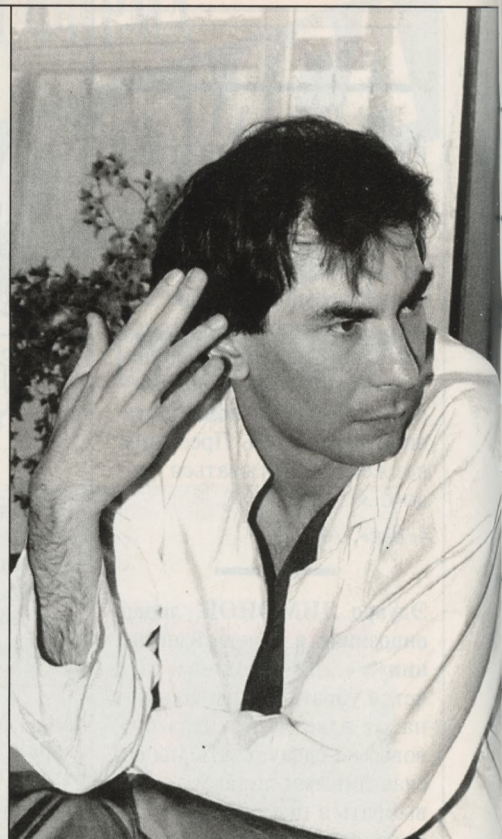
От словосочетания «остаточное финансирование» у медиков сводило скулы всегда. Трудно привыкнуть к тому, что такие жизненно необходимые для благополучия любого государства отрасли, как здравоохранение и культура, кормятся на заднем дворе остатками «барской» кухни. А если учесть, что и кухня та разносоломи никогда не была богата, то остается только удивляться, почему эти отошавшие, неухоженные побирушки до сих пор не протянули ноги.

Уровень здравоохранения у нас всегда оценивался, исходя из критериев развитого социализма — по количеству имеющихся койко-мест, медперсонала на душу населения и койко-дней, проведенных больным в медучреждении. Количество людей, имеющих диплом о высшем медицинском образовании, отвечало масштабам тогда еще советского государства — 1 миллион 200 тысяч (треть всех врачей мира); у нас было больше всех и койко-мест, и койко-сестер, и койко-санитарок — всего в нашей «кочевой» медицине было в самом большом количестве, но почему-то содержание при этом никак не желало соответствовать форме: мы, как известно, были в седьмом десятке по сос-

тоянию здравоохранения (где те славные дни)? Сегодня, по оценкам экспертов, Россия стоит на третьем месте с конца, перед Угандой.

Огромные неповоротливые комплексы на 500—1000 коек, с массой отделений, централизованным управлением и бюджетным финансированием были заинтересованы не в том, чтобы вылечить как можно больше людей, а лишь в том, чтобы отчитаться за количество занятых коек и истраченных государственных денег. По большому счету, как и многое в нашей экономике, они существовали только для себя и для статистики. Извечная тяга к гигантомании унизила, в числе прочих, и профессию врача, лишив его возможности квалифицированно выполнять свой долг.

Глупо сравнивать, но в качестве примера хочется привести немецкую клинику на 120 коек, в которую пациенты, предварительно пройдя все обследование амбулаторно, поступают за 12 часов до операции. В 8.30 операции начинаются одновременно на 12 столах, а 15-минутное опоздание приравнивается к ЧП. В послеоперационном отделении больной находится максимум 3—4 дня, после чего его выписывают домой или переводят куда-либо на реабилитацию, дабы не занимать дорогостоящую койку.

Андрей АКОПЯН

Можно, конечно, обвинить немцев в чрезмерной практичности, но только как тогда назвать нашу систему, когда пациент «вылеживается» до операции неделями, получая деньги по больничному листу, а больница тем временем кормит его и оплачивает из отпущенных ей на лечение средств свет, воду, теплоснабжение и прочие коммунальные услуги. Действительно, бесплатная советская медицина, по сути, была самой дорогой медициной в мире — денег хватало на все, кроме лечения людей.

С переходом на рыночную экономику система здравоохранения, чудом дожившая до этого дня, начала на глазах рассыпаться как картонный домик. Но, что самое странное, — при этом так и осталась избыточной. В 1993 году в России на 10 000 населения приходилось 132,9 койки, в США, для сравнения, — 48,7; врачей — 43,8 и 25,4; сестер — 114,3 и 52,6 соответственно. На сегодняшний день в России насчитывается около 700 тыс. врачей и порядка 1 млн 700 тыс. среднего медперсонала.

В качестве механизма спасения избирающейся в конвульсиях системы был выбран западный образец — переход на страховые формы медицинского обслуживания. Однако при этом было забыто несколько «но».

Коммунизм по-капиталистически

Несмотря на то, что мы всегда декларировали единственность и неповторимость нашего бесплатного (читай — бюджетного) здравоохранения, в Англии таковое существовало с 1948 года. Правда, как и все «ихнее», оно отличалось от «нашего»: там была нормой независимость и частная практика всех госврачей и выборность руководителей трудовых коллективов. При этих, совершенно «капиталистических», качествах английская государственная медицина за счет отчислений налогоплательщиков оказывала равную помощь всем. Но в апреле 1991 года правительство Маргарет Тэтчер признало, что государство больше не в состоянии «содержать» здравоохранение, поэтому 57% всех больниц были трансформированы в самокупаемые концерны. Причем первой задачей была поставлена приватизация этих учреждений и лишь затем — переход на страховую систему.

В Америке, единственной стране с преобладанием частного медицинского страхования, 30% медучреждений обслуживаются из госбюджета, 20% составляют частные, т.е. коммерческие, высокоспециализированные и хорошо оборудованные клиники, а 50 — так называемые «штатные» больницы, которые существуют на пожертвования различных фондов, благотворительных и религиозных организаций. Помимо этого государство финансирует две мощные программы — Medicaid и Medicare для престарелых и хронически больных. 36 миллионов американцев медицинской страховки не имеют. Это вызывает тревогу общественности, и сейчас разрабатывается программа их государственного страхования.

В 1992 году на здравоохранение в США было затрачено 840 миллиардов долларов (14% от валового национального дохода), а в 1993-м — свыше триллиона. По прогнозам американских аналитиков, в XXI веке расходы на здравоохранение могут превысить 50% ВВП, за счет роста затратности технологий, старения населения и увеличения числа хронически больных. Динамичный американский рынок в основном рассчитан на приоритет финансирования больниц.

В Европе же (Бельгии, Голландии, Франции, Германии) и Японии медицинское страхование регулируется государством. Основной его задачей является компенсация пациенту средств, затраченных на лечение.

Каждая из названных систем имеет свои плюсы и минусы. В одном случае

включаются механизмы сдерживания цен, в другом — антимонопольные меры, но цель одна — защитить производителей медицинских услуг (больницы) от потери правовой и хозяйственной самостоятельности, не допустить диктатуры финансовых структур над производителями.

Признав необходимой реформу здравоохранения, бывший Верховный Совет РФ решил, что более презентабельной и привычной является законопослушная, оранжерейная европейская модель государственного страхования. Однако он забыл, что она создавалась эволюционным путем в течение столетия, а Россия не может столько ждать.

Бюрократия живет и побеждает

Итак, 1 января 1993 года был принят закон о всеобщем медицинском страховании граждан России, защищающий права пациентов в условиях рыночных отношений. Но, принимая замечательное по сути решение, власти забыли о том, что страховую медицину нельзя ввести указом — это не инструмент перехода к рынку, а институт сформировавшихся рыночных отношений. Страхование — эволюционный, динамичный, построенный на базе конкуренции процесс, который должен занять свое место в системе сервиса. Этого не произошло. Страховая медицина у нас начала создаваться по-советски. Не разрушив старую систему, не пройдя переходного периода — то есть не создав рынка независимых медицинских услуг, — мы начали строить новую, еще раз продемонстрировав, как можно провести реформу, ничего не меняя.

Мы создали первую и далеко не самую главную часть страховой медицины — механизм собирания денег. Было решено, что страхование у нас будет централизованным, по типу общенационального, а посему финансирование стало двухканальным: кроме 1,8% национального дохода, выделенных решением Госдумы на медицину и идущих через Минздрав, был введен дополнительный налог — 3,6% от фонда зарплаты (в 1993 году это составило 1,1 триллиона, в первом квартале 1994-го — 650 миллиардов рублей), 0,2% этого налога идет в федеральный фонд, остальное — в территориальные. Но опыт советской бюрократической системы бессмертен — она размножается методом деления: на сегодняшний день существует 82 территориальных фонда, которые, в свою очередь, открыли еще 900 районных и межрайонных филиа-

лов, из расчета — 1 чиновник на 25 тысяч населения.

Если оставить в стороне все остальные нюансы, то только из одной этой картины видно, что речь идет вовсе не о страховании, а о создании параллельной Минздраву централизованной структуры. А самое интересное, что и то и другое ведомства финансируются из одного источника — бюджета (!), то есть налоговых отчислений из одного и того же фонда — фонда заработной платы.

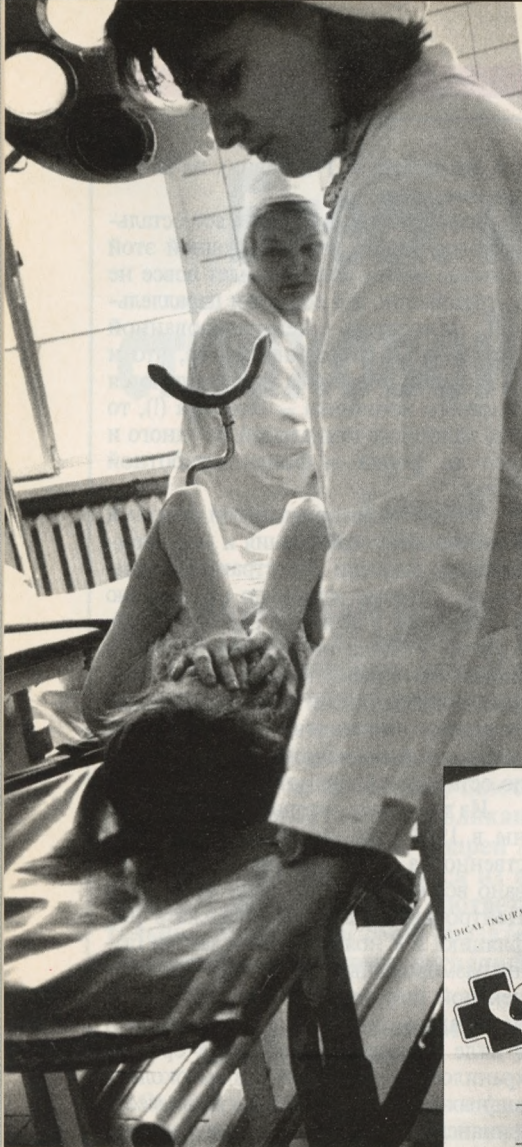
Между территориальными фондами медицинского страхования и медучреждениями выросли 240 страховых компаний, которые встали по отношению к последним в позицию работодателей. Являясь отнюдь не медицинскими, а финансово-кредитными структурами, заинтересованными в минимальных выплатах, они опять исключили возможность финансирования отрасли не по остаточному принципу.

Из тех денег, которые были выделены в 1993 году на страхование, собственно на медицину было израсходовано всего 40%, а 31% был заморожен Центробанком с целью сдержать инфляцию, и к ноябрю, когда деньги были разморожены, благодаря 900-процентной инфляции от них уже ничего не осталось. Еще 29% (287,7 млрд руб.) в виде «временно свободных средств» хранилось на депозитах и в высоколиквидных ценных бумагах, то есть вместо финансирования больниц они были использованы для чьего-то коммерческого оборота.

При этом в «страховые» деньги были вхожи все: ими, как кредитными и даже как безвозвратными ресурсами, стали пользоваться главы администраций, руководители районов и все, кто сумел дотянуться. Но за сбором денег, круговертью инструкций, постановлений, временных уложений, тарифов, спецификаций и прочая забыли, для чего, собственно, все это затевалось. И денег, которые предназначались для медицины, медики, по сути дела, так и не увидели.

Страховая медицина в лампасах

Спросите у любого врача — от участкового терапевта до клинициста, у любого больного: дало ли им что-нибудь медицинское страхование? И вы везде услышите один и тот же ответ. Оно оказалось миражом, фикцией, обманом. Потому что структурная перестройка — это не косметический ремонт, это — война. И настоящая реформа в медицине начнется только тог-

ЭДУАРД КУДРЯВИЦКИЙ

бом» отрасли, наглядно демонстрирует его отношение к рыночной экономике. Объединение Минздрава и Минмедпрома в неповоротливый Минздравмедпром было личным вкладом генерала Нечаева в реформу здравоохранения: единое министерство стало одновременно заказчиком, производителем и контролером. Осталось только взять на себя еще функции потребителя, и можно будет смело рапортовать о завершении реформы.

Регулировка лекарственного импорта и защита отечественной фарминдустрии — тоже не самый лучший шаг в нынешней ситуации. Не говоря уже о том, что протекционизм в промышленности, особенно в такой, как медицинская, — вообще вещь страшная. Применительно к здоровью слово «дешево» просто неприемлемо, ибо «дешево» и «хорошо» в этом случае, как правило,

независимо от того, хороши они или плохи.

Но мы уже однажды имели опыт дотирования импортных лекарственных средств — кажется, это тоже было названо «социальной помощью». Сначала дотация составляла 80%, потом — 50. А привело это лишь к тому, что лекарства отправляли на склад, пока шла инфляция, они отлеживались на консигнации, а потом продавались по коммерческой цене. В результате «социально помогаемым» так ничего и не доставалось.

Привет от сэра Дарвина

Если кто-то думает, что советская система охраны здоровья уже мертва и «ростки нового начинают пробиваться через ее могильные плиты», то он жестоко ошибается. Она уже нежизнеспособна, но еще жива, она будет умирать долго и мучительно, и — увы! — многие будут похоронены под ее обломками. И первое, что необходимо сегодня, — признать, как не побоялись это сделать англичане, американцы, все, кто прошел через это, что реформа здравоохранения — не косметическое дело, что бюджетных денег все равно не хватит (а дальше расходы будут еще больше), что, пока мы будем приспособливать количество больных под количество коек и врачей, мы будем иметь нищую, неэффективную медицину.

Систему необходимо раздробить на функциональные единицы, каждая из которых сама будет бороться за свое существование. Только тотальное разукрупнение и переход на самофинансирование могут сегодня помочь сокращению избыточного, пожирающего деньги коечного фонда и сконцентрировать медперсонал в более или менее жизнеспособные структуры. И это поможет естественным путем подготовить рынок качественных и конкурентоспособных медицинских услуг.

Под полным контролем государства должны по-прежнему остаться лечение малообеспеченных слоев населения, престарелых, инвалидов, хронических больных, родовспоможение, медицина катастроф, скорая помощь, психиатрия, борьба с туберкулезом, СПИДом, инфекционными заболеваниями и т.д. — именно туда нужно направлять бюджетные деньги. А финансировать из бюджета ведомственные медучреждения — это сегодня непозволительная роскошь.

Медицина еще не скоро станет коммерческой, она будет только бороться за выживание, но в условиях конкуренции ей придется заботиться о своем

да, когда вся морально устаревшая система управления будет полностью заменена. А пока у нас — время переходной медицины, которая и должна заложить фундамент для воплощения в жизнь страховой системы.

Страховой монстр, созданный согласно указу, еще не работает, но он уже регенерирует, уже начинает говорить: «Дай!». Он просит увеличить отчисления до 8,6% от зарплаты, просит льготного налогообложения или отсутствия такового вообще, привлечения средств пенсионного фонда, фондов занятости и социальной защиты. Оптимальной суммой на 1994 год, по расчетам федерального фонда ОМС, является 36 трлн руб. (более трети расходной части бюджета), а шансы на эффективное использование этих средств при такой многоступенчатой структуре распределения, разрешения, учета и контроля практически равны нулю. Мысль министра Нечаева о том, что министерство должно стать генеральным заказчиком и генеральным ответчиком по всем областям медицины, то есть «шта-

— понятия противоположные.

Спущенное же сверху 30-процентное ограничение рентабельности отрасли все с той же целью — защиты пациента — в условиях инфляции, по существу, добило отрасль.

А что касается «дешевизны» отечественных лекарств и медицинской техники, то это тоже еще вопрос. Уже сегодня цена на отечественные лекарственные препараты по некоторым группам выше мировой, а качество становится все хуже и хуже. Отсталость технологий — не вина потребителя. Например, отечественный скальпель стоит 14 тысяч рублей, а фирменная ручка со съемными лезвиями — 1 доллар, лезвие — 20 центов, и, естественно, она гораздо удобнее, качественнее и практичнее. Поэтому склады сегодня переполнены никому не нужной продукцией, которая не пользуется спросом большей частью не из-за своей цены, а из-за своего качества. А многие бюджетные больницы все равно вынуждены применять те лекарства и медсредства, которые им присылают,

имидже, рекламе, о новых технологиях, квалифицированных специалистах.

Единственным доводом спротивляющихся неизбежности перемен является «социальная защита» обездоленных. Хотя на деле нужно просто дать возможность производителям предоставлять услуги, а государству этот процесс защитить. И не надо считать деньги народа. Он сам выберет, где ему лечиться. Соотношение же казенной, бюджетной медицины и платных клиник определит жизнь, благосостояние людей и то место, которое они отводят своему здоровью в системе ценностей. Кстати, и результаты социологических опросов показывают, что люди готовы платить за лечение, потому что это не каждодневная трата.

Естественно, этот процесс неодно-

начен — он будет связан с санацией многих учреждений, сокращением рабочих мест. И сейчас специалисты уходят из здравоохранения, и уходят лучшие — от нищеты и отсутствия перспективы. Не следует забывать и о том, что ваучерная приватизация позади, и медработники свои ваучеры уже потеряли. Вряд ли наши нищие медики будут способны приватизировать за наличные деньги свои огромные предприятия — скорее всего, их ждет участь наименее работников или, в лучшем случае, — управляющих. Выход остается один: спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

Вот когда все эти этапы — разукрупнение, самофинансирование и приватизация — будут пройдены, начнется реальный приток средств в медицин-

ские учреждения, и будет подготовлена реальная почва для настоящей страховой медицины. И страховой полис будет не просто бумажкой, каковой он является сейчас, а документом, который гарантирует своевременное предоставление качественной медицинской помощи его владельцу и защищает от единовременной большой траты.

Но человек в любом случае должен иметь право выбора вида страхования, лечебного учреждения и формы оплаты. И отношения между медициной и пациентом должны строиться так же, как отношения между продавцом и покупателем. Потому что медицина — это сфера услуг, от которых зависит наша жизнь.

Светлана КАРТАШОВА

Куда рубль поведет Россию?

Газета «Нью-Йорк таймс» о последствиях «черного вторника»

После произошедшего 11 октября обвала рубля на целых 27 процентов, говорится в редакционной статье американской газеты «Нью-Йорк таймс», увольнением нескольких чиновников России не обойтись. Валютный крах назрел в течение нескольких месяцев. Чтобы продолжить движение к свободному рынку, Россия должна коренным образом и с помощью Запада пересмотреть свою политику.

Совершенно недавно российская экономика выглядела вполне прилично. Ежемесячный уровень инфляции снизился с 20 процентов до 4. В целом бюджетный дефицит обрел приемлемые масштабы. Магазины заполнились разнообразными товарами. Однако за всеми этими положительными признаками скрывались проблемы, грозившие в любой момент взрывом. Инфляция снизилась потому, что Центральный банк довел учетные ставки до невысказанно высокого уровня, они сами по себе могли парализовать экономическую активность. Прошлым летом банк «подобрел» и, пытаясь снизить ставки, завалил рынок новой массой денег. Это, в свою очередь, дало новый импульс инфляции.

Тем временем предприятия-банкроты занимали друг у друга крупные суммы, стараясь удержаться на плаву до тех пор, пока правительство их не «выкупит». Именно это и произошло за последние несколько месяцев: правительство провело

крупномасштабные вливания в сельское хозяйство и другие отрасли экономики. И это тоже способствовало усилению инфляции и падению курса рубля. Своего апогея события достигли к 11 октября: осознав тот факт, что Центральный банк истратил большую часть долларовых резервов в безуспешных попытках искусственно поддержать курс рубля, биржевые торговцы бросили на рынок крупные рублевые средства.

Перед Ельциным стоит сегодня одна сверхзадача — стабилизировать курс рубля. Рыночное процветание невозможно, если население не хочет держать на руках деньги, стоимость которых тает на глазах. Первый шаг президент сделал, уволив чиновников, которые обесценили валюту. Следующим шагом должно стать отделение Центрального банка от правительства и нацеливание денежной политики на стабилизацию обменного курса рубля. Это значит, что правительство больше не сможет печатать новые рубли, оказавшись в условиях громадного бюджетного дефицита.

Именно здесь Запад и может сыграть чрезвычайно важную роль. Он должен предоставить России доступ к кредитам на покрытие некоторых видов правительственных расходов и тем самым ликвидировать потребность в печатании денег. Разумеется, такие кредиты могут быть предоставлены только на условии доведения Россией бюджетного дефицита до разум-

ных пределов. Западу также следует предоставить средства для создания фонда стабилизации, который даст биржевым торговцам уверенность в том, что Россия в состоянии стабилизировать рубль. Если реформа достигнет своей цели, русские начнут копить деньги и фонд стабилизации останется в неприкосновенности: именно так было в Польше, которой Запад помог в проведении рыночных реформ.

России необходимо также создать внушающую доверие систему налогообложения, которая не только поднимет доходы, но и убедит внутренних и внешних инвесторов в том, что существующая система надежна и предсказуема. Иностранцам следует предложить более четко сформулированные и содержащие меньше ограничений кодексы законов о корпорациях и трудовых отношениях. Наконец, Москва должна ввести в действие процедуры банкротства, которые остановят рублевые потоки из государственной казны в карманы прогоревших компаний.

Россия стоит перед выбором: либо осуществить реформы, либо вернуться к системе принуждения и попытаться решить проблемы правительственными указами. С западной помощью болезненный эффект от рыночных реформ будет смягчен, и Москва сможет построить фундамент для более надежной и гибкой экономической системы. ■

Мир глазами хакера

Good user — dead user

Максим ПРЕСНЯКОВ

Развитие научно-технического прогресса породило это новое социальное явление — хакеры. Кто же это? По слухам — это какие-то страшные программисты, которые все свободное время занимаются исключительно тем, что пишут компьютерные вирусы.

Заглянем в англо-русский словарь. Слово «hack» означает рубить. То есть изначальный смысл слова «хакер» — человек, который «отрубает» чужие защиты, взламывает программы и т.д. Следовательно, он может даже не знать никакого языка программирования. К примеру, человеку, который залезает в чужие сети через модем, знание языка просто не нужно. Сейчас же кроме взломщиков хакерами называют и просто очень «крутых» программистов, которые занимаются, к примеру, написанием вирусов, созданием защит, то есть делом, противоположным хакерству, и т.д.

Безусловно, у «настоящих» хакеров и таких программистов есть много общего. И те и другие работают только в том случае, если им это интересно. Если вдруг случилось так, что интересы фирмы совпали с его интересами, — фирме повезло, иначе заставить его работать невозможно. Если ему все-таки приходится программировать ради денег, то большая часть времени уходит на доведение до совершенства какого-нибудь куска программы — мелкого и незначительного, но интересного хакеру. Остальная программа пишется кое-как, лишь бы работала. Хотя и она, смею вас заверить, будет сделана неплохо.

И все-таки каков он — хакер?

Внешний вид и музыкальные пристрастия могут иметь самый широкий диапазон — от интеллигентика в очках и любителя Баха до длинноволосого металлиста. Объединяет их только одно — хобби. Хакеры становятся похожими друг на друга, только когда они сидят за компьютером. Стекланные глаза, невнятное бормотание себе под нос о каких-то сегментах и прерываниях, иногда мат, адресованный либо себе, либо компьютеру, либо ломаемой

программе, неожиданные вскрики.

Не советую подходить к хакеру с какими-либо вопросами или просьбами во время работы. Нарветесь в лучшем случае на односложные ответы (при этом собеседник не будет отрывать глаз от экрана), в худшем — на откровенное указание, куда вам надо удалиться. Пока вас не пошлют, разговор будет напоминать беседу с зомби или с обкурившимся наркоманом. На это время он потерян для общества. Ни в коем случае не советую пытаться его вернуть — станете его злейшим врагом. Кстати, один приятель рассказывал мне, как надо программировать сложные вещи: «Выкуриваешь подряд две пачки «Лигероса», минут двадцать тупо смотришь на экран и представляешь себя процессором, потом пальцы сами начинают стучать по клавиатуре, пишешь страниц двадцать. После чего, если хватает здоровья, процедура повторяется».

Работать, насколько мне известно, хакеры предпочитают по ночам — меньше шума, не дергают телефонные звонки, программы телевидения кончились, родные улеглись спать и т.д. Для взломщиков компьютерных сетей в нашей стране это просто необходимое условие работы, так как ночью меньше шумов на телефонной линии. Музыка ни в коем случае не мешает, наоборот, заглушает посторонние шумы и скрашивает тишину и одиночество. Правда, все это нужно, пока хакер не утонул в работе, после чего он уже ничего не замечает.

Хакер работает постоянно. Решение новой задачи начинается приблизительно так: «Хакер некоторое время ходит вокруг машины, затем садится за клавиатуру и делает за один вечер то, на что было выделено 15 дней. Не стоит думать, что четырнадцать дней, которые хакер потратил на хождение вокруг машины, пропали даром: все это время хакер подсознательно обдумывал поставленную задачу».

Даже проводя время с любимой девушкой, хакер работает, и не нужно удивляться, если он вдруг отключится от разговора, глаза остекленеют и послышится невнятное бормотание. Вам

крупно повезло, если рядом нет компьютера — в этом случае можете считать вечер потерянным.

Однако заставить хакера работать «по делу» тяжело. Отличительная хакерская черта — они феноменально ленивые люди. Из этого проистекают некоторые неудобства для них самих. К примеру, если надо обработать какой-либо текст и обычными редакторскими средствами вручную это можно сделать за два часа, хакер полдня пишет программу. Но он никогда не жалеет потерянного времени: когда хакер работает — времени не существует. Сидение за монитором постепенно перерастает, можно сказать, в манию.

Я еще ни разу не видел порядка на столе хакера. Стол всегда завален какими-то распечатками программ, пепельница переполнена, рядом со столом стоят бутылки из-под пива, на столе — чашки с остатками кофе. Куча каких-то бумажек с непонятными цифрами и словами. Приучать хакера к порядку бесполезно, во время работы его ничего не трогает, после работы он вымотан и ему не до того.

Хакер никогда не удовлетворен результатами своего труда. В глубине души он всегда считает: все, что он написал, — написано плохо, но никогда не переписывает программу заново. Если же программа будет случайно стерта, он не сильно расстроится, сделана заново она будет гораздо лучше, но...

Большинство хакеров страдает манией величия. Поэтому, если вы зададите ему вопросы о компьютерах или программировании, то вряд ли можете рассчитывать на спокойный и полный ответ. Можете быть готовы к насмешкам, а то и взрывам грубости в ваш адрес. Ну, действительно, как можно не знать стандартных способов «завешивания дебаггера»?

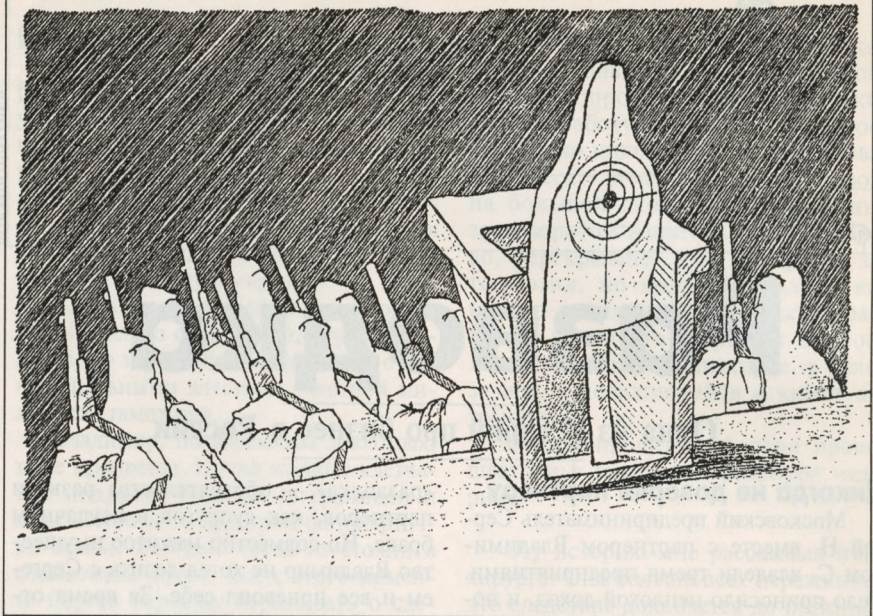
Если вы попали в компанию хакеров, не являясь таковым, а разговор случайно переключился на компьютеры, то вам лучше уйти. Разговор этот, смею вас уверить, закончится весьма не скоро, и вы не поймете из него ни слова. Во-первых, здесь существует свой жаргон. Я сомневаюсь, что нормальный человек, не связанный с компьютерами, поймет выражение «давай

чататься». Даже чем-то неприличным пахнет, хотя означает всего лишь «давай поговорим». Пользователи называются не иначе как «усеры» или «юзеры» от английского «user» — «пользователь». Во-вторых, сомневаюсь, что вам что-нибудь скажет, к примеру, фраза: «Да там просто по смещению 2FE надо заменить JE на JNE». Для того чтобы ее понять, надо знать язык программирования.

В компьютерных сетях есть так называемые «тематические конференции». Любой человек, подключенный к данной сети, может написать туда вопрос, и все, кто имеет какое-то мнение на этот счет, постараются ответить. После просмотра такой конференции одной из компьютерных сетей у меня создалось мнение, что любимый напиток хакеров — пиво. Происходят опросы по поводу цен, рейтинг сортов и т.д. Собственно, за ломкой или написанием программ, как я уже говорил, хакеры проводят небольшую часть своего времени, поэтому его хватает и на пиво, и на просмотр конференций, и на дружескую переписку с единомышленниками через компьютерные сети. Другой вид почты хакеры обычно не признают. Даже если они хотят послать кому-нибудь свою фотографию — снимают ее сканнером и пересылают через компьютерную сеть. Конечно, такая почта предоставляет огромные удобства — не надо искать конверт и марку, потом — почтовый ящик... Да и скорость: мой друг в Австралии получает мое письмо часа через четыре после отправления...

Из моего описания вытекает, что хакеры — сдвинутые люди. Возможно. Вспоминаются слова одного рок-музыканта, прожившего несколько дней в семье, где и муж и жена — хакеры: «Странно, вроде не творческие люди, а курят по две пачки в день, пьют страшное количество кофе, разговоры о каких-то МСВ, около компьютера споры, чуть ли не переходящие в драку...»

Так сложилось, что наши хакеры самые «крутые» в мире. (Я пока говорю о взломщиках защит с программ.) Этому есть очень простое объяснение. У «империалистов» надо зарабатывать деньги, нам же долго внушали, что не в деньгах счастье, и перестройка пока еще не у всех отбила желание работать «за интерес». Кроме того, для обычного советского человека выложить 500 долларов за программу не представляется возможным, приходится красть, а на коммерческих программах очень часто стоят защиты. Ничего не остается, как эту защиту снять. Тем более, до

ОЛЕГ ГРАЧЕВ

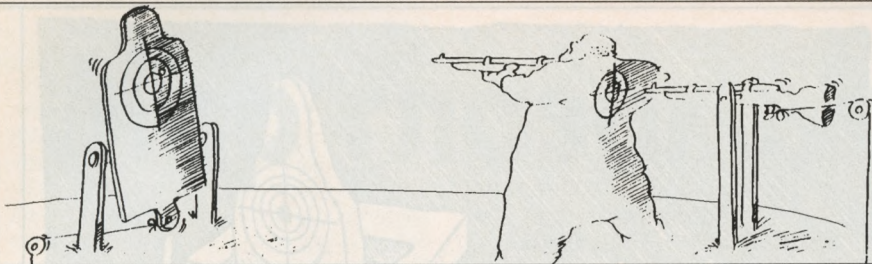
недавнего времени не было никаких законов об авторских правах. Теперь они есть, но так как эти законы мало кого останавливают, приходится, как нигде в мире, совершенствовать средства защиты от копирования. Ну и отсутствие до недавнего времени нормальной техники принуждало выжимать из нее то, что даже и не снилось ее конструкторам.

Со взломом сетей дело у нас обстоит пока хуже. Связано это со слабым развитием их в нашей стране и с состоянием телефонных каналов. Если человек, снимающий защиту с программы, имеет неограниченное время для этого, то в сети работать надо быстро, пока тебя не засекали. А на «грязных» линиях работа сильно замедляется. Но и здесь достигнуты определенные успехи. Полазить по коммерческим сетям бесплатно доставляет большое моральное удовольствие. Но слухи о хакерах, воровавших деньги из банка по телефону, как мне кажется, не имеют реальной основы. Снять деньги с чужого счета так же «просто», как перехватить диппочту американского консульства. А вот залезть в информационную банковскую сеть, конечно, гораздо проще — для этого достаточно утащить в банке модем и программу для него. После этого — можно выкачивать любую информацию...

Теперь о создателях вирусов. Это тоже интереснейшая почва для приложения сил хакера. Все та же война умов, как и при изготовлении и ломке защит. Только здесь представители противоборствующих сторон как бы меняются местами: представителю «белого хакерства» приходится разга-

дывать чужой замысел. Уже появились мутирующие вирусы, то есть изменяющие себя во время работы так, чтобы антивирусная программа не могла его узнать. Кстати, на заре развития вирусной технологии, как пишут компьютерные журналы, очень часто увольняемые программисты писали вирусы, сигналом для активизации которых являлось, к примеру, исчезновение фамилии программиста из штатного расписания фирмы. Простой вирус может соорудить и довольно средний программист, но вирусы, написанные хакерами, — это настоящие шедевры.

Такая работа откладывает отпечаток на весь образ мыслей хакера. Помните старый анекдот про математика: Шерлок Холмс и доктор Ватсон залезли на воздушном шаре в неизвестную им местность. Они спросили у проходящего мимо человека: «Не подскажете ли, сэр, где мы находимся?» Человек ответил: «В корзине воздушного шара» — и пошел дальше. «Это математик», — сказал Холмс. «Как вы догадались?» — спросил Ватсон. «Только математик мог дать такой точный и абсолютно бесполезный ответ». Это вполне применимо и к хакерам. Постоянная работа с алгоритмами вырабатывает абсолютно конкретное мышление. Спросите программиста, что он будет делать послезавтра вечером в 6 часов, и вы услышите пространственный ответ с учетом множества условий: «Если то-то случится одновременно с тем-то, тогда то-то, иначе...» о Будут учтены все возможные комбинации событий. Так что, разговаривая с хакером, нельзя задавать какие-либо отвлеченные вопросы. ■

ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

Разводка

Одна из историй про бизнес в России

Никогда не доверяй партнеру

Московский предприниматель Сергей Н. вместе с партнером Владимиром С. владели тремя предприятиями. Дело приносило неплохой доход, и поэтому решено было открыть в столице примерно десяток подобных фирм. Для клиентов это означало значительное снижение расценок, а значит — и большую доступность. Владельцы же надеялись втрое увеличить прибыль.

Когда несколько лет назад Сергея представили Владимиру, то цели знакомства были обозначены предельно ясно: у Сергея — небольшое, но хорошо организованное дело, у Владимира — деньги для развития бизнеса и связи. Понятие «связи» означало, что за двадцать лет работы в МВД Владимир так крепко подружился с влиятельными поныне сотрудниками, что бизнес Сергея можно будет вести практически на цивилизованном уровне — без вульгарного покровительства преступных группировок, без взяток муниципальным властям, без проблем на таможе, без конфликтов с клиентами... Радостно согласившись и заплатив посреднику за перспективное знакомство, Сергей не предполагал, что через два года сильно разбогатевший Владимир захочет вести дело еще цивилизованнее — без партнера.

Вернувшись из отпуска, ничего не подозревающий Сергей поехал в офис. Правда, его немного смутило, что местный гаишник вдруг остановил машину и стал нагло интересоваться, сколько может стоить такой красивый «Порш». Гаишник был «своим», «прикормленным» и ничего подобного раньше не позволял. Посигналив, как обычно, у массивных металлических ворот, Сергей так и не дождался, когда их откроют. Незнакомый охранник объяснил, что директор Владимир С. запретил пускать гражданина Сергея Н. на территорию. Выражаясь языком коммерсантов, произошла банальная

«разводка» — обстоятельства развели партнеров, как супругов в неудачном браке. Но совместно нажитое имущество Владимир не хотел делить с Сергеем и все присвоил себе. За время отпуска были переоформлены все документы и с юридической точки зрения отстранение Сергея от дел выглядело вполне законно. Такие ситуации теперь не редкость, и очень часто обобранный и обманутый партнер решается на заказное убийство. Если его не успевают «убрать» более расторопный коллега.

Сначала Сергей не хотел убивать Владимира — он бегал по судам, собирал необходимые документы, писал заявления в правоохранительные органы... Но время шло, а Владимир уже присвоил не только все деньги с банковского счета фирмы, но и вторую машину Сергея, личное имущество, оставленное на хранение в сейфе, а также компьютеры, факсы, фотокарточки жены и детей...

Судья искренне разделял негодование клиента, но ничем помочь не мог: суд по разным причинам переносили с одного числа на другое. Через знакомых на телевидении Сергей организовал съемку телесюжета (заплатил тысячу долларов). Когда трехминутная запись наконец-то попала на экран, Сергея предупредили — если он не прекратит сопротивляться, его убьют.

Плати и жди...

В РУОПе на заявление Сергея отреагировали сдержанно. Предложили охрану, посоветовали до суда куда-нибудь уехать, обещали наемкнуть Владимиру, что осведомлены о его намерениях. Но Владимир намеков не потерпел и предупредил: у него все и везде схвачено, поэтому сопротивление бесполезно.

Вместе с друзьями, не имеющими отношения к бизнесу, был разработан

план действий. Спрятать семью, нанять убийцу и примерно за неделю до назначенного срока инсценировать покушение на Сергея. Пусть полегит в больнице, пока конкурента убьют. Но теория, как известно, не всегда работает на практике.

Самолет с женой и двумя детьми полетел в Америку, и Сергей вздохнул с облегчением. Он вышел из здания аэровокзала Шереметьево-2 и направился к автостоянке. К лобовому стеклу «Порша» была приколота записка: «Не волнуйся! В Филадельфии твоя семья будет под нашим присмотром».

Теперь Сергей чувствовал себя персонажем детективного фильма, какому-нибудь русского варианта «Спрута». В кармане — пистолет и пара тысяч долларов. Возвращаться домой — нельзя, за семьей следят даже за границей, защиты у правоохранительных органов искать бесполезно — кругом коррупция и мафия. Судебная власть беспомощна. Что делать-то?! Бросить прежний бизнес и начать новый? А деньги где брать?!

Вместе с друзьями Сергей разработал очередной план действий. Забрать заявление из суда и попытаться начать новое дело. Чтобы у Владимира не возникло подозрений, будто все эти действия сплошная имитация, — надо прежде всего продать машину, потом — квартиру и дачу. Перепрятать семью. Нанять убийцу.

Поиск убийцы оказался самым проблематичным пунктом плана. К знакомым бизнесменам обращаться было нельзя — у них связи только с местными преступными группировками, а оттуда информация за вознаграждение могла поступить к Владимиру. К тому же стиль разборки с кровавой стрельбой не подходил — у Владимира профессиональная охрана и эти проклятые «связи». Сергея сразу схватят, он не выдержит тюремных условий и во всем признается. Шли месяцы, но найти надежного исполнителя никак не удавалось. Сергей пересел на «Жигули» приятелей, зарегистрировал новую фирму. К тому времени семья вернулась из Америки и за ними никто больше не следил.

Наконец, случай представился. К другу-хирургу (одному из тех, с кем разрабатывали план действий) с пулевым ранением попал какой-то преступный авторитет. После операции коллеги пострадавшего попросили понаблюдать за его здоровьем. Хирург денег за консультацией брат не стал, но договорился о взаимной услуге — найти профессионального убийцу.

Через неделю к Сергею на улице подошел шуплый молодой парень с

прыщавым лицом и в отечественной джинсовой курточке. Он кратко изложил условия сделки: надо перевести пятьдесят тысяч долларов за услугу на счет в немецком банке и прямо сейчас дать координаты «объекта» — адрес, телефон... Потому что больше никаких переговоров никто вести не будет. Окончательное решение надо принимать сейчас. Срок исполнения заказа — несколько месяцев после перевода денег.

Сергей остолбенел. По его представлениям, наемный убийца мог выглядеть как угодно, но не так, как этот прыщавый юнец. Однако парень пояснил, что он всего лишь один из посредников исполнителя, которого никто никогда в глаза не видел. Ему передают информацию конспиративным способом, а счет в банке совершенно легальный и принадлежит какой-то известной фирме. Оказываются, проверяли. Он также заверил Сергея, что деньги не пропадут, исполнитель еще ни разу никого не подводил и все будет сделано таким образом, что сам Сергей останется вне подозрений.

Без обмана

После перевода денег Сергей потел покой. Как ни странно, его мучили угрызения совести, сводившиеся к примитивному доводу — убивать нехорошо. Но и присваивать чужое (это уже про Владимира) вроде тоже нехорошо. Новый бизнес Сергея развивался успешно: раненый мафиозник обеспечил ему надежную «крышу». За двадцать пять процентов от дохода «боевики» не только охраняли от других бандитов, но и решали все проблемы с муниципальными властями, местной милицией, таможней...

Владимир, по рассказам знакомых, тоже процветал. Носил модные клетчатые пиджаки, отдыхал за границей и даже возвратил с курьером фотокарточки семьи, которые когда-то стояли в совместном офисе. Вот с этого момента Сергей перестал переживать о сделанном заказе.

Но, видимо, его обманули и на этот раз — прошло уже месяца четыре после перевода денег. Сергей попробовал заговорить с мафиозником на эту тему, но тот сделал круглые глаза — дескать, ничем подобным его ребята сроду не занимались.

...Ранним осенним утром, как обычно, Владимир из загородного дома в сопровождении охранников ехал на работу. До трассы оставалось несколько километров, и «Фольксваген-пассат» мчался по пустой дороге на большой скорости. Неожиданно за поворотом водитель заметил дерево, перекрывшее путь. Он резко затормозил, но колеса попали в какую-то маслянистую жидкость, разлитую на дороге широким пятном. Жидкость тут же вспыхнула, а вслед за ней и повалившийся в кювет автомобиль.

Сергей прочитал об этом происшествии в газете под рубрикой «аварии».

* * *

Эту историю мне рассказала жена хирурга. Она больше всех переживала, что следствие докопается до истинной причины сомнительного дорожного происшествия. Знакомые коммерсанты реагировали иначе. «Сохраняй канал, — советовали они, — в любой момент может пригодиться».

Алла АНДРЕЕВА

Открыта подписка на журнал

«Столица»

на I полугодие 1995 года!

Стоимость подписки, объявленная редакцией:

на один месяц2600 руб.,
на три месяца7800 руб.,
на шесть месяцев15 600 руб.

К этой цене местные отделения связи приплюсовывают свою надбавку.

Так, в Москве стоимость подписки с учетом доставки составляет:

на один месяц — 4781 руб.
(для организаций — 6962 руб.),
на три месяца — 11 931 руб.
(для организаций — 16 062 руб.),
на шесть месяцев — 22 656 руб.
(для организаций — 29 712 руб.).

Сведения о подписке в каталоге АИР, а также в Московском каталоге.

Индекс: 73746

Ф. СП-1

«Роспечать»

АБОНЕМЕНТ

«Столица»

на газету-журнал

73746

(индекс издания)

(наименование издания)

Количество комплектов

на 19 **95** год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВочная КАРТОЧКА

ПВ

место

ли-тер

на газету-журнал

73746

(индекс издания)

«Столица»

(наименование издания)

Стоимость	подписки	руб.	коп.	Количество комплектов
	пере-адресовки	руб.	коп.	

на 19 **95** год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

YELLOW PAGES OF RUSSIA '95

СПРАВОЧНИК-ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ДЕЛОВОМУ МИРУ РОССИИ

- Около 100 000 адресов и телефонов фирм и предприятий из всех регионов России.
- Объем — более 1000 полос, 2000 рубрик, минимальный тираж 100 тыс. экземпляров.
- Целенаправленное распространение более чем в 80 тыс. адресов России и за рубежом.
- Стоимость справочника по подписке — \$69.
- Выход из печати и доставка — апрель 1995 г.

Вы можете **бесплатно** разместить информацию о своей фирме (название, адрес, телефон, факс, телекс).

Вам предоставляется возможность прорекламирровать свою фирму или продукцию. Для рекламодателей — **гибкая система льгот и скидок.**

Последний срок подачи материалов 1 февраля 1995 г.

ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ ИНФОРМАЦИЮ ВЫ МОЖЕТЕ ПОЛУЧИТЬ ПО ТЕЛЕФОНАМ: (095) 268 1461, 268 3912, 268 3989, 269 0377.

Если вы хотите разместить информацию о своей фирме, разместить рекламу или же приобрести справочник, пожалуйста, вырежьте купон и отправьте его по адресу: 107014 Москва, ул. Гастелло, д.44, корп. 2, стр. 4.

При наличии купона на все платные услуги скидка 3%.

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Ф.И.О. _____

Фирма _____

Адрес _____

Тел./факс _____

English _____

Русский _____

Подписка на справочник

Бесплатная информация

Реклама цветная

Реклама черно-белая

Подпись _____

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ-МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати.

Льготная подписка

Уважаемые московские читатели «Столицы»!

Если Вы имеете возможность приезжать за нашим журналом в редакцию, мы подпишем Вас на I полугодие 1995 года по льготной цене:

на один месяц — 2000 руб.,
на три месяца — 6000 руб.,
на шесть месяцев — 12 000 руб.

Подписку можно оформить в редакции по адресу:
Петровка, 16, строение 1,
подъезд 1, этаж 3.

Справки по телефону:

200-33-43

«Роника»: реальность и перспективы

Название корпорации «Роника» пока редко встретишь в сегодняшнем телерекламном шквале. Хотя многие москвичи фирму знают и доверяют ей. Только по Москве корпорация имеет десятки тысяч клиентов, осведомленных в том, что по векселям «Роники» полагаются вполне приличные проценты — свыше 700% годовых.

Для кого-то слово «Роника» ассоциируется с холодильниками «Норд». И вполне закономерно — компания заключает договоры о прямых поставках с завода изготовленных по западным лицензиям холодильников, которые «Роника» продает по самым низким в России ценам. И это не рекламная выдумка, а правда.

Плюс к этому есть как минимум четыре особенности, которые выделяют «Ронику» среди десятков других крупнейших корпораций.

«Черный ящик» — уже не актуально

Борьба за деньги населения продолжается. Используя все законные и незаконные методы, компании и банки аккумулируют средства граждан, привлекая частного инвестора немисливо высокими дивидендами. На практике большинство инвестиционных фирм оказываются эдаким «черным ящиком», в который вкладчик помещает свои средства и получает процент по депозитам. В конце концов нет ничего плохого в том, что клиентов не интересует сам механизм «мультипликации» фонда привлеченных средств. Достаточно, чтобы компания сполна отвечала по своим обязательствам.

Корпорация «Роника» всегда заявляла открыто о направлениях своих инвестиций. Это верная политика, когда обещаешь солидную прибыль по векселям и хороший процент в банке и при этом рассчитываешь на доверие клиента.

Впрочем, доверие властных структур завоевать куда сложнее. И основным аргументом против популярных в народе и быстроразвивающихся компаний стало то, что наживают миллионы они на торгово-посреднических операциях и берут кредиты для своего развития у населения, а заботятся скорее о своем благополучии, нежели о благосостоянии нации. Да, без кредитов и торговых операций сегодня не обойтись — это основной источник для быстрого накопления первоначального капитала. Стоит заметить, что все свои промышленно-производственные проекты «Роника» финансирует за свой собственный счет.

— За полтора года более полумиллиона граждан доверили нам свои сбережения, и эти

немалые средства мы вкладываем в наши проекты: заводы, магазины, современные технологии, — говорит генеральный директор корпорации «Роника» Андрей КОМАРОВ. — Пока государство само не может инвестировать производство, другого пути развития промышленной сферы нет.

«Главная задача — не разбогатеть, а...»

На сегодня приоритетным направлением инвестиций корпорации является народный сбербанк «Роника». Идея более глобальна и крупномасштабна, чем это может показаться на первый взгляд, — создание банковской инфраструктуры, десятков и сотен отделений, введение пластиковых карточек для расчетов с физическими лицами. Все для блага и удобства вкладчиков. Пластиковые карточки «Роники» позволяют решить одну из проблем сбербанков — очереди, а кроме того, предоставляют право покупать любые товары в магазинах фирмы со скидкой и рассчитывать там с их помощью.

Особой популярностью среди населения пользуются векселя «Роники». С одной стороны, вкладчиков привлекают чрезвычайно выгодные условия помещения денег в эту фирму, а с другой — надежность самого векселя. Обязательства фирмы обеспечиваются всем ее имуществом. На конец августа стоимость страхового фонда (или объектов недвижимости и материальных ценностей в собственности фирмы) больше чем в 3 раза превышала сумму привлеченных средств (70 млрд против 22 млрд руб.). В этом гарантия надежности векселя.

«Наша главная задача — не разбогатеть, а богатеть вместе с клиентами» — таков девиз фирмы. В настоящий момент «Роника» предлагает россиянам заключение вексельных договоров на сроки 3, 6, 9 и 12 месяцев с начислением 70, 190, 390 и 735% соответственно на сумму вклада. Но, как правило, люди оформляют вексель на год, потому что доверяют «Ронике», да и процент дохода в этом случае выше. Минимальная сумма вклада доступна даже пенсионеру — 100 тыс. руб., которые вполне могут стать источником стабильного дохода.

«Окно в Европу» — ввоз «ноу-хау»

Несмотря на то, что значительная часть инвестиций уходит на создание банковской инфраструктуры, корпорация «Роника» реализует еще одну перспективную часть инвестиционной программы: ввоз в Россию новейшей западной технологии — «ноу-хау». На

сегодня подписаны и частично оплачены контракты на поставку итальянского оборудования и получено эксклюзивное право на производство оконных блоков со стеклопакетами. Продукт итальянских технологических линий выглядит достойней отечественного аналога, при ценах сопоставимых. И, как в петровской России, наших рабочих будут обучать и контролировать специалисты из Европы.

Не менее рентабельный проект — производство термобоксов по германской лицензии. Полиэтиленовые ящики емкостью 20—30 литров предназначены для перевозки овощей, фруктов, мяса и рыбы. Их основное преимущество перед отечественными — простота сборки и демонтажа, а срок службы в десятки раз больше.

В конце года начинается монтаж двух овощеперерабатывающих заводов по изготовлению соков и консервов, а также завода по производству и упаковке масла, молока, сыра.

По скорости реализации инвестиционных программ можно ожидать, что «Роника» выполнит свои обещания обеспечить Россию качественными и недорогими продуктами, закупив на Западе технологии и построив современные заводы по переработке того, что сегодня большей частью гниет на полях.

Как нам обустроить Россию

Корпорация «Роника» имеет филиалы и представительства более чем в 20 городах СНГ, объединяя в себе несколько десятков различных по роду своей деятельности предприятий. Создает сотни рабочих мест, арендует самолеты, строит гостиницы.

Впрочем, есть одно из направлений инвестиций, которое вряд ли можно отнести к разряду рентабельных и перспективных.

— **Может, это звучит громко, мы строим СВОЙ ГОРОД**, — говорит генеральный директор «Роники». — **Уже лет 80 город Галич Костромской области не реставрировался и не отстраивался. Мы вкладываем до 3—4 миллиардов рублей ежемесячно на строительство стадионов, больниц, яслей и школ, восстановление заводов, торговых структур, дорог и даже церковью Галича. Это работа на многие годы. Это не прибыльный, но очень красивый проект.**

Иногда кажется, если бы предпринимателей не душили налогами, штрафами, ограничительными законами, мы могли бы воссоздать сотни таких городов, благоустроить Москву, отреставрировать здания, восстановить архитектуру. Но для этого нужна настоящая свободная зона.

Ольга БЕСКОВА

РЕКЛАМА

Идиллия на троих

По ночам они любили друг друга с тем большим усердием, что кому-то из троих всегда можно было отдохнуть между делом

На платформе пригородной электрички подрались две женщины. Дрались по-женски злобно и бестолково — с криками, взвизгами, тасканием друг друга за волосы и одежду, но, в общем, без серьезного членовредительства.

Ничего особенного. Ну молодые, симпатичные, не поделили что-то, кто ее, эту теперешнюю молодежь разберет. Ожидаящий электричку народ, за отсутствием других зрелищ, любопытствовал, но без откровенно выраженного восторга. Милиция на этот раз сработала оперативно. Вмешались, растащили, увезли в «воронку» в отделение. Там тоже разбирались недолго. Трупов нет, телесных повреждений, кроме нескольких царапин и оторванного рукава, тоже нет, обе трезвые. Типичное мелкое хулиганство, карается административным взысканием в виде штрафа. Майор еще пошутил, что при нынешней криминальной ситуации пора обязать женщин стричь ногти. Слишком глубокие царапины остаются.

Штраф обе заплатили тут же. Вот и все, дело, что называется, не стоит выеденного яйца, эка невидаль — драка, когда вокруг взрываются дома и машины. И не стоило бы затевать этот рассказ, если бы не предыстория конфликта, которая показалась мне достаточно причудливой. Из серии — бывает же такое! А что, чего только на белом свете не случается...

Согласно Уголовному кодексу РСФСР (ст. 235), двоеженство или многоженство есть сожитительство с двумя или несколькими женщинами с ведением общего хозяйства. Наказывается сие действие соответственно лишением свободы на срок до одного года или исправительными работами на тот же срок. В самом кодексе, правда, не уточняется, кого нужно наказывать — мужчину или женщин, но по логике вещей понятно, что статья эта ориентирована на представителей сильного пола. Еще, помнится, Остап Бендер отверг для себя карьеру многоженца по двум причинам — отсутствию серого в яблоках костюма и наличию уголовно-правовых санкций.

Итак, многоженство. Бескомпромиссный Уголовный кодекс подходит к этому явлению однозначно, поместив статью в раздел «преступления, составляющие пережитки местных обычаев». Споры нет, там, на Востоке, это традиционно. «Первый жена — за детьми смотреть, второй жена — обед варить, третий жена — дом убирать» и т.д. Тем более что Коран многоженство поощряет. Отделившиеся среднеазиатские республики тут же восстановили у себя подобный вариант семьи. Хорошо это или плохо, Аллаху сверху виднее. Христианство многоженство никогда не поощряло, но, вспоминая классику, какой самый распространенный сюжет на тему о вечном? Правильно, все тот же старый, избитый любовный треугольник, который никак не может замкнуться. Мужчина между двух женщин, женщина между двух мужчин и традиционный вопрос: как можно любить двоих сразу, и есть ли это любовь, и не есть ли это патология от извращенности собственного сознания? Трудно найти писателя, который бы не точил зубы на этом сюжете. Это что касается литературы.

Впрочем, и жизнь отличается ненамного: проблемами супружеских измен завалены все судьи, занимающиеся разводами. В этом смысле на Востоке куда проще, приспичило — женился в очередной раз, и всего-то дел. Главное, чтоб финансы позволяли содержать жен.

Алеше Боровикову финансы иметь двух жен позволяли. Равно как и физические возможности, на которые ни он, ни его жены никогда не жаловались.

Нет, мусульманином Боровиков не был и стать не стремился. Что касается религии, то был он почти что правым христианином и даже писал картины на библейские сюжеты. Но вот жен у него было две. Редкий случай, когда все три стороны треугольника были одинаково довольны друг другом.

Так получилось...

Если доискиваться до первопричин, разводить всякие там аналогии и патологии, то нельзя не отметить, что в

детстве Леша ничем особенным среди сверстников не выделялся. Так же, как и большинство однокашников, учился средне, покуривал сигареты за углом школы и подглядывал за девочками в зарешеченное окно раздевалки спортзала. А кто не подглядывал?

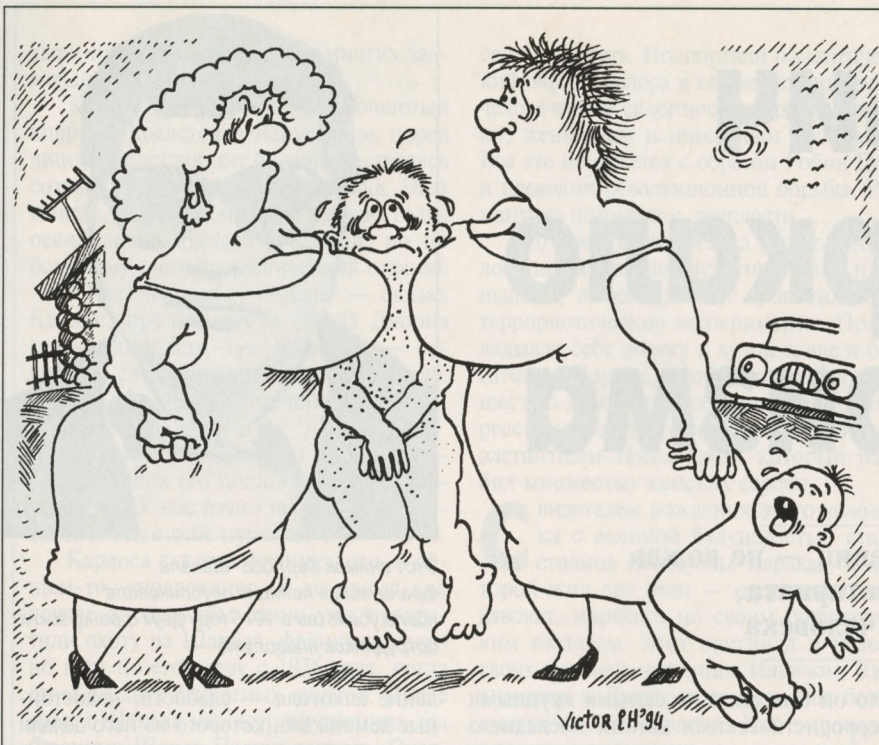
Еще в школе начал рисовать, однажды был сильно наказан за непристойные рисунки на стенах школьного мужского туалета, сопровождаемые авторскими же надписями. К слову, надписи особенно взбесили школьных администраторов, которые никак не ожидали, что шестиклассник достаточно свободно оперирует теми же словами, что и они.

После школы Алексей поступил в Суриковское училище, откуда был благополучно изгнан со второго курса. К этому времени он получил уже некоторый сексуальный опыт, вылечил первую венерическую болезнь и поверил в Бога. Надо добавить, что его идеологически выдержанные в христианском духе картины так и не получили мировой или, на худой конец, всероссийской известности, но, попутно занимаясь изготовлением всевозможных разрезков, ковrestиков и прочей церковной атрибутики, зарабатывал он неплохо. Хватало на жизнь и на излишества, из которых самым любимым были женщины.

Лена появилась в его жизни случайно. Случайно познакомилась на какой-то полухудожественной тусовке, тут же лихо сошлись, благо выпито было достаточно, а через месяц Алексей понял, что это любовь. Лена это поняла еще раньше. Стали жить вместе и даже поговаривать о сочетании законным браком.

Вика была лучшей подругой Лены. Ей Алексей тоже нравился, вкусы у подруг были схожие. А когда как-то под Новый год они с Алексеем остались вдвоем со всем вытекающим продолжением, то Вика поняла, что лучшего мужчины у нее в жизни не было. Стали встречаться, сначала тайком от Лены, прячась в подъездах, на всевозможных явочных квартирах отсутствующих друзей, потом...

Потом Лена, конечно, про это узнала. Слезы, истерики, разочарование в лучшей подруге, было даже желание убить обоих. «Или я, или она?» — вопрос ребром. Сначала. Постепенно Лена успокоилась. Во-первых, Алексей ее все-таки любит, по глазам видно, женщины тем более это видят, а во-вторых, лучше уж с Викторией, чем с кем-нибудь. Если и делиться мужчиной, то, по крайней мере, с хорошим, приятным тебе человеком.

ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

Даже несколько лет спустя Алексей вспоминал это время как одно из самых худших в своей жизни. Оставаясь с Леной, он понимал, что любит Лену, оставаясь с Викторией, любил Вику, а оставаясь один, понимал, что любит обеих. И ни с одной из них не хочет расставаться. Кошмар, одним словом, впору разорвать себя на две части. Любовь зла.

Постепенно бывшие подруги опять стали подругами. Больше того, не стесняясь, стали обсуждать между собой сексуальные достоинства своего любимого и единственного.

Теперь уже трудно сказать, кому первому пришла в голову мысль жить втроем, скорее всего, это случилось, когда все трое после какого-то праздника ночевали в одной комнате. Выпитый алкоголь отпустил тормоза, да и чего стесняться, все друг про друга всё знают... Словом, всем троим понравилось.

Решили жить вместе. Втроем.

Идиллия на троих развернулась в маленьком подмосковном домике, который Алексей купил специально для этой цели. Подальше от любопытных родителей и друзей, поближе к природе. До Москвы — полчаса на электричке, на машине и того быстрее, воздух, лес, небольшая речка, обе любимые женщины рядом, чем не условия для тихого спокойного счастья? Поневоле задумаешься, что мусульмане не так уж не правы.

Хорошо жили. Дружно. И по ночам любили друг друга с тем большим усердием, что кому-то из троих всегда можно было отдохнуть между делом. Конечно, случались и тучки на безоблачном горизонте. Вика, например, впуталась в роман с одним своим институтским товарищем, даже собралась уходить из семьи, но вовремя одумалась. Не только Алексея жалко было оставлять, но и Лену. На семейном совете ее простили.

А когда у Вики родился сын Сережка, то у семейного первенца было сразу две мамы. Так и приучили его называть мамами обеих женщин.

К рождению сына Алексей приготовил своим незаконным женам сюрприз. Сделал их законными. Якобы потерял паспорт, заплатил штраф, получил второй, ну а дальше уже вопрос бракосочетательной техники. Потом втроем долго смеялись.

Хорошо жили, дружно...

12 марта 1994 года Алексей погиб. Попал под электричку, перебегая в не очень трезвом виде железнодорожные пути.

Увы и ах, нет ничего вечного в этом мире, зыбко все, ненадежно и призрачно, а в особенности семейное счастье. Суета сует. Идиллия кончилась трагедией, но история продолжалась. Дальше — как в плохом детективе. Что не могла сделать любовь, сделали деньги. Вика и Лена поссорились.

В юриспруденции это называется раздел совместно нажитого имущества. Любой мало-мальски разбирающийся юрист знает, насколько кляузной и запутанной является данная категория дел, сколько грязи выливают друг на друга на судебных заседаниях «разделяющиеся» стороны. Это уже не охивздохи, луна и романтика, тут любовь с интересом.

Имущество после Алексея осталось. Не считая общебытовой мелочевки — дом и машина. Дом с участком недалеко от Москвы — бешеные деньги, машина по теперешним временам тоже «кусается». Лена и Вика взялись делить.

Конечно, будь ситуация проще, можно было пойти по пути избитому, но надежному — обратиться в районный суд. Там, худо-бедно, процесс бы с течением времени доскрипел до конца, но нельзя. Правовая база под многоженство в Гражданском кодексе РСФСР еще не подведена.

Взялись делить сами. Сначала Вика горячая предложила Лене взять машину, а себе — дом. Мол, у нее сын и ей надо больше. Подкованная в законах Лена начала возражать, что прямым наследником мужа является жена, а не ее дети, кстати, еще неизвестно, от кого прижитые. Словом, начали мирно, а кончили вплоть до драк и взаимных высказываний. Всякое было за эти полгода. И Вика подсылала к Лене знакомых мальчишек, которые били ее головой о стену, и Лена в долгу не осталась — у нее тоже есть знакомые мальчишки, и лично сходились врукопашную. Описанная в начале сцена на платформе была не единственной.

Сейчас они ненавидят друг друга. Проблему раздела вроде бы вчерне решили. Дом и машину продать, а деньги разделить на три части. Одну — сыну, две — женам.

Впрочем, это еще не факт. История продолжается, ненависть крепнет, и трудно пока сказать, до какой душераздирающей уголовщины доведет бывших жен этот надвигающийся раздел имущества...

Люди гибнут за металл.

P.S.

Кстати сказать, в отличие от многоженства, многожество Уголовным кодексом не предусматривается. Опять женщинам полный карт-бланш: Восемь марта — им, День матери и ребенка — тоже им, еще и мужей можно иметь сколько хочешь. Несправедливо.

Обидно, понимаешь...

Николай БАХРОШИН

Ильич как зеркало терроризма

**Владимир, Ильич, Ленин — не вождь
мирового пролетариата,
а три разных человека**

Этот снимок Карлоса-Шакала французская полиция опубликовала после убийства в 1975 году двух французских сотрудников спецслужб

Салим. Андрес Мартинес. Таурус. Глен Гебхард. Гектор Эводидбон, Мишель Ассаф, Карлос... Все это — имена или, вернее, клички одного человека, который долгие годы менял маски. Не от хорошей жизни. Или, скорее, в поисках хорошей, доходной, полнокровной жизни авантюриста. Жизнь-авантюра. Жизнь-страх. Страхом он жил. За страх ему платили сильные мира сего. Страх поставил точку в его карьере, которая строилась на крови. Но боялся ли чего-нибудь он сам — Ильич Рамирес Санчес, по прозвищу Шакал? Это вопрос не публицистического плана. Он предназначен для будущих психологов, психопатологов, социологов и политиков. В фигуре Карлоса концентрированно выразилась суть современного терроризма. С его арестом многие связывают завершение одной из глав «холодной войны». Но не рано ли ставить на полку эту страшную книгу?

В 1975 году, осуществляя чудовищную по дерзости операцию — захват в Вене одиннадцати министров стран ОПЕК, Карлос во всеуслышание заявил: «Дорога к заветной цели не может быть выстлана трупами». Сам Шакал утверждает, что на его руках кровь не менее восьмидесяти человек во всем мире.

Но когда Карлос был арестован в Судане и доставлен во Францию, оказалось, что многие громкие преступления последних десятилетий, которые приписывали ему, — блеф, мыльный пузырь, фикция. Хотя это и не опровергает того факта, что за Карлосом был солидный послужной список жестоких преступлений. Французы вменяют ему в вину смерть, по крайней мере, 15 человек на территории Франции. Легенда о том,

что он был связан с самыми крупными террористическими актами последнего времени, что он напрямую сотрудничал с мафиозными группировками Франции, Германии, Японии и особенно стран Ближнего Востока, — эта легенда тает по мере того, как из темноты постепенно проступают никому не известные донные черты Карлоса-террориста: плохо, порой просто бездарно организованные операции, мелкие, мотивированные часто только местью или капризом цели, годы беспутной, расточительной жизни, купание в роскоши, чрезмерное потреб-

ление алкоголя — слабости, недостойные демона зла, которого из него делали политики, журналисты, сплетники.

В то время как в течение последних пятнадцати лет Карлос скрывался на Ближнем Востоке, секретные службы пытались очистить свои служебные портфели от нераскрытых террористических дел, сваливая все на Карлоса. Теперь же, когда его, как атомную подлодку, поместили в глубокий, безопасный для окружающей среды ангар — камеру № 258187 в парижской тюрьме «Ла Санте», по воде пошли пу-

Фрагмент операции по захвату Карлосом в 1975 году в Вене министров из стран — членов ОПЕК

зыри правды, от которой у многих захватывает дух.

Когда легендарный заключенный впервые предстал в наручниках перед лицом следствия, он бодрился, стараясь создать образ соловья-разбойника. Этот имидж он культивировал многие годы, освященные отчасти реальной, но по большому счету преувеличенной отвагой.

«Этот человек — звезда, — сказал Карлос, приветствуя в стенах Дворца правосудия Жан-Луи Брюгьера — судебного следователя, ведущего его дело. — Мы оба профессионалы и, думаю, сработаемся».

Указывая на автоматы в руках сопровождавших его полицейских, он воскликнул: «У нас точно такие были в Ливане! Ничего себе пушечки».

Карлоса схватил француз, что, в общем-то, справедливо. В то время как другие спецслужбы давно уже прекратили охоту на Шакала, французы упорно шли по его следу с 1975 года, когда он убил двух секретных агентов. После ареста Шакала министр внутренних дел Франции Шарль Паскуа заявил: «Охотничий азарт не оставил нас ни на минуту. В конце концов поимка Карлоса была вопросом сотрудничества...»

Сотрудничества? Когда и с кем?

На этот вопрос официальные круги пока предпочитают не давать прямого ответа. Может быть, это «сотрудничество» и заставило суданские власти выдать самого опасного террориста, крови которого жаждала вся Европа?

«Либерасон» заявила, что Франция отдала свой долг суданскому исламистскому правительству, обменяв Карлоса на спутниковые фотографии тактических позиций христианских повстанцев. Но пресса прессой, а официальные круги, представляющие страну, которая всегда не прочь была поторговать тряпьем на Ближнем Востоке, на этот раз не подтвердили факт сделки.

Тем не менее ответ на сложный политический ребус напрашивался сам собой. Трудно отрицать, что для Судана гораздо выгоднее было выдать Карлоса, чем держать его у себя. Не прошло и двадцати четырех часов с того момента, как Карлоса поместили под стражу, а официальные круги Хартума уже заявили о своей причастности к этому благому делу и призвали США вычеркнуть Судан из черных списков стран, покровительствующих терроризму. Вашингтон безучастно промолчал. Карлос, как оказалось, ни для кого уже не представлял особой ценности. В эпоху развала коммунистической системы и установления относительного спокойствия на Ближнем Востоке верительные грамоты Карлоса — Великого Революционера — утратили

свою ценность. Подпортили романтический образ Карлоса и самые естественные человеческие склонности: страсть к виски, женщинам и шикарным костюмам. Все это не вяжется с образом Робин Гуда и идеалами революционной борьбы. Романтика потонула в пошлости.

Но было время! Тогда мир для Карлоса представлялся испытательной площадкой, на которой он проводил свои террористические эксперименты. Прокладывая себе дорогу к худой славе и богатству, Карлос, свободно владеющий шестью языками, представлялся «прогрессивной общественности» своего рода элегантным хамелеоном, который разбил множество женских сердец.

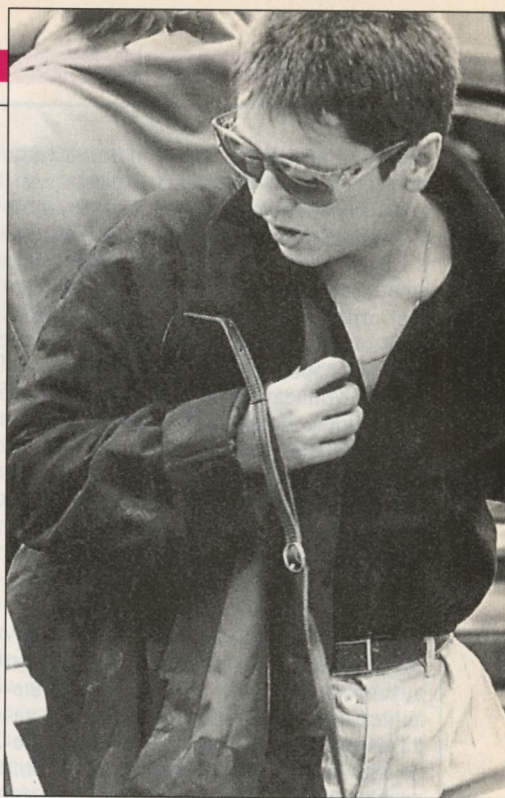
Свидетелем рождения этого человека с великой будущностью стала столица Венесуэлы Каракас, в которой жил его отец — преуспевающий адвокат, марксист по своим политическим взглядам. Этот оригинал и назвал своих сыновей-сорванцов Ильичом, Владимиром и Лениным в честь еще более выдающегося сорванца. Как выразился один светский хроникер, жизнь этой веселой семейки носила характер «радикализма с привкусом шампанского!»

В юношеские годы Карлос угодил в полицию за участие в коммунистической молодежной группировке. Отец от греха подальше поскорее отправил его в Лондон.

Потом — крутой поворот в судьбе. Годы учебы в одном из престижнейших вузов мира — Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Колыбель, в которой вскармливались будущие революционеры стран третьего мира. Там, на химическом факультете, он оказался нерадивым студентом. Хотя, наверное, опытами, оканчивающимися небольшими взрывами, интересовался пристально. Неизвестно, куда бы завели его эти химические опыты, если бы не партийные власти, вовремя остановившие юного, полного нахрапчатых сил Ильича. Кто-то наябедничал о скверном поведении Санчеса Рамиреса его папаше, и тот лишил дитя денежного вспомоществования.

И он пошел другим путем... В 1970-м он был исключен из университета «за антисоветскую агитацию», после того как швырнул чернильницу в иранское посольство. По некоторым соображениям, этот акт был очень удобным прикрытием для начала работы на КГБ. Правда это или нет, но вместо учебы Карлос теперь занимался установлением дружеских связей с радикалами из стран третьего мира, которых в Москве в то время скопилось немало.

В Иордании, куда он переехал после Москвы, его стали натаскивать на боеви-

Магдалена Колп

ка для Народного фронта освобождения Палестины. Там он произвел неизгладимое впечатление на одного из сопредседателей этого фронта, став его доверенным лицом. Вопреки созданному мифу в «черном сентябре» 1972 года Шакал не участвовал в нападении на участников Олимпийских игр в Мюнхене, в результате чего было убито одиннадцать израильских спортсменов. В то время он находился в спецкомандировке в Лондоне, где под видом праздного гуляки потихоньку готовил конспиративные квартиры и тайники для хранения оружия.

В 1973 году Карлос совершил первую попытку убийства. Захватив прямо в ванной президента компании «Маркс и Спенсер», объединявшей сеть универмагов в разных странах, еврея Джозефа Эдварда Сиффа, он выстрелил ему в лицо. Сифу дьявольски повезло: пуля срикошетила от зубов. Позже Карлос скажет, что его «пушка» дала осечку. «Обычно я делаю три аккуратные дырочки вокруг носа, но в том случае из дула у меня вылетела всего одна пуля», — оправдывался он перед боевыми товарищами. Провалил Шакал и свое второе задание, плохо прицелившись в момент метания ручной гранаты в израильский банк.

Как отметил бывший руководитель антитеррористическими программами ЦРУ Винсент Каннистаро, Ильич не самый умелый в ряду других известных террористов.

Намного больше повезло Карлосу, когда Народный фронт годом позже перевел его в Париж. Там он взорвал в разных местах несколько бомбочек, а потом

помог террористической организации под названием «Японская Красная Армия» спланировать захват одиннадцати заложников во французском посольстве в Париже. В 1975-м у Ильича произошла еще одна досадная осечка — он промазал, стреляя из противотанкового ружья в самолет авиакомпании «Эль Аль», стоявший в аэропорту Орли. Полиция арестовала Мишеля Мухарбеля, ливанского помощника Карлоса. Мухарбель привел трех переодетых полицейских на «фазенду», где проходила большая пьянка с Карлосом во главе. Шакал сразу смекнул, в чем дело, и, извинившись, вышел в ванную. Вернулся с автоматом. Мухарбель и двое полицейских были уложены на месте, третий — тяжело ранен.

В декабре того же года Карлос сыграл спектакль одного актера в одной из лучших пьес, которую когда-либо видела история терроризма: речь идет о нападении на штаб-квартиру ОПЕК в Вене, где были взяты заложниками одиннадцать министров. Трое других людей не министерского ранга, оказавшихся рядом с ними, были убиты на месте. Захваченным министрам он представился так: «Я — знаменитый Карлос. Вы обо мне еще неоднократно услышите». Одного из несговорчивых заложников пришлось слегка попытать. Террорист выстрелил ему в руку, затем в колено, а потом в живот, прежде чем прикончил его окончательно. В середине этой кровавой процедуры Карлос отменил план казни двоих министров, когда Алжир предложил денежный выкуп за их жизнь. Хаддад из ООП, которому непосредственно подчинялся Карлос, был вне себя от ярости. Их отношения с Карлосом быстро сошли на нет.

Шакал поссорился и с другими своими ближневосточными хозяевами. Пришлось скрывать в Восточной Европе, его специфический стиль тоже не вызвал особой любви новых хозяев.

Сохранилась видеопленка 1980 года, сделанная скрытой камерой, в Будапеште. Она запечатлела спор на русском языке между Карлосом и офицером венгерской службы безопасности, который убеждал его: «Немедленно эвакуируйте свою оперативную базу на нашу территорию».

В 1982 году, когда в Париже в автомобиле, начиненном взрывчаткой, была схвачена некая Магдалена Копп, последняя любовница Карлоса, Ильич написал письмо во французское посольство, поставив на конверте вместо почтовой печати собственные отпечатки пальцев. Письме было сказано: «Если Копп и мой помощник не будут освобождены в течение 30 дней, я лично разберусь в этом вопросе с французским правительством».

Между апрелем 1982-го и январем 1984-го имя Карлоса то и дело всплывало в связи с различными террористическими актами. Взрыв бомбы в скором поезде в пригороде Парижа. Французский культурный центр в Германии. Все эти попытки предпринимались во имя освобождения Копп. В мае 1985-го ее наконец выпускают, и она присоединяется к своему возлюбленному где-то в Сирии. Пребывание сладкой парочки в Дамаске — они за это время поженились, родили дочь — было прервано в 1991 году, когда сирийские власти депортировали Ильича.

Карлос начал метаться, совершая все более грубые ошибки. Где-то в пути он потерял жену и ребенка. «Женитьба была его ошибкой, — сказал один арабский друг Карлоса. — Он никогда не доверял женщинам». В кругах, близких к Карлосу, поговаривали, что он не доверял даже правительствам, на которые работал. Неудивительно, что Карлос до последнего момента не расставался с «пушкой» русского образца и никогда не ночевал две ночи подряд в одном и том же месте.

После ареста Карлоса закрутилась еще одна история. Имя адвоката, к которому он обратился, — Верже. Мэтр Верже. Его за глаза всегда называли хитрым котяркой, большим фарфоровым котом, на глянцевого боку которого за долгие годы не осталось ни одного отпечатка пальцев. В этом году Верже исполнилось семьдесят лет. Почтенный возраст, но мэтр сохраняет отличную форму. Еще Верже называют главным прокуратором зала суда, адвокатом-драчуном. В свое время Верже защищал таких зловещих фигур, как Фуад Адли Салех, Ибрагим Абдаллах, Клаус Барбе.

От своего отца, который работал консулом в Таиланде, а чуть позже стал депутатом-коммунистом в парламенте, он не унаследовал уважения к ценностям государства, но сохранил политическую активность. В эпоху «холодной войны» он вступает в компартию. Затем возглавляет в Праге антиколониальный комитет Международного союза студентов. Став адвокатом, он быстро зарабатывает себе репутацию «адвоката-дьявола», защищая своих подопечных вопреки всем нормам юстиции — агрессивно атакуя прокурорскую сторону. С 1970 по 1978 год следы «адвоката-дьявола» теряются, и ни одна живая душа не знает, чем он занимается в этот период. Где он и что он? Стажировка у красных кхмеров? Заключение в Алжире? Учеба у ближневосточных террористов? После долгих лет молчания Верже заявляет в интервью одной газете: «Твой секрет — твоя кровь. Если отдашь эту кровь — смерть!» Для всей Европы он становится воплощением нелеги-

тимной защиты. «У меня нет чувства греха», — легко заявляет мэтр Верже.

Как пишет «Монд», человек по имени Верже фигурирует в архивах бывшей гэдээровской тайной полиции Штази как персона, передавшая пресловутое письмо с отпечатками пальцев Карлоса французским властям — поступок, дающий основание предполагать активную связь «адвоката-дьявола» с террористическими кругами. Верже отвергает эти наветы, называя их «частью программы Штази по дезинформации и запутыванию общественного мнения».

Карлос и рассчитывал на таких людей, как Верже и ему подобные, чтобы сразу же после ареста затеять иск против французских агентов, которые, как он утверждает, накачали его наркотиками, связали и похитили из Судана. А французское министерство юстиции, в свою очередь, клянется открыть старые дела, которые могли бы заставить Карлоса предстать перед правосудием, по крайней мере, по четырем серьезным делам. Одновременно генеральный прокурор в Берлине требует выдачи Карлоса Германии за осуществленный им взрыв бомбы в 1983 году.

На Ближнем Востоке, как утверждает следователь Брюгьер, кое-кому в последнее время плохо спится по ночам, поскольку «Карлос является ходячей энциклопедией современного терроризма». Некоторые наблюдатели считают, что многие вздохнули бы с облегчением, если бы Карлос неожиданно скончался, к примеру, от сердечного приступа. Если он начнет говорить, его показания потрясут основы не одного государства, устои не одной секретной службы.

А пока седеющий Шакал погружен в свое тюремное подzemелье, где ждет, по выражению некоторых наблюдателей, «процесса века». Процесс этот по самым оптимистическим прогнозам может начаться очень и очень не скоро.

Следствие по делу Ильича-Шакала ведет французский судебный следователь Жан-Луи Брюгьер, заслуживший уважение хотя бы потому, что он упорно шел по следу Шакала в течение нескольких последних лет.

Как же проходит следствие? Из камеры, в которой допрашивается обвиняемый, просачиваются самые скудные сведения. Карлосу, как известно, запрещено встречаться с прессой и телевидением, давать какие бы то ни было интервью. Точно известны лишь два факта. Факт первый — с момента ареста и начала следствия веселое настроение и добрый юмор, которым славился один из самых безжалостных террористов мира, постепенно покидают его. Факт второй — Карлос не дает никаких показаний. Молчит.

В результате взрыва в 1982 году на одной из парижских улиц погибла беременная женщина и ранено 63 человека

На допрос в камеру Карлос всегда приходит аккуратно одетым, шеголяя перед Брюгьером желтым шарфом. Следователя он приветствует на довольно беглом французском языке с легким акцентом. Но на первые же вопросы Брюгьера о своей причастности к взрыву в 1982 году на улице Марбёф в Париже (в результате чего один человек был убит и 63 ранено) он отвечать отказался.

Молчание Карлоса, как становится ясно, отражает одну из главных стратегических линий, избранную его юридической командой. Защитники террориста утверждают, что их подзащитный был незаконно схвачен в Хартуме и тайно вывезен в Париж без соблюдения установленной законом процедуры выдачи. На этом основании адвокатами соотряпано ходатайство об освобождении Шакала из-под стражи. Кстати, тот же самый аргумент был использован Жаком Верже в отношении бывшего гестаповца Клауса Барбе, похищенного в Боливии в 1983 году.

Карлос молчит, заняв на первый взгляд довольно прочную оборонительную позицию. Брюгьер же не дремлет,

«роет землю» с присущей ему неистощимой энергией, вновь и вновь вызывает «революционера» на допросы, предъявляя ему все новые обвинения по мере того, как вскрываются все новые факты. Как уверенно заявляет Брюгьер, террорист организовал в 1982 году взрыв экспресса «Париж—Тулуза», что привело к гибели пяти и увечьям 27 человек. Следователь готовится обвинить Шакала в причастности и к двум другим террористическим актам: взрыву на марсельском вокзале накануне нового, 1983 года, и убийству в 1975 году двух агентов французских спецслужб, пытавшихся арестовать Санчеса.

Брюгьер, который, казалось бы, должен быть полностью поглощен делом Карлоса, успешно ведет и другие, на первый взгляд параллельные, но, может статься, и пересекающиеся дела. Он разбирается, например, с очень сложным делом, связанным с обвинением девяти граждан стран Северной Африки (семи марокканцев, француза марокканского происхождения и алжирца) в преступном сговоре с целью совершения террористических актов. Официальные лица в Па-

риже заявляют, что эти девятеро обвиняемых — своего рода ниточка в до сих пор неизвестной сети происламистски настроенных заговорщиков, имеющих прочную базу во Франции. На этой базе подготавливаются и тренируются террористы-боевики, которые через Марокко могут совершать свои террористические вылазки. Проведенное Брюгьером расследование убийства двух испанских туристов в Марракеше продолжилось раскрытием новых фактов, доказывающих существование внушительной, хорошо вооруженной организации, имеющей связи с проводящими жесткую линию группировками в Алжире, Египте, Пакистане и Афганистане.

Можно представить, сколько врагов и недоброжелателей нажил следователь, ведущий дело Шакала. Иногда его обвиняют в злоупотреблении своими правами. Но за двадцать лет своей карьеры Брюгьер смог доказать, что на это он идет не ради собственного удовольствия. В недавнем прошлом он вел расследование и добился осуждения лидеров организации «Аксон Директ» — французской радикальной группировки, которая была ответственна за 80 взрывов и за смерть нескольких человек, казненных по политическим мотивам. Брюгьер доказал ответственность четырех ливийских правительственных чиновников за взрыв французского авиалайнера над Нигерией. Расследование убийства Бахтияра выявило причастность к этому преступлению высокопоставленных лиц тегеранского правительства. Семь человек обвинены в этом преступлении и должны предстать перед судом в ноябре.

По свидетельству людей, близких к Брюгьеру, следователь по особо важным делам использует в работе над делом Ильича Санчеса довольно нестандартные методы. Такие, например, как самостоятельная поездка в Берлин и работа с секретными документами бывшей восточногерманской разведки Штази.

Следственный метод Брюгьера основан на удивительном упорстве и кропотливом труде. Недаром Брюгьер самостоятельно ездил и в Будапешт, где Карлос жил с 1979 по 1985 год, в результате чего появился детальный доклад о деятельности Шакала в те годы. На базе самостоятельно добытых сведений Брюгьер и выписал в июне нынешнего года международный ордер на арест Карлоса в связи со взрывом на улице Марбёф.

Следствие по делу «революционера» Карлоса продолжается.

По материалам зарубежной прессы
подготовил С.ТОЛКАЧЕВ
Фото из журналов
«ТАЙМ», «ЛЕ ПУЭН», «ПАРИ МАТЧ»

Потерпи немного. Поедешь и ты

С недавних пор в автомобильном бизнесе стала популярной довольно оригинальная схема приобретения автомобилей — с отсрочкой получения. Вам предлагается заплатить за приглянувшийся автомобиль лишь часть его стоимости и по прошествии некоторого времени, чаще всего — от двух до трех месяцев, получить его в безраздельную собственность. Выглядит это на первый взгляд совершенно фантастически: с какой стати даже очень добрый дядя станет продавать вам совершенно новый автомобиль за полцены? А судя по рекламе, таких «дядь» с каждым днем становится все больше и больше. Да и реальных автомобилей, приобретенных подобным образом, бегает по Москве немало. Причем покупают их не только частные лица, но и организации. Пролить некоторый свет на эту сферу бизнеса мы попросили специалистов «Витязь-Инвест-М» — одной из ведущих фирм, оказывающих подобные услуги.

Как, наверное, многими и предполагалось, в этой схеме все строится на интенсивной «прокрутке» денег, внесенных вами в качестве предоплаты за автомобиль. Однако реальная стопроцентная прибыль за два месяца — это очень даже неплохой доход в столь короткое время. И получить его сегодня в легальном бизнесе можно только на фондовом рынке, где производятся финансовые операции не столько с акциями широко известных по телевизионной рекламе АО, сколько с акциями приватизированных предприятий, с которыми профессиональные брокеры работают с куда большим удовольствием. Вот эти-то акции, в особенности акции предприятий нефтегазового и энергетического комплексов, и могут в сравнительно небольшие сроки принести такой и даже больший доход. Впрочем, сегодня любой, заплатив за входной билет, может прийти на биржу и попытаться счастья в биржевой игре. Только вот опыта, скорее всего, окажется недоста-

точно, да и деньжонок маловато. Дело в том, что эти акции, в отличие от акций АО «МММ» или АО «Телемаркет», не продаются по одной или по десятку. При операциях с ними счет идет на тысячи и десятки тысяч акций. Они продаются и покупаются только большими пакетами — пулами, стоимость которых составляет десятки и сотни тысяч долларов. Естественно, что одиночка или группа приятелей в складчину в такие игры играть не смогут. А вот фирме, привлекающей под приобретение автомобилей деньги сотен и тысяч людей, объединенные к тому же с ее собственными средствами, под силу работать со столь большими суммами. Наибольшей доходностью, а следовательно, и популярностью у профессиональных брокеров пользуются сегодня акции «Газпрома», Единых энергетических систем России, «ЛукОйл», «Сургутнефтегаза», т.е. акции работающих предприятий, обеспеченных реальными активами. И деньги делаются не на дивидендах, которые могут быть вовсе не большими, а на изменении курсовой стоимости, достигающей порой недельного роста в 15%. При этом в соответствии с принципом «не кладите все яйца в одну корзину» составляется диверсифицированный портфель акций. И даже если какие-то акции временно упадут в цене, владельцы портфеля не останутся без прибыли за счет роста других.

А в чем же выгода фирмы, резонно спросите вы? Ну и крутила бы на фондовом рынке свои собственные средства, к чему ей эта головная боль с чужими автомобилями? Когда «крутятся» очень большие деньги, например миллионы долларов, то при доходе за два месяца, даже на проценты превышающем необходимый стопроцентный, достающаяся фирме

прибыль оборачивается существенными деньгами.

Теперь несколько более подробно о процедуре оформления договора с фирмой «Витязь-Инвест-М». Клиент заключает контракт на поставку автомобиля. Поставка в соответствии с договором является обязательной, в отличие от юридических форм некоторых других фирм, где договор составлен так, что поставка автомобиля вовсе не является обязательной. Достаточно известная страховая компания «Астро-ВАЗ» страхует риск неполучения автомобиля. Получается тройной контроль — со стороны клиента, со стороны страховой компании и со стороны налоговых органов. Больших гарантий не может дать никто. Непосредственно продажу автомобиля оформляет магазин, а фирма перечисляет магазину наличные средства. Гарантийное же обслуживание проданных автомобилей осуществляется в установленном заводом порядке.

И последнее. Если вы мечтаете об автомобиле, то у вас, скорее всего, два пути. Либо вы откладываете журнал в сторону, проворчав при этом что-нибудь об очередной «пирамиде», на этот раз автомобильной; либо вы пойдете по указанному ниже адресу, побеседуете со специалистами и консультантами фирмы, получите исчерпывающие ответы на все интересующие вас вопросы, наведете по своим каналам справки. И тогда, если найдете ответы на все свои вопросы убедительными и вас устроит полис страховой компании «Астро-ВАЗ», в котором будет застраховано «получение автомобиля», у вас будет неплохой шанс через 50 дней получить собственный автомобиль за 60% его стоимости. И воскликнув: «Кто не рискует, тот ходит пешком!», вы уверенно нажмете на педаль газа.

Адрес фирмы «Витязь-Инвест-М»:
ул. Душинская, д. 18, корп. 1.
Телефоны: 361-33-41, 361-27-46

РЕКЛАМА

ЮРИЙ ШТУКИН

Ночь, водка и тоска

По ту сторону торговой палатки

*В мокрых палатках спят друзья...
(Из старой походной песни)*

Еще оставалось минут тридцать до закрытия метро. Я закурил и огляделся: в длинном ряду коммерческих палаток лишь одна светилась изнутри. «Пожалуй, поджидает меня там баночка недорогого пива «на пошонок», — флегматично подумал автор. И двинулся на свет, огибая перевернутые ящики — грязные осколки дневной торговли.

Пока топтался перед зарешеченной «витриной», щуясь на мелкие ценники, в палаточном окошке появилась добродушная физиономия: «Чего, командир?» «Ну дайте, что ли, вот эту банку», — протянул деньги. Взял пиво и, поскольку ни одного достойного внимания объекта вокруг не наблюда-

лось, принялся отхлебывать из банки здесь же, замороженно разглядывая ассортимент. Та же физиономия снова показалась в «амбразуре»: «А ты чего, бухаешь, что ли?» — «Да нет, не так чтобы...» — «А мы бухаем. Уже второй день, гы-гы. Так ты заходи!»

В палаточных чертогах я не был никогда. Хотя как-то осенней ночью в прошлом году, будучи изрядно навеселе, но покинутый неверными друзьями, сам стучался в маленькие окошки и бормотал: «Ну можно я просто посижу у вас чуть-чуть? Все равно вам скучно. Я не бандит, честное слово!» В ответ за стеклом скорбно улыбались и качали головой. Потому теперь грех было не воспользоваться приглашением.

Мне открыли тяжелую металлическую дверь, которая весила, похоже, больше, чем вся палатка. И я ступил

внутри. Ребят было двое. Обоим, как и мне, лет по двадцать семь, что, конечно, способствовало скорому сближению. Имена моих гостеприимных хозяев забыл на следующее же утро, так что воспользуюсь своим литературным правом и окрещу их Славой и Ромой.

Пригласил меня как раз Слава, поскольку, собственно, сегодня была его смена. А Рома — Славиному другу и напарнику — просто нечего было делать, о чем речь ниже.

Мне сразу налили «Салюта» в пластмассовый стаканчик, и беседа потекла. Шипучего в ту ночь мы выпили немало, и каждый раз, доставая со стеллажей очередную бутылку, Рома приказывал: «Так, Слава, запиши и пробей чек!» Неверными пальцами Слава стучал по клавишам кассового аппарата. Я сразу предложил войти в

долю, но Рома поморщился великодушно: «Да не надо. У нас тут своя бухгалтерия».

Ребята оказались родом из Барнаула. Три года назад вместе приехали в Москву, чтобы поступать то ли в автодорожный, то ли в железнодорожный институт. Поступили. Через год оба женились и разом бросили учебу.

Еще через полтора года Слава развелся, а Рома на момент нашей встречи готовился к этому событию. О супруге он отзывался крайне недобро, после чего перешел к обобщениям: «Ваши московские бабы, конечно, все стервы». — «Так уж и все?» — «Ну, может, не все...» — «Но почти все», — вставил сильно захмелевший Слава.

«Вот моя, — продолжал Рома. — Она, ничего не скажешь, очень умная... Очень. И фигура, там, классная. Но, знаешь, она росла в такой семье...» — «Да ее с детства осетриной кормили!» — проявил осведомленность Слава, качнувшись на своем ящике. Я озирался по сторонам, не зная куда приткнуться давно потухший окурочок. Рома поймал мой взгляд: «Да на пол кидай. Все равно грязь».

Между тем, невзирая на грязь, Слава уже несколько дней в буквальном смысле жил в палатке: в углу, за холодильником (!) стоял скатанный матрас. Ночью Слава справлял нужду чуть поодаль — у соседних ларьков, всматриваясь в окна нависшей над площадью высотки.

*Снег над палаткой кружится...
Милая, что тебе снится?..*

После развода Слава снял дешевую комнату где-то в Балашихе-Малаховке, но с хозяйкой не ужился, несмотря на взаимную тягу к алкоголю. Друзья из общаги дали понять, что хоть и благодарны за регулярные поставки дармовой водки, но на свободную койку имеют свои планы. Тогда Слава и переехал сюда, в центр Москвы.

Рома же высказался в том смысле, что и сам, может, жил бы здесь, да стойкие супружеские рефлексы понуждали возвращаться к жене, ее родителям, видаку. И осетрине.

За окном зашевелились тени. Вообще, должен признать, что на протяжении всей ночи автор вздрагивал всякий раз, когда кто-нибудь подходил к палатке. Тревожное ощущение. Сперва словно отмечаешь колебания атмосферы за окном: кто-то попал в нашу «орбиту». Потом на стекло падают тени. И, наконец, раз-

личаешь лица. Мои говорливые друзья просто не обращали на них внимания до тех пор, пока клиенты не постучатся. Мне же, непривычному и робкому, казалось, что «тот», кто приближается к нашему «аквариуму», должен прильнуть к окну, уставиться на меня немигающим взглядом, и воздух, как во сне, станет вязким, и закричать не будет сил...

«Orange juice, please», — пропела кудрявая дамочка, улыбаясь в окошко. Слава встрепенулся: «Чего?» «Сок, сок апельсиновый! — раздраженно воскликнул Рома. — Давай живей!» — «А сколько с нее взять?» — «Ну, три тысячи!..» Слава ткнул в лицо кудрявой три пальца: «Три рублз». — «О'кей».

Когда та удалилась вместе со своим «оранжем», Слава озарился гротескной улыбкой Савелия Крамарова и сообщил мне: «Во — американцы! Мы тут их дурим как хотим!» Я повернул к себе стоявший на витрине пакет с соком (при этом посыпались соседние пачки сигарет) и увидел нашлепку: 2300.

Так беседа наша стихийно переметнулась в сферу микроэкономическую, с позволения сказать. Под такую «закуску» ребята с удовольствием откупили еще бутылку, хотя Слава уже пару раз пытался прислониться к некоей призрачной «спинке» своего ящика.

Прежде всего молодые люди жестоко надрагались над моей сочувственной иллюзией по поводу достаточно умеренных денег, которые должны получать палаточные сидельцы. Их совокупный месячный доход равнялся примерно двум моим не самым худым зарплатам. Иначе с какой радости они в изобилии поили бы меня «Салютом», а под конец и водкой.

Конечно, мне пришлось выслушать lamentации в адрес владельца ларька, который, как марксистский «мироед», знает лишь одну страсть — взимание самых изощренных поборов со своих наемных работников. Однако последние не теряются, поскольку сами разработали несколько способов поправить свое финансовое положение. Один из них уже был описан выше, но он, разумеется, не может принести стабильные прибыли. Есть более простая и надежная методика, заключающаяся в разумном завышении цен. Например, сигареты «Winston» нетрудно сбывать не за 2000 рублей, как назначил хозяин, а на сто—двести единиц дороже.

«А если, — спрашиваю, — внезапно подъедет шеф и увидит безобразие?» «Не подъедет», — загадочно улыбнулся Рома.

Да что там шеф! Моих торговцев не страшили даже случайные, «несистемные» бандиты.

«А если на тебя ствол наставят?» — волновался автор. «Ха! — Рома кивнул в сторону улицы. — Один тут наставлял пистолет. А я выхожу из палатки и говорю ему: — Ну что? Что ты эту ерунду достал? Много денег заработаешь? Ну постреляй, если нейметса... Убрал «пушку».

Куда большую досаду у ребят вызывают милиционеры. Главным образом муниципальные. «Вот кто деньги-то гребет!» — вдруг встрепенулся прикурнувший было Слава. «Это как?» — заинтересовался я. — «А так. Подходят и говорят: — У вас то-то не так. Цены, там, не везде проставлены или чеки не те. Проще дать денег, чтобы отстали». — «А если не давать?» — «Оштрафуют». — «Ну и какая разница-то: все равно платить?» — «Большая разница. Штраф они такой выпишут, что мало не покажется. А так мы отделаемся полтинником, например». — «Но если все в порядке — к чему придираются?» Слава взглянул на меня так, словно я попросил его почитать стих Агнии Барто: «Они всегда найдут, к чему придраться. Это, знаешь, как армейский патруль».

За «бортом» опять задвигались силуэты, вселив в меня новую тревогу, к тому же усугубленную рассказом про пистолет. Тук-тук-тук...

Слава наклонился к окошку: «Чего? опять «Русской»? Сейчас». Рома порекомендовал ему оставаться на месте и, ловко дотянувшись до стеллажа, снял бутылку, возвестив: «Это «метро» опять пришло!» Я поднял брови. Рома пояснил: «Работники ночные из метро. Они нам половину выручки делают».

Ночь мы завершали в предрасветном томлении. Слава, наконец, поддался уговорам друга — улегся на любезно расстеленный Ромой грязный матрас. Само собой, в одежде. Чтобы не сидеть в бессмысленной тишине, я задавал Роме нелепые вопросы, на которые тот отвечал уже без охоты. Полбутылки водки стояли недопитые.

...Уже перед тем, как покинуть приют (примерно в половине шестого), я задал тот вопрос, ради которого, быть может, и провел здесь ночь: «Так что же, вы так и будете всю жизнь в палатке работать?» Подавив зевок, Рома промямлил: «Да нет, зачем? Я вот пойду скормлю на оптовый рынок. Там деньги побольше». — «А к себе в Барнаул не хотите вернуться?» — «Нет, ты что! Там — тоска».

Алексей БЕЛЯКОВ

Отдых и здоровье в Салтыковке

Приехав однажды — Вы будете приезжать всегда

Многопрофильный подмосковный санаторий «Дружба» АО «Дружба-Медсервис», расположенный в 18 км от Москвы, в живописной лесопарковой зоне, предоставляет возможность по доступным ценам, за короткий срок восстановить свое здоровье.

Лечение традиционными и нетрадиционными методами проводит опытный медицинский персонал.

За дополнительную плату в санатории возможны консультации и лечение у ведущих специалистов и профессоров Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова.

Санаторий располагает современным арсеналом физиотерапевтического лечения:

ВОДОЛЕЧЕНИЕ
ГРЯЗЕЛЕЧЕНИЕ
ЭЛЕКТРОСВЕТОЛЕЧЕНИЕ
ИНГАЛЯТОРИЙ
ФИТОТЕРАПИЯ
КВЧ-ТЕРАПИЯ
ЛАЗЕРНАЯ ТЕРАПИЯ

КВАНТОВАЯ АУТОГЕМОТЕРАПИЯ
ИГЛОРЕФЛЕКСОТЕРАПИЯ
ЛЕЧЕБНЫЙ МАССАЖ
МАНУАЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ
ДИАГНОСТИКА, ТЕСТИРОВАНИЕ
И ЛЕЧЕНИЕ ПО ФОЛЛЮ И ДР.

За время отдыха Вы также сможете решить все проблемы, связанные с лечением и протезированием зубов.

К Вашим услугам — зимний сад, киноконцертный зал, библиотека, сауны, бассейн с каскадным душем, лыжная база, кафе-бар, зал эмоциональной разгрузки, светомузыка, телевизионные залы, аптечный киоск.

Бесплатный телефон-автомат с Москвой — круглосуточно.

Путевки для лечения на 12 и 24 дня с проживанием в одно-двухместных номерах с туалетом и ванной приобретаются в санатории «Дружба».

По всем вопросам обращаться по адресу:

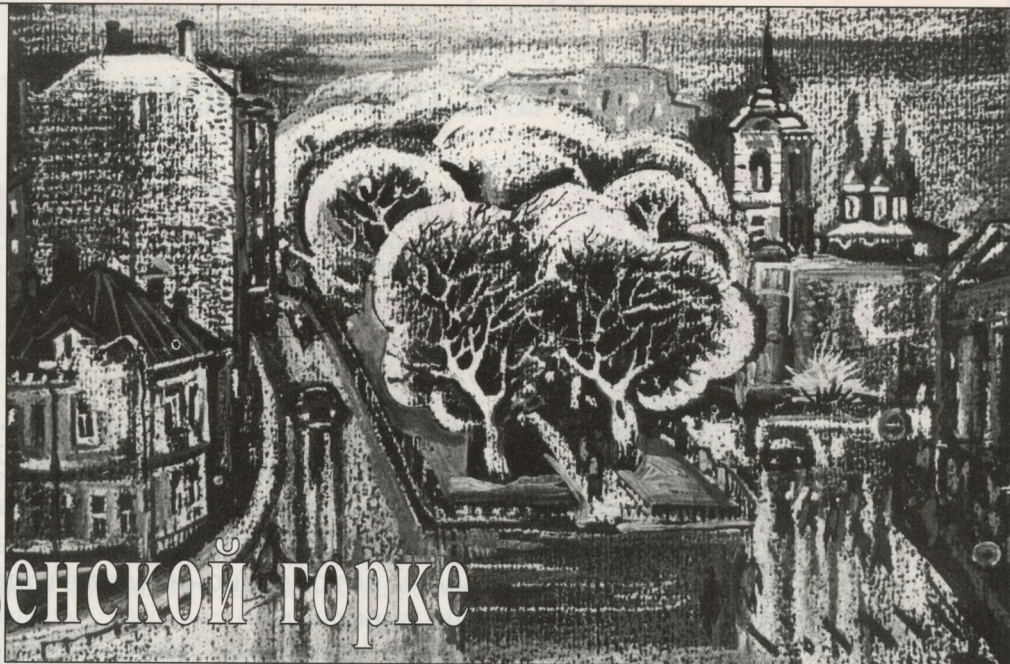
143970, Московская область, пос. Салтыковка-1, Вишняковское шоссе, дом № 135, санаторий «Дружба».
Проезд: с Курского вокзала до станции Никольское Горьковского направления, далее автобусом № 22 до остановки «Санаторий «Дружба».

Телефоны для справок: 521-76-88, 521-01-94

РЕКЛАМА

Алексей
МИТРОФАНОВ

На Рождественской горке

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВА

Рождественский бульвар. Скорее все-таки Рождественская горка. Особенно в начале.

Он поднимается настолько круто, что общественный сортир имеет лишь один фасад — передний. Со всех других сторон он выглядит сооружением подземным.

Начинается Рождественская горка (кстати, один из тех семи холмов, на коих якобы стоит Москва) некоторым люмпен-комплексом. Его основа и акцент — пивнушка с разливным разбавленным. Зато дешевым. Одесную — сортир, уже упомянутый, — незаменимый спутник пивопивов. Кстати, до сих пор бесплатный, хотя подчас закрытый. Ошуюю — четыре телефона-автомата, для связи с друзьями-алкоголиками. Один из них, как правило, работает. Притом не от жетона — от банального рубля.

7 ноября 1918 года тут пробовали было выставить гипсового Т.Шевченко работы скульптора Волнухина (создателя Первопечатника напротив ФСК). Со спичем на открытии

Рождественский

бульвар появился

в 1820-е годы

и назван

по Рождественскому монастырю.

Переименованиям

не подвергался.

выступила сама товарищ Коллонтай. Тарас Григорьевич сидел на камушке, понурясь и руками, и усами. Да вскоре развалился — и место уступил пивному комплексу.

Совсем недавно неуютность Трубной площади уравнивалась очарованием Рождественского монастыря. Там в бывших кельях до сих пор — квартиры. Развешены тряпицы, коврики, простынки, гаражик притулился сбоку, а от лихих людей — решетки на маленьких оконцах да громогласная собачка.

Однако же очарование былое уж исчезло. Нельзя, к примеру, зайти сюда из подворотен Кисельного тупика, а выйти на Рождественский бульвар — большинство проходов забаррикадированы. А на ночь закрываются и остальные.

Тот монастырь уж не пристанище романтиков. Он все более становится монастырем, и появились первые монахи. Скоро все встанет на свои места. Богу — Богово, романтикам — пивняк.

А напротив священной обители стоит дом-развалюха, и одна лишь надпись гордо реет над фасадом, временем потраченном. «Шагза Шагон». Что означает? С этим — не ко мне.

В начале века тут снимал квартиру пианист Верстовский со своей незаконной супругой, актрисой Н.Репиной. И был им монастырь — с колоколами и невестами Христовыми — укором.

Чуть далее, под номером тринадцать — два желтых дома, брата-близнеца. Они своими белыми колонками, своєю аккуратенькой оградой (скрывающей вид на позорную помойку), а в первую очередь — своей канареечной одинаковостью напоминают этиких мальчишек, чистеньких гаденышей, которые и друга заложить горазды, и зайками прикинуться, коли нужда.

Подобные дома явились городу после войны с Наполеоном. Это — типовые здания. Их не создал архитектор по заказу, их выбрали из альбома «апробированных фасадов», что сделало постройку несколько дешевле.

Рождественский бульвар, при всем своем уюте, не всегда миролюбив. Примером тому дом 12.

*В счастливой Москве,
на Неглинной,
Со львами,
с решеткой
кругом,
Стоит одиноко
старинный,
Гербами
украшенный дом, —*

писал о нем Некрасов.

Поначалу дом принадлежал Голицыным, затем — Фонвизиним, причастным к декабризму. Тут в 1817 году друзья-дворяне обсуждали предложение

Якушкина убить царя, тут в 1821 году собирався «Союз благоденствия», тут же он был и распущен.

После Фонвизиных, спустя некоторое время, дом перешел к чаеоторговцу Губкину. Когда же тот скончался (а случилось это в 1883 году), домашние подали нищим несколько серебряных монеток — за упокой души. Те же растрепали по своим притонам, и на следующий день к дому явилось множество бродяг, просящих подаяния. Случилось что-то вроде катастрофы на Ходынке или на похоронах Иосифа Виссарионовича. Десятых до смерти задавили, и среди них — сотрудника «Русской газеты» Свистунова-Ломоносова. Так что журналистская профессия всегда была опасной.

В первые годы новой власти тут размещался трест «Главрыба» (тогда самый, «Абыр, Абырвалг»). А сейчас — родственная ему рыбоубийственная организация — Комитет Российской Федерации по рыболовству. Об этом извещают две совершенно одинаковые черные дощечки с гербами. А для солидности над ними вывешен российский флаг.

И нет давно ни львов, и ни гербов дворянских.

А рядом с этим зданием — другое, тоже со своей историей. Там в прошлом веке размещался Павловский салон. Его держали в то время популярный, а сейчас вполне забытый литератор Н.Ф.Павлов со своей супругой, Каролиной Павловой-Яниш, несостоявшейся невестой А.Мицкевича.

«Мысль свободная схватилась прямо с роковыми общественными вопросами...» — писал о Павлове Ф.Тютчев. А Ка-

ролину П.Бартенев называл «княгиней русско-го стиха».

Здесь бывали Пушкин, Чаадаев, Лермонтов, Погодин, Шевырев (конечно же, Мицкевич). Именно здесь Михаил Юрьевич устраивал прощальный вечер перед своей последней ссылкой.

Но сегодня «павловский дворец» не отличается оригинальностью. На нем все та же вывеска — «Комитет Российской Федерации по рыболовству». Правда, в одном лишь экземпляре и без флага.

А в соседнем домике под номером 16 процветал другой поэт — Ефим-Демьян Придворов-Бедный. Здесь он на правах придворного поэта собрал роскошную библиотеку. Настолько уникальную, что вошла она в состав Литературного музея.

И остается только пожалеть первоначальных, истинных хозяев книг.

На этом здании — чуть-чуть иная вывеска: «Союз рыболовецких колхозов России». Видимо, близость подземной Неглинки стала причиной столь любопытного скопления.

На противоположенной же стороне — на вид ничем не примечательный доходный дом номер 17. Однако же в нем был устроен первый в

Москве электролифт. Грешен, застревая в лифте, я все время (пока не откроются двери) его осыпаю проклятиями.

А следующий дом, 19, — знатен своим революционным прошлым. Здесь жил большевик Усиевич, Ленин навещал семью Мовшовичей — своих приятелей по эмиграции швейцарской.

И сейчас иные «революционеры» каким-то образом влезают на крышу дома и ломают там антенны. Впрочем, такое — не редкость для нашего города.

Заканчивается сей бульвар торцовым домом — одной из тех гостиниц, что по приказу императора расставили почти у всех ворот Белого города. После революции здесь был кинотеатр «Искра» и играл перед сеансами оркестр в шесть человек, а москвичи переставляли шашки и беседовали о международном положении.

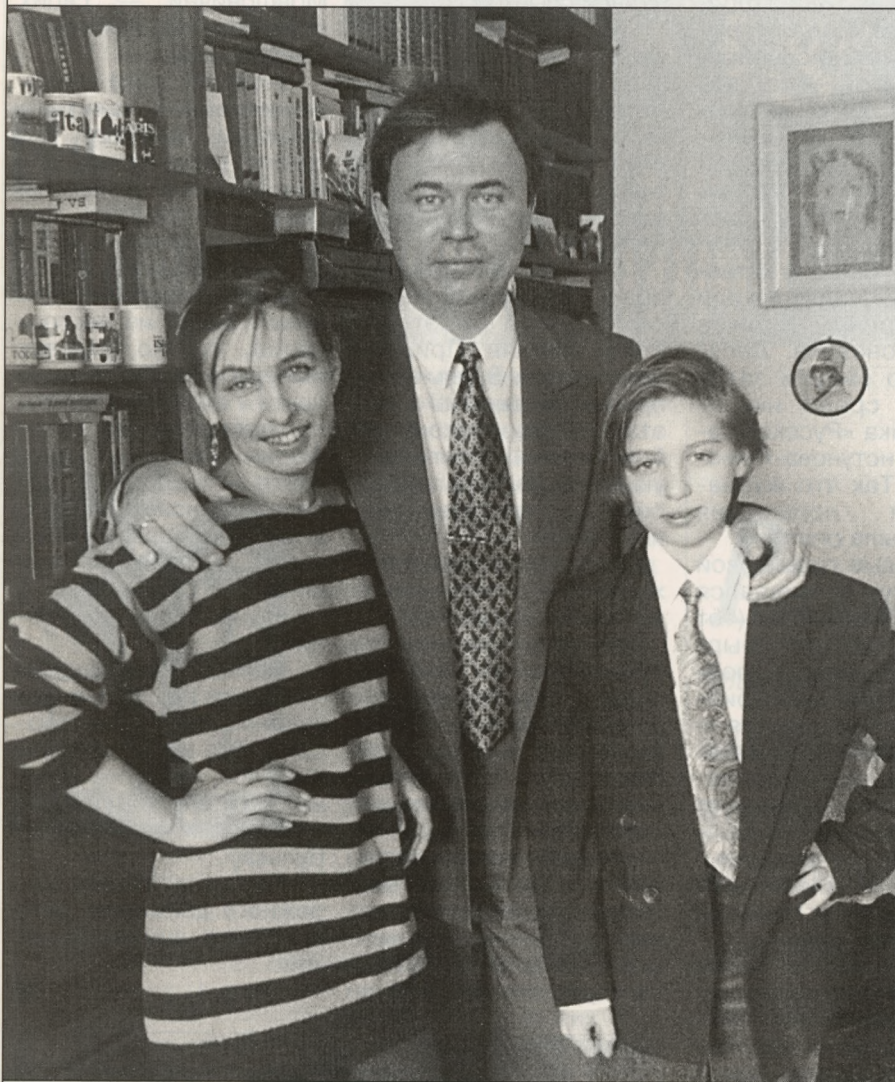
Сейчас в том здании — обилие различных магазинчиков и мастерских. Тут можно прикупить все, что душе угодно, — от кактуса до унитаза. И выйти на другой бульвар.

Нарушив правила дорожного движения. Зато не делая лишних крюков.

«Дома-близнецы». Фото 1930-х годов из собрания М. Струкова

Рентгенкабинет Андрея Караулова

С женой и сыном

Этапы большого пути:

- 1958 г. — родился в г. Калининграде Моск. обл.
 - 1975 г. — закончил школу № 15.
 - 1976 г. — разнорабочий, завод «Салют», Москва.
 - 1976—1981 гг. — ГИТИС, театроведческий факультет, потом — армия.
 - 1983—1985 гг. — журнал «Театральная жизнь».
 - 1986—1988 гг. — журнал «Огонек», сначала — зав. отделом юмора и занимательной информации, потом — старший редактор отдела литературы.
 - 1989 г. — диссертация кандидата искусствоведения.
 - 1990—1992 гг. — «Независимая газета», зав. отделом литературы и искусства.
 - 1992 г. — создал отделение театроведения в Российском Государственном гуманитарном университете.
- Автор книг: «Театр, 80-е», «Олег Иванович Борисов», «Упрощенный театр», «Вокруг Кремля».

— Твой бывший телеколлега Дибров в одной из бесед признался, что для него — провинциала — была актуальна задача «покорения столицы». То, что называется «растиньяковским комплексом». А для тебя?

— Что я, больной, что ли? Что за глупость — ставить перед собой такую задачу?

— Про Диброва не скажу, а балзаковский герой был далеко не глуп. Ты полагаешь, что достиг вершины?

— Я живу, как хочу. Я отказался от всех должностей, которые мне совали; свобода, которая у меня есть, милее.

— И как ты пользуешься своей свободой?

— Основное — возможность писать книги. Вышла монография об Олеге Борисове, сборник статей «Упрощенный театр», сейчас — Смоктуновский. Очень хочется его понять.

— Ты пишешь — и они умирают. Как бы для того, чтобы дать биографу возможность охватить их жизнь как законченное целое. Оккультист непременно заподозрил бы тут наличие мистической связи...

— Ты что — оккультист?

— Нет.

— Тогда — дальше.

— Хорошо работаешь. Что же ты понял в Смоктуновском?

— Загадок в его жизни много. Знаешь ли ты, что в 32-м, когда в Красноярске был голод, семилетнего Кешу Смоктуновича мать выгнала из дома? Приютила его и брата Володю тетка, баба Надя; она спасла ему жизнь. А жил он жутко. Однажды, на старом базаре, его избили так, что болезнь глаз осталась на всю жизнь. В первом классе его оставляли на второй год. А после войны он был вынужден забраться аж в Норильск, и здесь бывший зэк Георгий Степанович Жженов, сосед по общежитию, спас ему, «вольняшке», жизнь. Смоктуновскому всегда казалось, что так, как он, гении не рождаются, так, как он, гении не растут.

По одной версии, он правнук поляка, сосланного в Сибирь за участие в польском восстании 1863 года. На самом деле его дед, егерь Беловежской пуши, был сослан в Сибирь в 1861-м: убил зубра. Кто он, Кеша Смоктунович, он же — Иннокентий Смоктуновский? И почему, сыграв Мышкина, через четыре года — Гамлета, когда у

него как актера появился выбор, какой дорогой идти, он выбрал все-таки «божьих людей»: Моцарта, Чайковского, царя Федора, дядю Ваню, трубача в «Романсе о влюбленных». А его Мышкин с годами превратился в Тартюфа. И Иудушка Головлев был сыгран гениально...

— Давай все-таки поговорим о твоей передаче. Ты уверен, что в разговорах перед телекамерой действительно прорывается истина?

— Уверен, люди часто говорят правду. А я хочу показать человека таким, какой он есть на деле. То есть хочу того же, чего сейчас хочешь ты, разговаривая со мной.

— Я не обольщаюсь. Ты говоришь со мной, зная, что это будет опубликовано. Ты играешь определенную роль. Играешь здесь, играешь в передаче. И твои собеседники играют свои роли. Я тоже играю роль, как всякий журналист. Иногда вольно, иногда невольно выстраиваю не только образ собеседника, но и свой собственный. Хочу, чтобы нас было интересно читать. Где же во всем этом истина?

— Я тебя разочарую: то, что я говорю тебе, я сказал бы любому человеку. Говорю то, что думаю, а ты верь или не верь.

— Чему тут можно не верить? Я задаю совершенно невинные вопросы. Но любой человек не только говорит, что думает, но и думает, что говорит. Сущность спрятана. Ты полагаешь, что в передаче можешь ее проявить своими вопросами?

— Судить тебе.

— Неужели ты сам не можешь судить?

— Где-то получается, где-то нет. Чаще, к сожалению, нет. Кто-то из людей как мыло: возьмешь в руки, а оно ускользает.

— Кто же от тебя ускользнул? Не Станкевич ли?

— А я тебе не скажу. Это — мое. И потом, я тоже могу ошибаться. Не получилась передача с Андрюшей Макаровым. Это мой грех. Андрюша меня обманул. Точнее, я сам уши развесил. Бедный Андрюша...

— Я думал, он уже богатый.

—...Все равно бедный. Как же он встрепенулся, несчастный, узнав, что Ельцин в Сочи лично проводит теннисный турнир! Андрюша схватил ракетку и бросился на корт. Играл с Грачевым, по-моему; говорят, это было зрелище...

— В чем была сложность твоего

разговора с ним? Тебе не удалось как следует его зацепить?

— Что за терминология: «зацепить», «подколоть», «подсмотреть», «разнюхать»? Есть понятие: мужской разговор. Ты пришел ко мне, или я — к тебе. Можно спросить, что ты съел на обед. А можно — поговорить серьезно.

— «Подцепить» — значит попасть в некую сингулярную точку.

— Куда?

— Твоя реакция на мой лексический обертон как раз и говорит, что я тебя «подцепил» (не намеренно, кстати). Ты в передаче делаешь то же самое.

— Это плохо или хорошо? Мы — мы все — так устроены, что редко верим своим глазам. Нам нужен подтекст, «второй план» или (по крайней мере) знать, кто или что за этим (за мной, за передачей) стоит. Я все время слышу, что мне важно... ну я не знаю что — убить, растоптать человека... Я что, больной, что ли? Мои студенты рассказывали, что у Тартальи в новой вахтанговской «Принцессе Турандот» есть такая шутка: «Что такое «Момент истины»? А это — когда подходишь сзади и бьешь палкой по голове. Оп-па!» Мне надоело повторять: «Ребята, жизнь не так проста, как кажется, она еще проще...»

— Термин «момент истины» в богемоловском «Августе сорок четвертого» трактуется как признание агента, вырванное у него после мощной психической атаки. Для тебя же не секрет, что тебя сравнивают со следователем?

— Я об этом читал.

— Жаль, что твоя интонация в тексте будет утрачена. Но, извини, к такому сравнению побуждает твоя особая манера вести разговор. Манера, кое-кого раздражающая. О Диброве и Листьеве ведь никто не скажет, что они ведут дознание. У Диброва — развлекательное шоу, у Листьева — светская беседа. Ты же именно дознаешься. Используешь какие-то предварительные сведения о человеке, вклиниваешься в логические щели, чтобы извлечь из них нечто ценное. Это на уровне слов. А ведь есть еще облик, мимика, жесты...

— Ты можешь привести конкретный пример? Мне просто интересно.

— Конкретный пример чего? Предварительного знания?

— Хотя бы.

— Например, в одной из бесед ты сказал своему визави, что о нем плохо отзываются на месте его прежней работы...

— Ты можешь привести конкретный пример?

— Не могу — именно потому, что не готовился к такому повороту и не запасался точными ссылками.

— Поехали дальше.

— Как это поехали?! (Пауза.) Вот видишь, теперь ты меня поймал. Ладно, по нулям.

— Я тебя не ловил. И с тобой не играл. Я люблю точность и просил тебя быть точным.

— Тогда я задам вопрос, не требующий ссылки. Ты собираешь информацию о своем предстоящем собеседнике?

— Нет. Зачем? Мы все — на виду. Мои герои — политики — тем более. Но мои коллеги-журналисты подбирают статьи; цитируя, я показываю их в кадре, называю авторов, то есть делаю «сноски».

— А неофициальные и недокументированные сведения? Ты ведь общаешься со многими людьми и имеешь возможность узнать у них что-то, что позволит тебе задать важный вопрос.

— Можно придумать первый вопрос. Можно придумать второй. Но третий — уже невозможно. Вопросы всегда рождаются из ответов. А ты спрашиваешь: «Караулов, перед тем как говорить со Станкевичем, был ли ты у его жены, у любовницы (если она есть), у его коллег?»

— Но все-таки: ты используешь какую-то информацию о собеседнике помимо той, о которой сказал?

— Использую, использую — из газет.

— Спасибо. Ты же понимаешь, что ответом является любая реакция на вопрос?

— Я недавно был на Кипре, там мы много и долго разговаривали с Боровым. И не только с ним: с Волчек, Гафтом, Марком Рудинштейном, Гарриком Коваленко. О жизни, о политике, об экономике. А что еще делать на пляже? Эти разговоры — часть моей жизни. А не «сбор неофициальной информации». Да, я могу иногда во время передачи сослаться на мнение, которое слышал во время дружеской беседы с кем-то. Но всегда называю, так сказать, «источник».

— Если это мнение неблагоприятно для твоего собеседника, ссыл-

ка без предварительной договоренности с источником некорректна. Если по договоренности, то выходит, что ты именно «собираешь информацию». Но я помню как раз твой дипломатический оборот: «Мне говорили — я не хотел бы называть кто, — что вы...» Только сразу оговорюсь, что не помню, из какой передачи.

— Чаще всего я вообще ничего не знаю о человеке, которого зову в передачу. Я приглашаю его просто потому, что он мне интересен.

— Как ты можешь знать, что он тебе интересен, если ты о нем НИЧЕГО не знаешь?

— О человеке, с которым я де-

рикосновенность! Я позвал его в передачу — и не пожалел.

— А теперь — вопрос в твоём стиле: «Скажите, уважаемый Андрей Викторович, только честно, как на духу: правда ли, что вы занимаетесь квартирным бизнесом?»

— Нет, вранье.

— И коммерцией ты не занимаешься?

— Нет.

— Хочешь сказать, что зарабатываешь исключительно передачей и пером?

— У меня остается достаточно много времени, чтобы заниматься другими делами. Писать и публиковать книги, например. В том

трудные собеседники. По телевизионным — чувствуется. С чем это связано?

— Я не изменился. Просто мы не умеем слушать и смотреть телевизор. 90 процентов телезрителей смотрят, как человек выглядит, как он сидит, как спинку держит. И если он сидит так, как я (а я сижу так, как мне легче разговаривать), — это плохо! А услышать, о чем разговор, — не хотят. Костя Боровой в «Моменте истины» еще 3 июля сказал: «Люди! Забирайте деньги из «МММ»! Эта пирамида не может строиться бесконечно — она рухнет через месяц!» Мои помощники, мои друзья, которые бы-

БОРИС КАУФМАН (НГ) — ФОТО

лаю сейчас передачу, я узнал из газет. Его, депутата Госдумы, арестовали в Екатеринбурге и в наручниках провели через весь город. Почему? Он — дурачок такой — предложил те ваучеры, которые остались людьми не востребованы, бесплатно раздать старикам и немущим. А это семь миллиардов рублей, десятая часть годового бюджета Екатеринбурга и области. То есть он «наехал» на чьи-то коммерческие интересы, и власть наплевала на его депутатскую неп-

числе — и за рубежом. А на передаче я мало что зарабатывал. Мы только сейчас отделились от государственного ТВ, а до того я получал семь минимальных зарплат. Теперь у нас — наконец — появился спонсор. И, к сожалению, реклама — чужая. Я мог бы заработать, если бы приглашал людей в эфир за бабки. Но покажите мне человека, который бы за такой разговорчик еще и заплатил!

— По твоим журнальным беседам не чувствовалось, что у тебя были

ли на съемках, в том числе банкиры (даже они!), не услышали, что сказал Боровой. Ни один человек в стране не пошел и не забрал свои деньги из «МММ»! А это и был, оказывается, момент истины.

— Ты сам заметил, что люди смотрят не на «что», а на «кто» и на «как». Самая убедительная с точки зрения логики речь может быть дискредитирована тем, что человек не умеет себя держать или не вызывает доверия. Боровой не раз делал прогнозы, которые не оправ-

дывались, и не раз совершал экстравагантные поступки, из-за которых его перестали считать серьезным человеком.

— Кстати, я забыл тебе сказать, что пять раз давал в прокуратуре показания по делу о трасте Руцкого. Вот что такое допрос! Или возьми Ларри Кинга — мы все ему в подметки не годимся. Я самоучка, самозванец. Он — гений беседы. А у нас — примитивное ТВ. И люди пишут: «Уважаемый товарищ Попцов, очень нам нравится «Момент истины», но когда же вы этого негодяя уберете, что же он у вас с товарищем Шохиным сделал...»

— Но не изменится принцип, по которому люди реагируют не только или не столько на «что», но и на «как». Не только у нас — везде.

— Да. Только я всегда буду сидеть на стуле так, как мне удобно, а не так, как Владимир Познер.

— Это твоё право. Но если мне это скажет политик, который во время своего телевыступления должен убедить людей голосовать за его программу, я решу, что он дурак. И если бы я был уверен, что отказ от моей любимой привычки чесать за ухом увеличит тираж номера «Столицы» с нашим разговором на миллион экземпляров, я бы часок потерпел.

— На всех не угодишь. Мне это не нужно. Я — не телезвезда. А чернорабочий. И мне важно не количество зрителей, а возможность делать свое дело — я ведь критик по профессии.

— Как критик, я тебя понимаю. Скажи, а бывает тебе боязно задать критический вопрос?

— Часто. Было боязно спрашивать Гамсахурдия — диктатор ли он? Но тут и другая проблема. Я

гарантирую своему визави, что он увидит передачу до эфира и за ним будет последнее слово, которое для меня — закон. На Шаболовку, где я работал, приезжали все: Гайдар, Филатов, Шахрай, Шохин, Полторанин, Бурбулис, Шумейко, Хасбулатов, даже Илюша Константинов и тот был. А потом, уже после эфира, когда среди его коллег разразился скандал, прибежал на радио и заявил, что он вроде как говорит в «Моменте истины» не своим голосом, что его чуть ли не актер озвучивал... Так вон кассета, давай послушаем. Или — Бакатин, трус фантастический. Он после интервью (это была еще «Независимая газета») спохватился и стал везе орать, что я ему приписал такое, чего он вообще не говорил. Я послал ему коротенькую записку, что если он еще раз вякнет что-нибудь подобное, так будет суд. Теперь, при случайных встречах, он улыбается и делает вид, что ничего не было...

— А часто твои собеседники хотят убрать свои неудачные ответы на твои неудобные вопросы?

— Бывает. Однако бывает и так, что стискивают зубы, но не пытаются «переписать себя». Скажем, к чести Лукашенко и Собчака они оставили все, как было. Хотя Собчаку, например, передача не понравилась. Да и как такое может нравиться? В Питере горит Адмиралтейство. С раннего утра до вечера. Собчак — в Лиллехаммере, на Олимпиаде. Если бы Ельцин приехал в Петербург, Собчак бы рванул к Адмиралтейству не задумываясь. Ответ Собчака меня потряс: «Я же не пожарный!» Но, повторяю, он не сделал никаких попыток обкорнать или не выпустить передачу.

— А я бы попробовал его понять. Ехать на пожар, не будучи пожарным, — что он, Нерон, что ли? Дело мэра — чтобы пожарная служба в городе работала как надо. В том числе и в его отсутствие.

— Мне не нравится, что наши мэры из-за границы не вылезают. Кому из них не позвонишь — никого нет. Не страна, а проходной двор какой-то. Для начальников.

— Тебе кто-нибудь отказывал в беседе для «Момент истины»?

— Да. Зову Галину Сергеевну Уланову, но пока не получается. С Горбачевым не получилось: его пресс-секретарь сообщил, что он сейчас очень занят, просит зимой...

— Ты мог бы работать в прямом эфире?

— Мог бы, но это неинтересно. От прямого эфира отказался весь мир. Кроме — Руцкого. Этот все условия ставил...

— Боялся, что при монтаже ты сделаешь из него монстра?

— Идиот. А чтобы не казалось — я всех зову на монтаж. Явлинский приехал, быстро понял, что лучше не мешать. И в самом деле — лучше. А Козырев — не приехал. Я это оценил.

— В журнальной беседе, вроде той, которую мы ведем, всегда есть возможность не только почистить текст, но и перекомбинировать, сделать из Золушки принцессу. У тебя, наверно, меньше возможностей?

— Я тоже могу комбинировать: например, переставлять куски из конца в начало и наоборот. Но всегда есть риск, что зритель заметит эти переходы — хотя бы по темпераменту. Пленка все высвечивает. Хитрил ты в разговоре и при монтаже или нет. Был такой Шепилов...

— Который остался в истории как «примкнувший к ним Шепилов»?

— Да. Он дружил с Шостаковичем. Однажды Дмитрий Дмитриевич звонит ему и просит: «Д-дмитрий Т-трофимович, г-голубчик, умоляю, п-приезжайте н-на д-дачу, н-надо посоветоваться...» Шепилов едет. Ужасно взволнованный, Дмитрий Дмитриевич ведет его в сад: «Я п-получил з-каз н-на «Т-тихий Дон». П-помогите отказаться! Я п-прочел р-роман. Григорий... — он же... в-враг, хитрый, он все с-спрятал, а м-музыка все высвечивает и договаривает...» Так и телевидение — за это я его и люблю!

Виктор МАТИЗЕН

ВИКТОР АХЛЮМОВ

«Таланты и поклонники»

Негина — Н.Гребенкина, Мелузов — В.Ненашев

После юбилея

«Таланты и поклонники»
«Театр на Покровке»,
реж. С.Арцибашев

«Сезон Островского», проводимый в честь его 170-летия, миновал, ну а вместе с ним и мода на «отца русской сцены». Потому, естественно, что самое интересное сейчас из Островского в театре — это то, что не присоединилось к юбилею. Кто не знает, что Островский в нашем театре всегда был официозен и нагружен многолетними сценическими традициями? Арцибашев, по своему обыкновению деловито и спокойно, дал понять, что Островский — это его глубоко личное дело. В арцибашевских «Талантах и поклонниках» нет ни одного привычного, «общего» выражения. Никаких потрясающих постановочных эффектов и никакой зрелищности «в духе Островского». Что же есть? Островский, сыгранный как интимная и весьма современная драма. Очень «частный» сюжет, неотличимый от какой-нибудь сегодняшней истории, разыгранной на сегодняшнем диалекте. А Арцибашев всегда так ухитрится стереть грань между временами, что теряешься — где же тут, собственно, Гоголь, Чехов или тот же Островский? Но в этом как раз и заключается его, арцибашевский, артистизм: именно он диктует классике, а не она ему. И в своем новом спектакле Арцибашев тот же, что и

всегда. Пьеса из давних времен сыграна возмутительно своим, обыденным тоном и, кажется, безвозвратно переведена в регистр нашего дня.

Ольга ИГНАТЮК

Цветы запоздалые

«Незабудки»
ТОО «Ладья»,
к/ст. им. Горького,
реж. Л.Кулиджанов

Появиться бы этим цветам в нашем палисаднике лет десять назад — на заре туманной перестроечной юности. Когда выстраивались в длинные очереди за свежим «Огоньком», боготворили бескомпромиссное питерское телевидение и верхом смелости почитали фигу культу личности в дырявом советском кармане. Расцвели кулиджановские «Незабудки» в то благословенное время — и все бы с радостью закрыли глаза на сомнительную прелесть их не самой первой свежести: рыхлые комья драматургии, отработанные породы общих мест, патоку сантиментов и громадь претензий на эпiku. Увы, «Незабудки» угораздило пробиться тогда, когда сказка для детей младшего школьного возраста под названием «Завтра была война» способна вызвать скупую слезу умиления у тогдашних школьников (ныне новых русских), а сказку для детей-шестидесятников под

названием «Дети Арбата» придет сегодня в голову экранизировать лишь самому отъявленному постмодернисту (впрочем, кому-то, кажется, уже пришло). Тогда — все бы закрыли глаза. С укоризной ловлю себя на дешевом пристрастии к каламбурам, но сегодня при виде «незабудок», так напоминающих «львиный зев», хочется закрыть глаза в прямом смысле этого нехорошего слова. И отлучить себя от широкомасштабно-семейной истории страны, любви, большевизма, наркотиков, предательства — кончаю, страшно перечислять далее. Но мне порукой собственная уверенность в том, что эти обаятельные даже в своем неведении о собственном сроке цветы ничего не ставят под сомнение и ничего не отрицают. Мы все слишком хорошо помним дом, в котором мы жили, когда деревья были большими.

Дмитрий ЛИВАНОВ

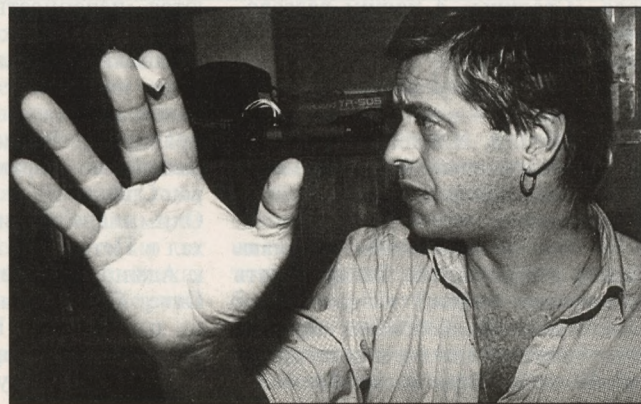
Археология «Аквариума»

Альбом
«Пески Петербурга»
Фирма «FEELEE»,
1994 год

«Аквариум» отличался бережным интересом к собственной истории едва ли не с самого начала одной. Уже с начала 80-х стали выходить «тома» истории «Аквариума» — «Акустика», «Электричество», «Архив», «Библиотека Вавилона». Нынешний альбом формально не относится к этой серии, однако во

многом схож с ней. Если в истории все аккуратно разложено по полочкам, то археология имеет право на самые необычные сочетания — доисторическая «Будь для меня как банка» преспокойно соседствует с «И был день первый» классического периода. Вообще почти все песни этого альбома никогда не звучали рядом. Старые поклонники «Аквариума» помнят их по концертам, а начинающие могут разве что узнать тексты песен — они есть в не так давно вышедшем сборнике текстов группы, названном лаконично — «14». Археология «Аквариума» — это не полевые раскопки, а, скорее, уютный музей, где экспонаты до блеска начищены и основательно отреставрированы. Наивно представлять себе старый «Аквариум» таким — здесь явно видна рука уверенного в себе мэтра, с некоторой снисходительностью взвешивающего на свои молодые годы. «Аквариум» сам не прочь поиронизировать над этой своей буйной молодостью. Музыка этого альбома — взгляд на историю «Аквариума» из сегодняшнего дня. Взгляд этот немножко печален даже в самых разудалых песнях — как же в таком деле да без ностальгии. Однако в этом альбоме «Аквариум» освободился от некоторой пресности предыдущих работ. Сочетание искренности и энергичности старых песен с блестящей отточённостью их современных аранжировок дает возможность говорить, что этот альбом — лучшее, что создал «Аквариум» за последние два года.

Василий ВОРОПАЕВ

АНДРЕЙ УСОВ

Остаточная стоимость

«Цена»
Театр им. Моссовета,
реж. Б.Щедрин

Когда видишь, что спектакль категорически не задался, обычно больше всего жалеешь актеров: как же это они — неопытные бессребреники — поддались на такую страшную провокацию; кто заставил их — беззащитных миляг — участвовать в столь некрасивой и бессмысленной затее?

Нелли Пшенную, Георгия Тараторкина, Александра Голобородько и Бориса Иванова, играющих в щедринской «Цене», жалеть как-то не хочется. Они вполне довольны собой — во всяком случае, видимых попыток исправить что-нибудь в чудовищно слабой постановке они не предпринимают.

Как справедливо заметил искусствовед Юрий Фридштейн, главное в пьесе Артура Миллера «Цена» — «совершенно грандиозно выписанный психологический подтекст, в котором тоска и одиночество, оскорбленное самолюбие и

неудовлетворенность и еще многое-многое другое, неназываемое...». А вот Борис Щедрин решил, видимо, что психологический подтекст и связанные с ним материи (см. выше) в его спектакле будут смотреться дико — и оставил лишь замечательный

миллеровский текст. Теперь зрители знают, что в России на самом деле хорошие преподаватели сценической речи: актеры читают текст четко, без запинки, так, как читали тексты Анна Шилова и Игорь Кириллов. А вот с Валентиной Леонтьевой времен «В гостях у сказки» и «От всей души»

«моссоветовских» актеров уже не сравнишь — текст «тетя Валя» произносила все-таки душевнее. В «Цене», если помните, два брата — Виктор и Уолтер Францы продают старую мебель старому еврею Грегори Соломону, а заодно определяют цену прожитой ими жизни — цена, надо сказать, получается не слишком высокая.

Мучительное копание в себе требует особенно тщательной режиссуры — в противном случае зритель засыпает и «мораль сей

басни» неизбежно повисает в воздухе. Режиссуру Борис Щедрин не уважает — он предпочитает «умирать в актерах», но не умирает, не растворяется, а, уж простите за неологизм, выпадает в осадок. Там же оказываются и зрители.

Эдуард ДОРОЖКИН

Любовь в избытке

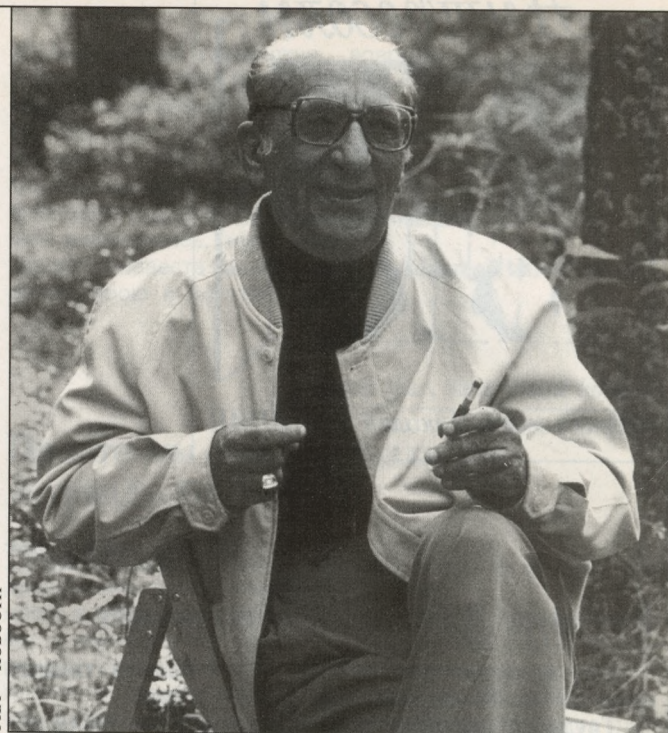
Выставка «100 x 100»
Музей декоративно-прикладного искусства

Как отмечают сами участники выставки, их общей характерной чертой является «любовь к себе и своей профессии». Ясно, что любовь к зрителю здесь ни при чем. Однако, коль нет любви, зачем же ненавидеть? Конечно, сразу же возникает вопрос: почему 100 x 100? Не пытаетесь искать свои толкования, красивые и метафоричные, это просто квадратный подрамник, оббитый фанерой, — классический размер, удобный для экспонирования и перевода. Другие интерпретации, по мнению

Е.Нестерова. Тучка

участников выставки, не допускаются. Так что любители неожиданностей, смелых фантазий и вообще всего нового и концептуального в искусстве могут не утруждать себя трактовками и просто увидеть знаменитые квадраты И.Тархановой — желтые на сером, желтые на красном, белые на черном, белые на белом и т.д. А любители флоры (без фауны) — картину Н.Полиссского «Сирень» в пяти различных вариантах и фрагментах. Е.Нестерова может устроить «свидание с Америкой», в ее работах совершенно чудесным образом сочетаются ремесло (ткачество) и

РИА — НОВОСТИ

творческие раздумья (коробки от сигарет «LM»). Возникающие вопросы при внимательном осмотре гаснут сами собой, поскольку информация исчерпывающе полна. Ее даже в избытке, как и любви к себе и своей профессии.

Анастасия САМОРУКОВА

Портрет на фоне премьер

«Премьеры Товстоногова»
Изд. «Артист».
Режиссер. Театр»,
фонд «Русский театр»

В предисловии к сборнику составитель пишет, что Товстоногов рассчитывал увидеть эту книгу при жизни. Вероятно, желание это могло возникнуть у него не раньше октября 87-го: после последней премьеры, после «На дне». После того как ему стало ясно — больше премьер Товстоногова не будет. Его нет уже более пяти лет. Его премьер нет уже семь лет. Зато есть мраморная мемориальная доска на фасаде его театра и билеты перед входом на его спектакли. Ни того ни другого не было раньше. Основания для выпуска такого сборника — грустные. Лучше бы у него был повод выйти позже. Но этих оснований не отменить, как

не отменить нынешнюю потребность в «Премьерах Товстоногова» в отсутствие премьер Товстоногова. В пространстве этой книги встретились извлеченные из библиотечной пыли рецензии — сиюминутные отклики на его только что родившиеся спектакли. Только что — в 49-м, только что — в 87-м. Живые свидетели живого театра: запальчивые, аналитичные, поверхностные, циничные, влюбленные. Проститые живой нитью комментария Елены Горфункель, которая из фрагментарной театральной прозы выкладывает мозаичный портрет режиссера, чьи премьер мы пять лет назад лишились навсегда. Нервный портрет с острыми и угловатыми линиями и яростными мазками. Портрет Товстоногова. «Федеральная программа России» — это слова на последней странице. Замечательно, что Товстоногов к ней имеет отношение сейчас. Почему только в облике западного карманного издания — клееный переплет и мягкая глянцева обложка с неминуемо загибающимися углами? Это я к тому, что теперь очередь за «Премьерами Эфроса».

Дмитрий САВЕЛЬЕВ

Дневник У.

Антресоли

Рубрику ведет Николай МАЛИНИН

Book из первых рук

Красота. Для тех, кто понимает

Ох, нелегкая это работа — из болота тащить идиота. Тем более, когда на болоте шторм.

Трудно пропагандировать прекрасное в эпоху пегасов, когда представления о красоте ширятся и все селяют.

Издательство «Галарт» швыряет из стороны в сторону: от эстетства к попсе, от науки к развлекухе, от низкопоклонства к краеведению; то ли новые рубежи брать, то ли проторенной дорогой ехать — например, переиздать «Русский модерн» (второе его издание, отпечатанное в Италии, выходит в начале декабря).

Кто-то эти метанья называет «полифонией», кто-то — «плюрализмом», ну а кто позже — сочтет «чегоугодием». Питая к издательству тихую нежность, мы будем объективны и скажем «поиск».

Выпустив в прошлом году в серии «Новая галерея. 20 век» альбом «Александра Экстер» (блистательно-задушевный текст Г.Ф.Коваленко, великолепная иконография, эффектный постскриптим), «Галарт» решил двинуть серию к западным идеалам: большой формат, мягкая обложка, средней стремности бумажка, качественные иллюстрации и традиционно блестящие тексты — так появился альбом «Кандинский». Капитальную статью написал всех мэтров мэтр Дмитрий Сарабьянов, а хронику жизни и творчества составила Наталья Автономова; кроме того, здесь большой корпус стихотворений Кандинского.

Вторая несомненная удача — книга Ирины Ненаркомовай «Павел Третья-

ков и его галерея». Интерес к личности собирателя огромен (заслуги заслугами, но в быту был скучен: как одно с другим сопрягались?), автор вне конкуренции, да и к открытию галереи — подарок славный.

Успел «Галарт» и к звездскому апофеозу (в Москве практически одновременно состоялись три выставки!), выпустив альбом «Анатолий Зверев» с предисловием Савелия Ямщикова, отличными фотографиями и бесподобными картинками: первый такого уровня в России.

Эти три удара принесли издательству законный успех: удовлетворены были в разной мере и специалисты, и «интересующиеся», и снобы. А вот попытка потрафить сразу всем коммерчес-

кого успеха не имела: «Толитарное искусство» Игоря Голомштока все еще лежит нераскупленным. Тема модная, подход вполне научный, факты и фото уникальны, но то ли книга все-таки опоздала, то ли слишком сухо написана, то ли цена оказалась высока для клееной книжки, то ли конкуренции с книгой Гройса не выдержала (хорошо еще Владимир Паперный не спешит издать здесь свою шикарную «Культуру два»).

Не нашел понимания и громадный альбом Марии Чапкиной «Художественная открытка». Идея была замечательная: показать судьбу жанра и отражение в нем последнего века (у открытки юбилей — 100 лет). Но художник явно просчитался с размещением материала, с коричневым фоном в первой части и, главное, — с комментариями. Узнать о том, что изображено на открытке, можно только в самом конце книги, а лазить туда 495 раз (столько открыток собрано в книге) — извините, лень. Кроме того, в примечаниях полно опечаток: знаменитый шаржист Серебряного века Валерий Каррик зачем-то

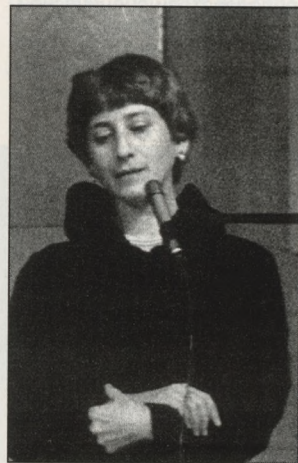
поименован «Вильгельмом», а дата смерти Георгия Лукомского теряется в тумане «1940-х», хотя всем известно, что умер он в 1954-м. При всех этих проколах альбом вполне можно считать по разряду увлекательного детского «листания», а родителям просто вызубрить наизусть пояснения...

Промах с адресатом — альбом «Для памяти потомству своему...», представляющий коллекцию «народного бытового портрета» Исторического музея. Задуманный как подарок «новому купечеству», он натолкнулся на непонимание «потомства»: то ли нынешние бизнесмены вяло рефлексировать насчет своих корней, то ли им просто показалось неприличным числить в родовом древе все эти пухлые физиономии со слабыми признаками мысли на челе. На «искусствоведение» же альбом не тянет по причине переактуализированного текста, а на «подарочное издание» — благодаря поповской верстке; жаль, что на книгу не обратили внимания ценители примитива, который блещет здесь во всей своей туповатой красоте.

Book — это третье мое плечо

«Самое крупное событие конца XX века»

Именно так оценил Владимир Биbihин книгу Ольги Седаковой «Стихи», изданную московским «Гнозисом». Кроме того, любимый философ Московского университета заявил, что «разница между настоящим и ненастоящим — количественная; настоящего всегда мало», чему подтверждением — три тысячи тиража книги. Также на презентации в библиотеке иностранной литературы выступили Наталия Трауберг, Иван Жданов и Марк Фрейдкин; автор же послесловия Сергей Аверинцев до вечера так и не добрался, а зря: было душевно и радостно.

Ольга Седакова забыла строку «из себя»

ИЛЬЯ ДОЛГОПОЛЬСКИЙ

Поэт и город

Гете в нынешнем году исполнилось 245 лет — какой же это повод, чтобы праздновать день рождения? Но Франкфурт не устоял. Городу на Майне — 1200, и это уже причина, чтобы вспомнить гения и массу выставок, ему посвященных, провести.

Франкфуртский же музей Гете (частный, кстати говоря) показал в Stae-dei'l (куда юный Томас Манн приезжал специально, чтобы увидеть шедевры живописи) свою художественную коллекцию (автор «Вертера» известен и как коллекционер). Но самая большая экспозиция прошла в Schirn-Kunsthalle, крупнейшем выставочном зале города. «Гете и искусство»: что можно показать в таких рамках? Все. Зритель узрел: Гете как рисовальщика (почти 40 работ; известно, что долгое время он колебался между пером и кистью: в чем преуспеть?), как портретируемого (30 полотен, набросков и бюстов), как друга (бюсты Шиллера, Гердера, Виланда), как критика и «просто» любителя изящных искусств, тяготившего либо к ландшафтам, либо к античным сюжетам. Кое-что — например романтиков — веймарский старец уже не любил, но их все равно показали, раз он думал и говорил об этом. Кавпара Давида Фридриха, правда, он тоже покупал — но грабители, незадолго до переезда в Веймар выставку во Франкфурте ограбившие, с этим не согласились, и Фридриха, вместе с двумя другими картинами, из Schirn'a темной ночью унесли: последовательнее надо быть, г-н советник!

Работу Иоанна Хайнриха Фюссли (Fuessli) не тронули: самые знаменитые свои картины, типа «Ночного кошмара» либо шекспировских ведьм, он позже начал рисовать, а эти «Три швей-

И.-Х.Фюссли. Три швейцарца, приносящие клятву на мече

царца, приносящие клятву на мече» (1779—1781, хранится в Цюрихе) — кого они могут своим свободолюбием (за свободу как раз и клянутся) увлечь, кроме людей свободных же или к свободе стремящихся?

Гете и был таким — как бы ни иронизировал он на сцене вверенного ему театра над французской революцией, как бы ни восторгался встречами с Наполеоном в 1808 году (три раза! — в императоре видел он брата по гениальности) и как бы не стремился в простом крестьянском люде узреть те ценностные качества, которые барамы только и осознают: прилежание и стремление к немногому.

«Человек неординаков, неординаковы и часы», — поют фурии во второй части «Фауста», поставленного — тоже в рамках городских торжеств — на сцене Paulskirche в том музыкально-драматическом смешении, что не дает назвать действо ни оперой, ни хеппенингом, но лишь — чем-то театральным. Таковы были и отношения города и его самого знаменитого бюргера. Гете во Франкфурте родился, увидел здесь первые

картины (только в доме отца их было свыше 120), написал свою первую драму — «Гёца фон Берлихингена с железной рукой», работал адвокатом (по профессии ведь Гете был юристом), в очередной раз влюбившись, чуть не женился (невеста была хороша собою и богата), но

вовремя одумался, уехал в Швейцарию и больше во Франкфурт уже не вернулся.

Франкфуртцы подождите немного, потом открыли музей, а потом и две выставки.

Алексей МОКРОУСОВ

Скажи мне, кто твой book...

Просто мы работаем для вас Журнал «De Visu»

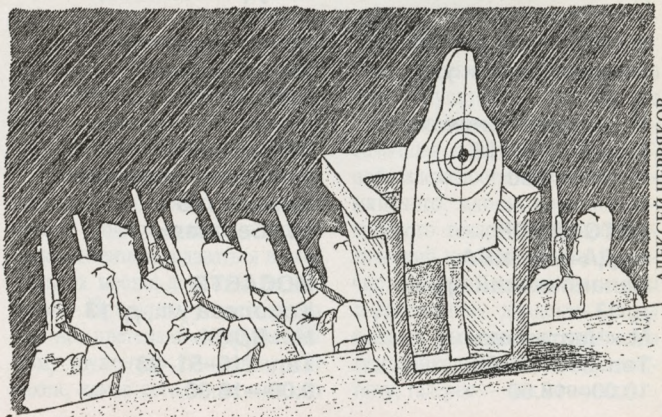
Николай Богомолов и Андрей Белый заняли первые места в рейтинге упоминаемости журнала «De Visu» — первый среди филологов, второй — среди классиков. Следующие позиции распределились достаточно непикантно: там Парнис седобородый теснил лукавого Кациса, любезный Гаспаров соседствовал с великолепным Мальмстадом, Ленин уступал Пастернаку, Цветаева тянулась за Ходасевичем...

Этой забавной «закусочной» завершился вечер «De Visu» в Литературном музее (десерт на Страстном бульваре шел уже спонтанно); а на «первое» были здравицы в честь любимого журнала. Хвала перемежалась пожеланиями, и к концу второго часа их набралось столько, что если выпустить хотя бы один номер в соответствии с оными — то от такого бы вспучило и стошнило. Слава богу, оба Александра (Галушкин и Розенштром) вни-

мали советам достаточно спокойно.

Мариэтта Чудакова назвала журнал тем «подвигом», место которому есть даже в нашей жизни, Николай Котрелев хвалил за точность самоопределения, Владимир Глоцер звал быть строже к библиографии, Модест Колеров намекал бросить невод в сопредельные сферы, а Андрей Немзер заявил, что «DV» лишил нас сказки об идеальном Серебряном веке.

Второе блюдо — представление ближайших номеров авторами — оказалось под силу лишь десятку филологов, прочие же предались тусованию в холле. По количеству и номенклатурности гостей (а большой зал музея был набит под завязку) такого сборища не было со времен последних «Баных чтений»; публика дружно удивлялась новому спонсору журнала — телеканалу «2x2».

АЛЕКСЕЙ ЧЕРВЯКОВ

Уважаемые дамы и господа!

Акционерное общество «STB Card» поздравляет Вас с приобретением нашей пластиковой карточки!

Мы публикуем адреса и телефоны московских предприятий торговли и сервиса, принимающих к оплате STB Card. Но для начала немного о самой карточке. Получив STB Card, Вы автоматически открываете личный счет в банке, который выдал Вам карточку. И с помощью STB Card Вы сможете, не затрачивая серьезных усилий, перевести со своего счета деньги за покупку в магазине, или обед в ресторане, или турпоездку... И снять необходимую сумму наличными в отделениях (филиалах) банков и через круглосуточно работающие банкоматы.

STB Card лучше, чем деньги. Чем?

- Владельцу карточки не обязательно иметь при себе крупные суммы наличных денег;
- Вы можете хранить деньги на счете в любой валюте;
- Вы можете открыть несколько счетов на одну карточку или несколько карточек на один счет, как Вам удобнее;
- расплатиться по STB Card можно как в рублевых, так и в валютных точках торговли и сервиса, причем при оплате в валюте Ваши рубли конвертируются по курсу ММВБ на день покупки;
- потеря карточки не является потерей денег.

ВСЕ ДЛЯ АВТОМОБИЛЯ

ПРОДАЖА АВТОМОБИЛЕЙ

TOYOTA

Маршала Жукова пр-т,
д.49/1
М. «Полежаевская»
АВТО-САН
Олимпийский пр-т,
д. 18/1
М. «Проспект Мира»
Тел. 280-36-00
9.00—18.00

Аэропорт

Шереметьево-2
Тел. 280-36-00
9.00—18.00

Грохольский пер.,

д. 29
М. «Проспект Мира»
Тел. 280-34-00
9.00—18.00

Аэропорт Домодедово

М. «Домодедовская»
Тел. 280-36-00
9.00—18.00

АВТОВАЗЛИЗИНГ

70-летия Октября ул.,
д. 41

АВТОСАЛОН VIO INT

Сивцев Вражек ул.,
д. 22
М. «Кропоткинская»
Тел. 241-52-25
10.00—19.00

АВТОСАЛОН

ЛАДА-МОСКВА
Балаклавский пр-т,
д. 33
М. «Чертаново»
Тел. 318-59-00
10.00—18.00

АЛЬБИНО

Александра Невского
ул., д. 1
М. «Белорусская»

АЛЬФА-РОМЕО

Мира пр-т, д. 116
М. «Алексеевская»
Тел. 287-50-39
10.30—19.00

АХГ

Бауманская ул., д. 5
М. «Бауманская»
Тел. 264-57-89
9.00—17.00

ВОЛЬВО

Тверская ул., д. 9
М. «Охотный Ряд»

ЕВРО-НОРТ

Панферова ул., д.14
М. «Университет»
Тел. 132-73-22
10.00—18.00

КРИСТАЛЛ МОТОРС

Петровка ул., д. 2
М. «Охотный Ряд»
Тел. 292-45-04
9.00—19.30

МЕРКУРИЙ

Алтуфьевское ш.,
д. 27а
М. «Владыкино»
Тел. 401-54-77
9.00—21.00

МИТЦУБИСИ

2-й Магистральный
тупик, д. 25
М. «Беговая»

МОСАВТО

Королева ул., д. 13
М. «ВДНХ»
Тел. 216-51-23
9.00—18.00

МОСДИЗАЙНМАШ

Варшавское ш., д. 156
М. «Пражская»
Тел. 381-37-73
10.00—18.00

МОСКОВСКИЙ ТЕХНОКОММЕРЧЕСКИЙ ЦЕНТР

Дмитровское ш., д. 98
М. «Петровско-
Разумовская»
Тел. 489-52-61
8.00—20.00

МОСТРАНСАГЕНТСТВО

Ленинский пр-т, д. 45
М. «Ленинский
проспект»
Тел. 137-61-18
11.00—19.00

ПАРК АВЕНЮ

Волгоградский пр-т,
д. 18
М. «Таганская»

РОЛЬФ

Мясницкая ул., д. 20
М. «Тургеневская»
Тел. 241-05-60
9.00—18.00

РОСИТАЛ

Мира пр-т, д.62
М. «Проспект Мира»

САЛОН АВТОИМПОРТ

Андропова пр-т,
д. 22/30
М. «Коломенская»

СОВИНТЕРАВТОСЕРВИС

Садово-Кудринская ул.,
д. 32
М. «Маяковская»

Новопереведеневская

ул., д. 8
М. «Бауманская»

Тел. 263-05-43

10.00—20.00

ХОНДА

Земляной Вал ул., д. 41/2
М. «Курская»
Тел. 916-16-39
9.00—21.00

ХОНДА-МОТО-АОЯМА

Б.Черкизовская ул., д. 5
М. «Преображенская
площадь»
Тел. 963-61-00
10.00—20.00

ПРОКАТ АВТОМОБИЛЕЙ

АВТО САН
Олимпийский пр-т,
д. 18/1
М. «Проспект Мира»
Тел. 280-36-00
9.00—18.00

Аэропорт

Шереметьево-2
Тел. 280-36-00
9.00—18.00

Грохольский пер., д. 29

М. «Проспект Мира»
Тел. 380-34-00
9.00—18.00

Аэропорт Домодедово

М. «Домодедовская»
Тел. 280-36-00
9.00—18.00

БИЗНЕС-ЦЕНТР

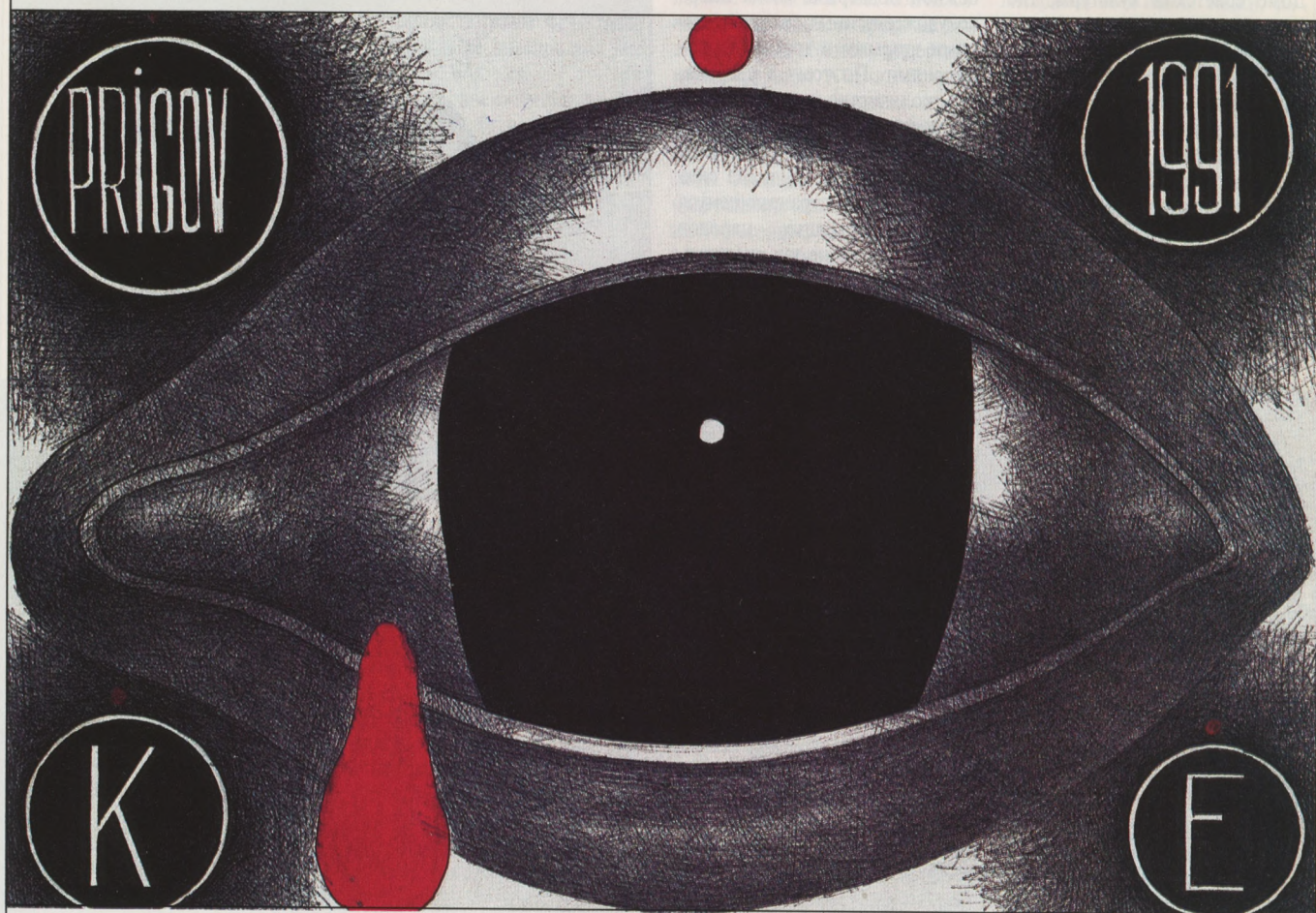
Красная пл., д.3
М. «Театральная»
Тел. 921-78-53
8.00—20.00

ОЛЬГА

Театральный пр-д, д. 1/4
М. «Охотный Ряд»
Тел. 927-69-72
10.00—21.00

Русские прошли

Воспоминания о лете в Германии

Вильям МЕЙЛАНД

Берлин

До искусства, до галерей ли с их обильным и далеко не дефицитным товаром, когда так жарко? Тем не менее бреду, влекомый инерцией московской художественной жизни, и убеждаюсь в очередной раз, что нашего российского и бывшего советского изобразительного добра здесь навалом.

Особенно много в Берлине творений московского скульптора Алексея Григорьева. Он бук-

вально всюду — от заплесневелого подвала в восточной части города и «антитоталитарного» хозяйства господина Райнера Гильдебрандта до западной галереи товарища Сергея Попова в престижном центре. Попов в силу каких-то не поддающихся моему разумению причин совмещает сварное григорьевское железо с неведомыми городу и миру армянскими «нонконформистами». Последние — такие же нонконформисты, как я — эстрадный певец, но это обстоятельство не мешает их произведениям быть обыкновенным художественным товаром. И не

страшно, что цены у Попова гордо завышены, а на каком-нибудь мусорном аукциончике у Гильдебрандта скромно занижены. Весьма среднее качество металлопластики Григорьева или живописания армян от перемены мест экспонирования не меняется, равно как и психология самих творцов, полагающих, что можно в одном и том же городе одновременно продаваться в нескольких местах дорого и по дешевке. При этом у меня давно уже нет претензий к флегматичному труженику Григорьеву. Он таков, каков есть, и не мне его

перевоспитывать. Удивляет хронический энтузиазм местных галеристов, пыгающихся что-то заработать на подобном искусстве. Хоть бы раз посмотреть в глаза тем покупателям, которых не способна смутить, например, высочайшая степень провинциальной залежалости не столько армянского, сколько постамериканского товара — фотореалистический коллаж-монтаж и прочие «дерзости» тридцати-, а то и сорокалетней давности. Хотя каждый выбирает искусство и художников по себе, ибо, воистину, галерея — это галерист.

Точно так же странно было бы предъявлять претензии к не то что серенькому, а в принципе и к а к о м у художнику в восточной галерейке на Коппен-платц. Таких старательно покрашенных сырмасленных пейзажиков, как там, можно прикупить где угодно — от набережной Ялты до набережной Ниццы.

Но, пожалуй, пик совковых художеств находится в бывшем Доме советской культуры, где идет торговля книгами наших издательств и где завел свое дело человек с водевильной фамилией Вольдемаров. Антураж дома в последние годы изменился. Не стоит больше на первом этаже в вестибюле огромная матреха. Монументальную ленинскую полуфигуру также куда-то упрятали. С остальной эстетикой все по-прежнему — ни достойных имен, ни сколько-нибудь приличного экспозиционного качества. Лежит навалом на столах графика всех сортов и техник; густо, как и положено быть в купеческой лавке, висят плохо освещенные холсты. Что же касается цен, то они «ну очень смешные». Хотя для художников, отдавшихся хватистому Вольдемарову, цены не только не смешны, но желанны и спасительны, ибо не до жиру сегодня. Да и куда податься в этом все еще сером и шербагом Восточном или разноцветном и ухоженном Западном Берлине? Отечественные богатеи в дефиците и норовят покупать громкие имена или сверхнадежное старое искусство, а здесь, в стране развитого капитализма, в престижные галереи не пускают и хороших цен не дают. Вот и остается выбор — или гордое голодное самосовершенствование по классическому примеру Ван Гога (но, увы, без брата Тео), или скорбное бесчувствие своих и чужих мелких бесов арт-бизнеса, не умеющих или не желающих р а с т и т ь таланты и ж д а т ь годы и годы.

Рассказав однажды о своих печальных посю- и потусторонних наблюдениях известной московской художнице, я получил суровый ответ-прогноз. «Все правильно, — сказала она, — художников не может быть так много, как у нас. На Западе никогда не было наших тепличных условий, когда и Союз кормил, и моло-

дежные объединения, и художники с блатными госзаказами и творческими дачами у морей и озер. «Свободный художник» — это в Европе и Америке вообще не профессия.

Т о л ь к о искусством там могут заниматься выдающиеся или, во всяком случае, п р о б и в ш и е с я единицы. А наши еще не привыкли к жестокому естественному отбору и неизбежной поддержке своих высокохудожественных занятий низкими вторыми и третьими профессиями. Поэтому я уверена, что количество художников у нас должно резко уменьшиться».

Сказано это было три, а то и четыре года назад, когда спад интереса к перестраиваемому искусству бывших народов СССР был еще не так очевиден, как сегодня. Но самое удивительное, что логично рассуждавший мэтр ошибся. Художников, живущих только своей любимой изобразителькой, меньше не стало. Наоборот! Видимо, это наша специфика — плодить украшателей покачнувшейся жизни. Общая нестабильность словно бы подхлестнула толпы ученых и недоучившихся творцов выйти на улицы, соединиться в новые союзы и сугубо коммерческие организации и продолжить кормление народа красотой. Кстати, сегодня можно не только в Центральном Доме художника, но даже в святой святых российских музеев — Третьяковской галерее — к у п и т ь экспозиционную площадь, издать за свой счет, а лучше за счет дяди-спонсора, каталог и тыкать им в нос нашим и западным галеристам: глядите, мол, — вона где я выставлялся! Так что не извольте сомневаться в высочайшем качестве моей самодеятельности...

Печально сознавать, что наши истинные таланты, неоднократно доказавшие свою творческую состоятельность, куда бы их ни забросила судьба — в Берлин ли, как Евгения Чубарова, или в Бретань, как Альберта Розина (желающего именоваться Соломоном Россиним), — живут в забвении и неизвестности.

Судьба Чубарова, о котором «Столица» рассказала год назад, вообще трагична до предела. Оставленные позади черные Мытищи сменились еще более концен-

И. Кабаков. Туалет

трированным затворничеством в брошенных заводских корпусах на бывшей границе Восточного и Западного Берлина. Его увлек сюда, посулив, как водится, золотые горы, инициативный зубной врач Гарик Татунц, возомнивший себя крутым галеристом. Трудно сказать, на что рассчитывал сей неофит, не знающий ни языка, ни законов нового для него бизнеса, не имеющий необходимых связей и поддержки. Мощное, но диковатое для западного зрителя искусство Чубарова так и осталось загадочной «вещью в себе». Галерея «Татунц», просуществовав непродолжительное время, бесславно закрылась. Все, что Чубаров делает на холсте или бумаге, а также все вывезенное из России (сотни и сотни графических листов, рулоны живописи, каменная скульптура разных лет, начиная с 60-х годов) ему не принадлежит. Смешно сказать, но дело дошло до того, что премудрый Гарик дает художнику советы, что и как писать, чтобы было по вкусу немецкому покупателю...

Кёльн

Как и в других городах страны, в Кельне июль не самое лучшее время для знакомства с художественной жизнью. Так, например, двери галереи Инге Бекер, где с апреля по август объявлена выставка инсталляций Ивана Чуйкова, так и остались закрыты по неизвестной причине.

Слава Богу, что, ведомый любопытством и женой, я добрался до галереи Яблонка, где наконец-то смог увидеть свежее концептуальное искусство в его наивысшей стадии развития... Ведь только один художник в конце XX века с обескураживающей доступностью явил наконец-то миру «загадочную русскую душу» бывших строителей социализма-коммунизма — Илья Кабаков. Не скрою, я не сразу попал в магнетическое пространство его экспозиции. Увидев почти полностью затемненные залы с какой-то рухлядью, мы с женой навивно обратились к сотруднику галереи с вопросом, где же тут не складские помещения, а выставка

нашего звездного маэстро. И были направлены не куда-нибудь, а именно в темноту. В ней-то и роилась искомая и столь любимая учеными-искусствоведами всех континентов концептуальность. Глаза постепенно привыкли к малости света, пробивавшегося в предусмотрительно оставленные щели, и можно было различить странные, видимо, тут же, на немецких барахолках собранные картинки, убогую мебель, посуду. Все это называлось «В квартире Николая Викторовича» и было перечислено с немецкой обстоятельностью на листке, содержащем «описание инсталляции» и «концепцию», разветвляющуюся на две темы — «обыденное» и «искусственное».

Удивительное дело — целые пласты испытанного (в том числе и замученного) временем искусства, выстраданного всей жизнью отечественных художников, лежат в забвении и небре-

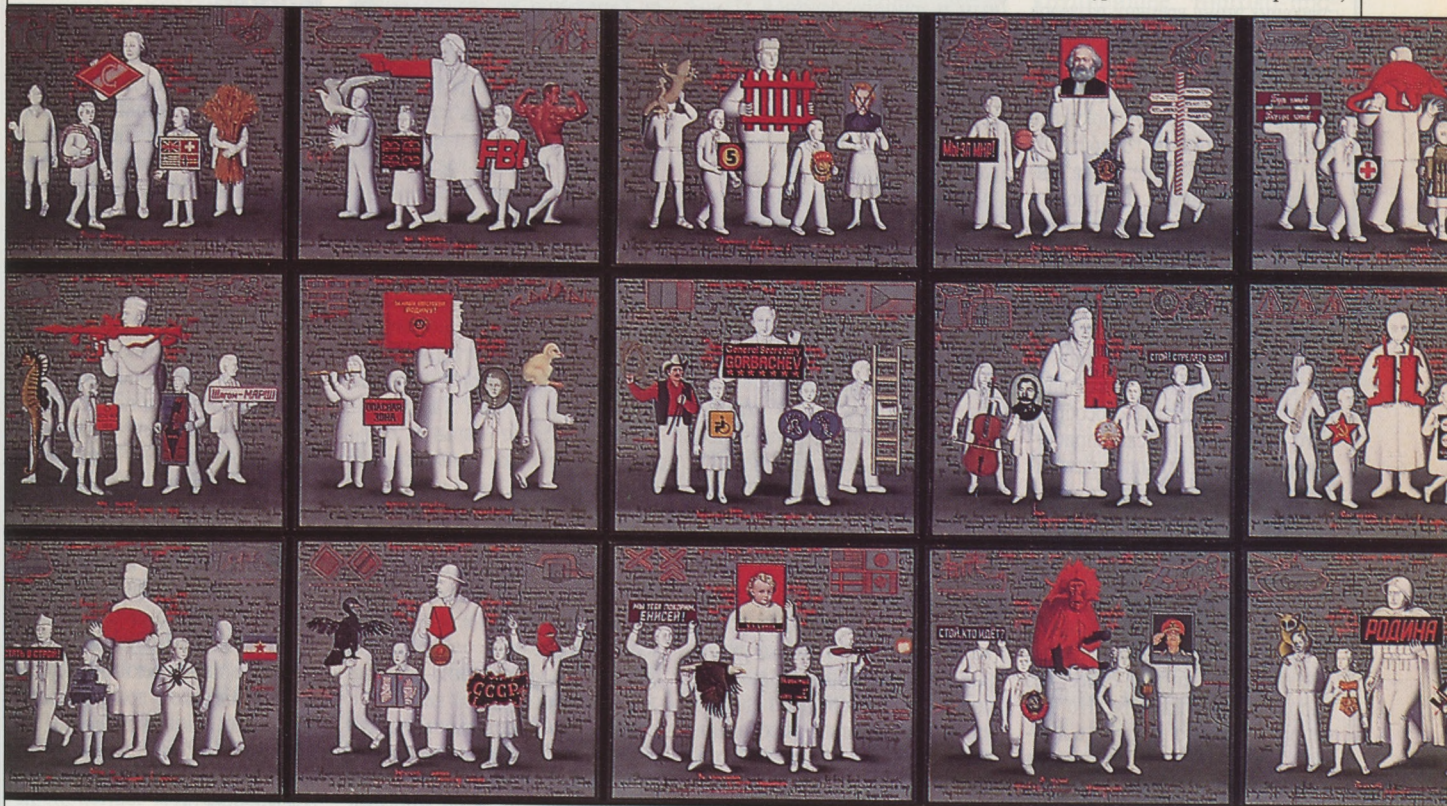
житья-бытья. Кавычки ставлю здесь потому, что во всех последних инсталляциях художник для изображения «нашей» жизни употребляет предметы любуго европейского происхождения. Посетив его «Туалет» (1992) на кассельской Documenta—92, одна знакомая немецкая галеристка обратилась к нам с женой с вопросом: «У вас правда такие круглые дыры посреди квартир делают?..» Я ошалело отвечивал: «Бригитта, разве ты не была в Москве и не знаешь, как мы живем?..» «Ах, да! — тут же опомнилась впечатлительная галеристка, — но все равно это очень интересно!..»

Судя по упомянутой кассельской Documenta и парадному «Красному павильону» на кельнской выставке «От Малевича до Кабакова», это уникальное кабаковское внедрение в западное пространство и головы продолжается. С некоторых пор и наши

люлималиновой плюралистической современностью. В русле этой новой официальной худполитики в одно время с выставкой в Кельне в 1993 году тот же Кабаков был преподнесен в Нью-Йорке на фоне пахучего соцреализма. Далеким от российской действительности и истории людям не так сложно втоухать в сознание, что ничего более светлого и актуального в постсоветском царстве не было и нет. Кончился имперский мрак, и сразу же засияли звезды золотого андерграунда. При этом у меня нет претензий к самим «звездам». Многие из них действительно замечательные художники и достойные люди. Утомляет лишь настырное мельтешение наших и западных искусствознаков, всерьез полагающих, что все, не являющееся по их мнению андерграундом, должно быть выброшено на свалку истории.

К числу светлых кельнских

стве, это была на редкость цельная и внятная выставка фотографии музейного уровня, где каждый зритель получал реальное представление о стране «победившего социализма». Немецкого зрителя, хорошо знакомого с выставками последних десятилетий, посвященных искусству Третьего рейха, фотографии Петруссова возвращали в «жизнерадостную» эпоху нашего родственного тоталитаризма 30-х годов. Танки, самолеты, спортивные парады, пышущие здоровьем загорелые колхозники, обедающие в поле (это как раз во время организованного властями страшного голода 1933 года и вымирания русского и украинского крестьянства), лоснящиеся лица усатых и безусых вождей — все в респектабельном Кельне воспринималось не только как эстетика и чистое фотоискусство большого мастера. Эрик Булатов когда-то заметил в славном журнале «А—Я»: то страшное,

Г. Брускин. Фундаментальный лексикон (фрагмент)

жени, а тут малейшего концептуального шевеления достаточно, чтобы его обсосали западные акуратисты! Впрочем, восхищусь лишь в очередной раз умением Кабакова внедрять в западное сознание концепты «нашего»

домашние критики печатно и устно стали твердить, что из всех искусств для нас важнейшим является концептуальное. Общими усилиями искусственно образована мертвая пауза между страшными годами сталинщины и раз-

впечатлений отношу выставку пионера советской фотографии Георгия Петруссова в галерее Алекса Лахмана. Среди множества экспозиций крупного галерейного центра, живущего как бы в едином застекленном простран-

что может повториться, не может быть только эстетикой.

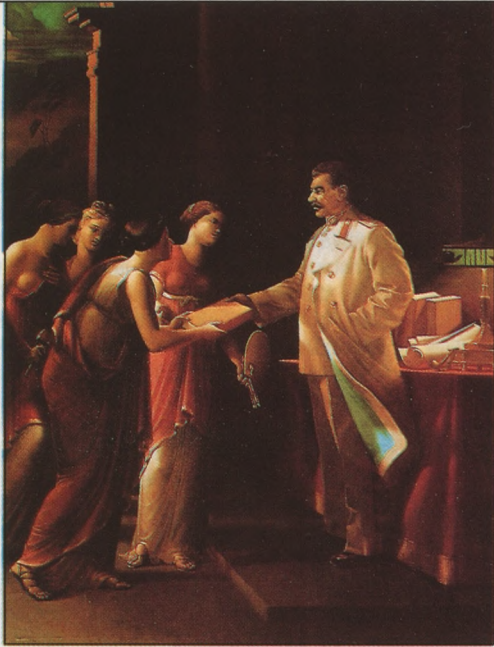
Бонн

Не скрою, я очень надеялся на главное событие сезона 1994 года — огромную выставку «Ев-

ропа-Европа» в боннском Кунстхалле, имевшую подзаголовок «Столетие авангарда в средней и восточной Европе». На пяти тысячах квадратных метров было показано 700 произведений 200 художников. Выставка вкуче с четырехтомным каталогом обошлась устроителям аж в 15 миллионов марок.

Мне, естественно, не терпелось увидеть наших мастеров начала, середины и конца века в едином контексте времени, в органичном, в том числе и славянском, соседстве. И, чего греха таить, пока я следовал по залам первой трети XX века, пока вдумывался в мудреные декоративно-графоманские названия соответствующих этому времени разделов («Прорыв к авангарду. От символизма к абстракционизму», «В окружении кубизма», «Конструируем мир» и т.д.), меня не покидало чувство спокойной гордости за НАШИХ, чьи громкие имена давно известны миру, в том числе и по недавним грандиозным выставкам, подобным «Великой утопии». Не покидала только мысль, что, как ни крути, а это уже было, было много раз и в значительно лучшем музейном исполнении.

Очень спорной показалась комплекция весьма своеобразного раздела «Еврейское присутствие», в котором были знаменитые и неизвестные художники, а главное — прекрасные и довольно посредственные работы. Семен Липкин в стихотворении «Союз «И», пропущенном когда-то по недосмотру брежневской цензуры, справедливо писал: «Человечество жить не сумеет без народа по имени «И». Но вот вопрос — стоило ли о т д е л ь н о в с т а в л я т ь этот раздел в общую картину искусства средней и Восточной Европы? На протяжении всей огромной экспозиции ни одна из стран, а стало быть, и ни одна из национальных школ не выделялись специально. А тут целое отдельное «присутствие». Уж не для того ли, чтобы немецкий зритель помимо страшного историческо-

В. Комар, А. Мелаид. Сталин и музы

го прошлого не забыл Марка Шагала вкуче с Гришей Брускиным и приплюсованной к ним Натальей Гончаровой, которая, живя еще в России, написала большой холст «Еврейская семья»? Что за наоборотность такая — в ы д е л я т ь т е х, кто растворен в мире, и п е р е м е ш и в а т ь т е х, кто многие годы существовал отдельно, в том числе и в «отдельно взятой стране».

О «неловком чувстве», вызываемом этим разделом, писала берлинская газета «Тагесшпигель». В статье Б.Шульца «Башня Татлина во вчерашней битве» автор восклицает: «...О, ложные пути политической корректности!.. Хорошее искусство не обозначает хороших намерений, но когда наоборот, то еще хуже».

Увы, когда я вступил в вождьенное пространство моего послевоенного времени, я понял, что все предыдущие недоумения и ребусы экспозиции — это только скромные цветочки. Кураторы выставки поставили благородную цель — преодолеть западное высокомерие по отношению к искусству Восточной Европы. Реклама трубила: «Восток показывает себя Западу», «История современного искусства XX столетия должна быть написана заново». Может быть, для рекламы это и неплохие заявления. Но стоит обратиться к конкретным разделам выставки и отдельным произведениям — и любое громогласие повисает в воздухе.

Не берусь судить, насколько хорошо показаны, например, различные периоды и течения польского искусства XX века вообще и его второй половины в частности. Уверен, что в Бонн попало все самое лучшее. Меня мало занимает даже очевидный комплекс второсортности, который мучает некоторых представителей бывших «братских стран социализма», ревнующих к всемирной славе российского авангарда. Поразительно другое — сверхзбирательный подход к неканонизированной современности. Так, изо всей огромной России, например, вторую половину XX века представляют

только три весьма далеких от авангардности холста В.Вейсберга. Остальные же «наши» — это давние (брежневской поры) или свежие (горбачевской расслабухи) художники-эмигранты или, чтобы быть уж совсем корректным, художники, работающие и живущие большую часть времени вне России. Я искренне желаю им парижских, нью-йоркских, тельавивских, дюссельдорфских и прочих творческих успехов. Но почему ученые кураторы оказались столь по-русски «ленивы и нелюбопытны» и ограничились тем, что поближе лежит и хорошо известно на Западе? Где же тут искомый элемент открытия, о котором так громко заявлялось? Я рад, разумеется, за старого московского знакомого Георгия Пузенкова (Кельн), который вошел в славную компанию, состоящую из таких жителей Парижа, Тель-Авива, Нью-Йорка и всего мира, как И.Кабаков, Э.Булатов, М.Гробман, Г.Брускин, В.Комар и А.Мелаид. Но я не могу с твердостью констатировать, что искусство Георгия представляет российский авангард последних десятилетий. Да и со многими мэтрами тут тоже далеко не все ясно. Неизбежны вопросы и почти «дурная бесконечность» имен. Где, например, В.Яковлев, В.Янкилевский, В.Немухин, Э.Штейнберг, Ю.Злотников, В.Сидур, Л.Берлин?.. О сверстниках Г.Пузенкова и не заикаюсь.

Справедливости ради следует сказать, что инсталляция И.Кабакова «Человек, который ничего не выбрасывал» (1988), привезенная из США, была одной из лучших в «нашем» ряду. Это был почти чистый, ювелирно выполненный концепт, не обремененный навязчивой политической подоплекой и бытовой «совковостью».

В уже цитированной статье Б.Шульца выставка «с научной точки зрения» названа «красивой ошибкой». «Хорошее искусство диссидентов», пишет автор, равно как и «представление об искусстве как борьбе с властью, — это старый авангардный миф». Заканчивая обзор, Б.Шульц делает вывод, что «без опоры на громкие имена и состоявшиеся направления авангарда первой трети XX века вторая часть выставки вряд ли кому была интересна. Так что с переписыванием истории искусства пока можно повременить».

Москва

Оглядываясь на жаркое немецкое лето 1994 года и думаю — почему же так много досадных неудач в жизни наших художников, пытающихся пробиться и закрепиться на Западе? Почему мы так односторонне и неполно оказались представлены на выставке «Европа-Европа»? Вряд ли я сделаю великое открытие, утверждая, что одна из главных причин — скверное отношение к самим себе в собственной стране. Какие бы иностранные кураторы, будь они хоть семи пядей во лбу, ни затевали международные выставки, они вряд ли смогли бы обойти вниманием искусство лучших мастеров России или огромной части бывшего Союза, если бы у нас был полноценный Музей современного искусства. Вместо музея мы второе десятилетие питаемся досужными разговорами, министерскими прожектами, наблюдаем довольно жалкие частные потуги галерей и отдельных лиц, где каждый тянет свой кусок лоскутного одеяла современности.

Неужто опять вся надежда на г-на Петера Людвига, который поможет твердой деньгой и великодушно возвратит в Москву или Питер те произведения, которые отвисели и отлежали свое в запасниках Кельна и Аахена? ■

Нина ДОРОХОВА

Корни рода Фаберже — французские. Предки Карла, гугеноты, еще в XVII веке покинули Францию, поселились в Пярну, в Эстонии, а затем переехали в Петербург, где в 1842 году отец Карла — Густав Фаберже — и основал фирму, открыв в Адмиралтейской части небольшую мастерскую и магазин золотых и бриллиантовых изделий.

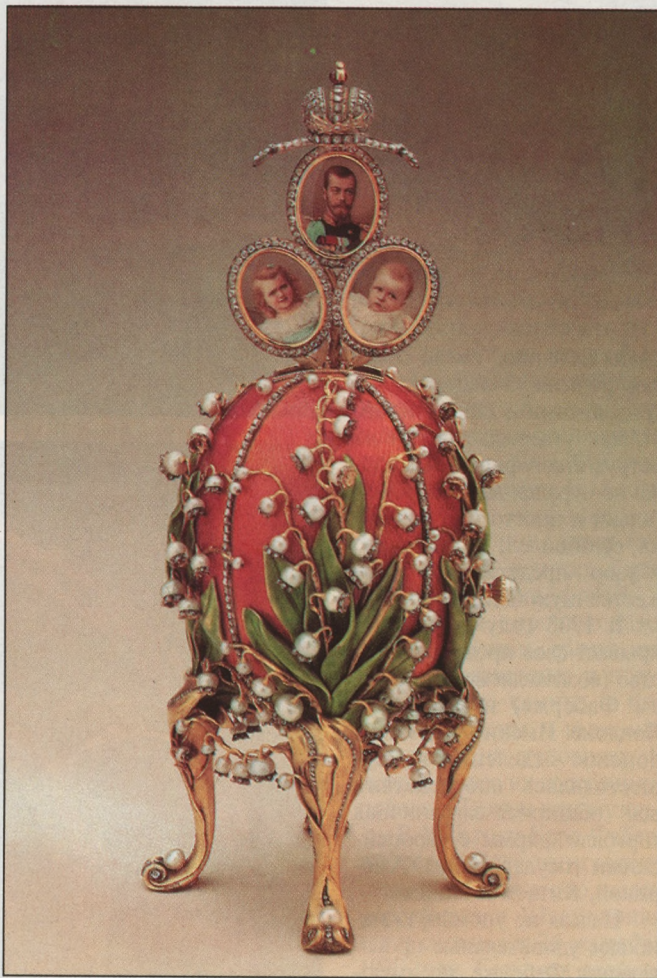
Сам же Карл, про которого говорили, что ювелиром он родился, и которому суждено было не только продолжить дело отца, но и, значительно его расширив, сделать фирму всемирно знаменитой, был русским по духу. Получив прекрасное образование в одной из столичных гимназий, он отправляется за границу. В Саксонии изучает резьбу по твердому камню, в Англии, Франции и Италии — производство предметов роскоши, кропотливо вникая в технические тонкости ювелирного мастерства, которые потом с блеском использовал в своих работах, служит учеником у немецкого мастера золотых дел. А возвратившись домой, берет дела фирмы в свои руки.

Несмотря на то, что экономический подъем России тех лет влиял на спрос и выпуск дорогостоящих предметов роскоши увеличивался, конкуренция в сфере ювелирного производства была жесточайшая. Начинающему ювелиру приходилось соперничать с крупнейшими московскими и петербургскими фирмами П.Овчинникова, К.Болина, И.Хлебникова, братьев Грачевых, оснащенными первоклассным оборудованием и имеющими прекрасных мастеров. Постепенно фирма Фаберже набирала обороты и оставила своих соперников далеко позади. К началу века ювелирное дело Фаберже — самое значительное в отрасли.

С первых же дней руководства фирмой Карл ста-

Магия Фаберже

Бесспорно, лучшим ювелиром XX века мир считает Карла Фаберже. Его работы всегда вызвали и вызывают восторг и восхищение. Они необыкновенны по замыслу и совершенны по технической отделке. Они удивляют, поражают, завораживают.

рается удовлетворить спрос самых разных слоев населения, поэтому выпускает как заказные уникальные вещи (чаще всего это украшения — кольца, кольца, подвески, модные броши в стиле модерн, запонки, бу-

лавки для галстука, позднее — аксессуары к свадьбам великокняжеских особ), так и предметы массового потребления — столовые приборы, серебряные чайные и кофейные сервизы, часы (механизмы которых

выполняли лучшие швейцарские мастера Павел Буре и Генри Мозер), светильники, портсигары, табакерки, дамские несессеры, подсвечники, рамочки для фотографий. Все изделия фирмы — от пуговицы до бриллиантового кольца — отличались тонким вкусом, изысканным дизайном и высочайшим мастерством исполнения.

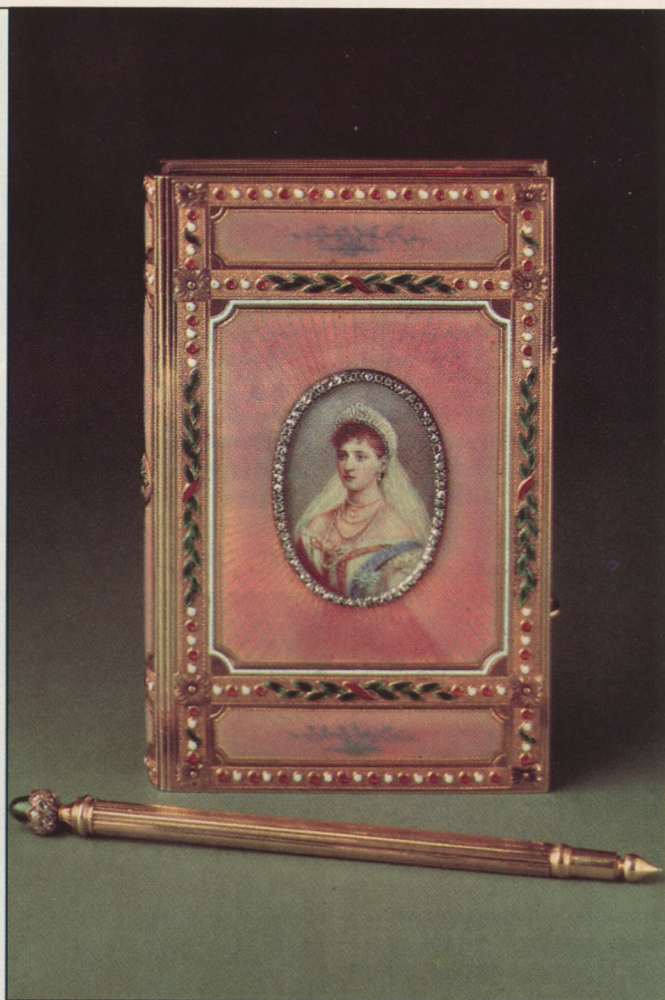
Уже на Всероссийской выставке 1882 года фирма Фаберже завоевывает золотую медаль, но главные победы были еще впереди. В это же время Фаберже впервые получает заказ от императорской семьи, фактически становясь поставщиком двора, хотя официальное звание придворного ювелира он получит только два года спустя.

Маленькая ювелирная мастерская перерастает в крупнейшее торгово-промышленное предприятие России со штатом в полтысячи человек. Среди них — художники, мастера серебряных дел, ювелиры, эмалиеры, резчики по камню.

Такие высококлассные мастера, как Михаил Перхин (крестьянин-самоучка, ставший главным ювелиром фирмы), Генрик Вигстрем, Август Холмстрем, Эрик Колин, Юлий Раппопорт, имели свои мастерские и на изделия рядом с клеймом фирмы ставили собственные инициалы.

Предприятие носило семейный характер: с Карлом Фаберже работали четыре его сына. Старшие — Евгений и Агафон — возглавляли петербургское отделение. Младшие — Александр и Николай — были художниками и создавали эскизы новых ювелирных изделий.

Главный магазин фирмы, ее правление и основное ювелирное производство размещались в большом четырехэтажном собственном доме Фаберже — в Петербурге, на фешенебельной Большой Морской. В просторном изящном торговом зале можно было встретить всю столичную

аристократию: титулованную, чиновную, денежную. Московское отделение фирмы с мастерской по производству столового серебра и торговым домом разместилось на Кузнецком. Имелись также филиалы в Киеве и Одессе.

Со временем фирма приобретает известность не только в России, но и за границей, где Фаберже величают «северным Челлини». Его работы покупают королевские особы Англии, Швеции и Норвегии, а в далеком Бангкоке король Сиам коллекционирует забавные фигурки животных, изготовленные в камнерезной мастерской Фаберже из уральских и сибирских самоцветов: оникса, нефрита, агата, авантюрина, дымчатого кварца. Их присылает один из сиамских принцев, учившийся в Пажеском корпусе в Петербурге. Кстати, Фаберже первым среди русских ювелиров обратил внимание на самоцветы и начал использовать их в

своих изделиях, смело сочетая рубины и изумруды с хризолитами и халцедонами. И, как утверждает один из сотрудников фирмы, Фаберже не чурался даже морской гальки и простого бульжника, если видел, что их окрас и узор представляют художественную ценность.

В 1903 году фирма открывает свое представительство (возглавляемое Николаем Фаберже) и магазин в Лондоне. Именно через лондонское отделение и осуществлялась впоследствии вся обширная заграничная торговля фирмы с европейскими государствами, Америкой, Китаем и Индией.

Нельзя не упомянуть наиболее удивительные произведения Фаберже, не имеющие аналогов в мировом ювелирном искусстве. Речь идет о пасхальных сувенирах, которые изготавливались в виде подарочного яйца с сюрпризом внутри. Такой подарок имел большой успех и восхитил, как известно, не только императрицу:

фирма получила множество подобных заказов. Иметь подобный сувенир от Фаберже считалось престижным. Богатейший сибирский золотопромышленник Келч подарил жене целых семь пасхальных яиц (шесть из них были позднее проданы на аукционе в Париже и оказались в частных американских коллекциях). Имел пасхальный сувенир от Фаберже и князь Юсупов — часы в стиле Людовика XVI, декорированные портретами трех представителей этого рода.

И все же большая часть пасхальных сувениров была выполнена для императорской семьи. Среди них такие шедевры, как хрустальное яйцо с моделью императорской яхты «Штандарт», яйцо из гелиотропа, усыпанное бриллиантами, с крейсером «Память Азова», мозаичное яйцо с портретами царских детей, яйцо в стиле модерн «Клевер». На Всемирной выставке в Париже в 1900 году восхищенные публики вызвало серебряное яйцо «Великий Сибирский железнодорожный путь», с миниатюрной мо-

делью платинового паровоза и золотыми вагончиками с хрустальными окнами. Тогда же Фаберже представил и копии императорских регалий, выполненных в 1/10 реальной величины из четырех тысяч крошечных бриллиантов. Это знаменитая корона Екатерины II работы Позье, малая императорская корона, изготовленная братьями Дюваль для жены Александра I — Елизаветы Алексеевны, а также скипетр и держава. Сам Николай II приобрел эти изделия для передачи в Эрмитаж, где они до сих пор хранятся в Особой кладовой. А восторженная Франция удостоила русского ювелира звания «мастер золотых дел Парижа» и наградила орденом Почетного легиона...

Дальнейшая история фирмы трагична. После октябрьского переворота Карл Фаберже прекрасно понимал, какая участь ожидает его детище. Есть любопытное свидетельство знаменитой балерины Матильды Кшесинской, одной из клиенток Фаберже: «Мои самые крупные и ценные брилли-

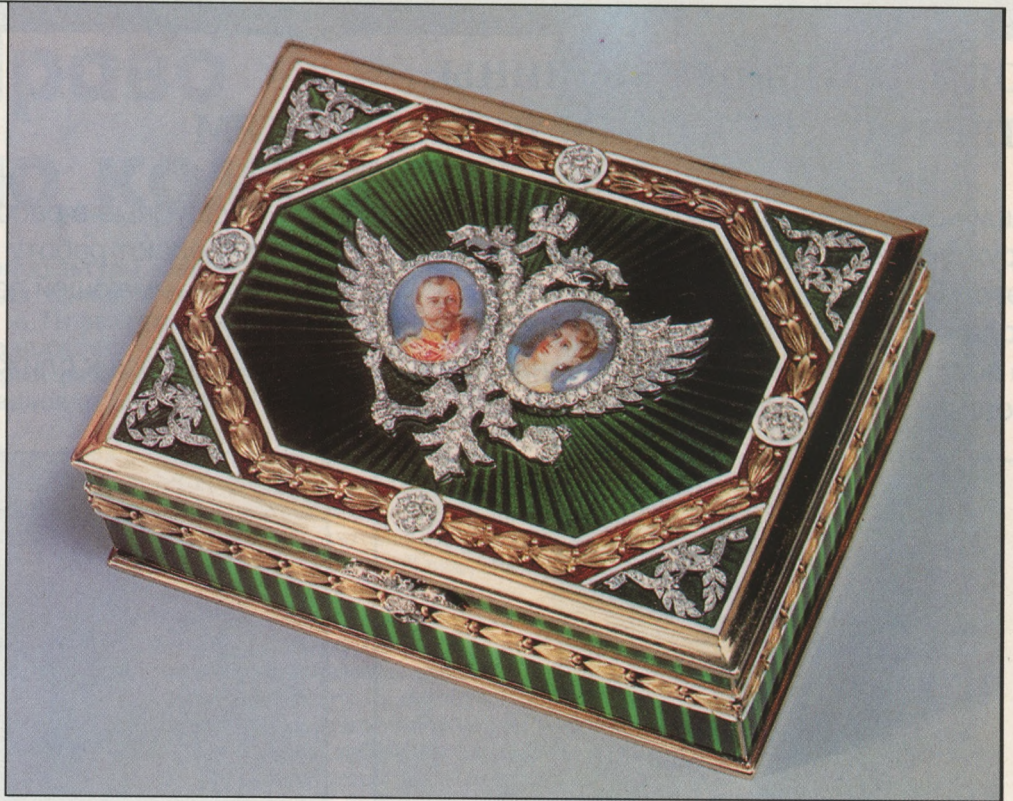
антовые вещи хранились у Фаберже, но после переворота он попросил взять их к себе, так как опасался обыска и конфискации драгоценностей у него в сейфах, что в действительности вскоре и произошло». Дом Фаберже закрылся в ноябре 1918 года. Сейфы в особняке на Б.Морской и на даче под Петербургом, в которых хранились изделия фирмы и сырье для производства: слитки платины, золота, серебра, драгоценные и полудрагоценные камни, — были разграблены и вывезены солдатами на грузовиках. И далеко не все их содержимое попало в Гохран или музеи.

В 1918 году Карл Фаберже через Ригу эмигрирует сначала в Германию, затем переезжает в Швейцарию, где и скончался 24 сентября 1920 года. Сыновья великого ювелира пытались возродить в Париже былую славу Дома Фаберже, но безуспешно. Все созданное там было только слабой копией, повторением уже сделанного когда-то.

В России же от художественного наследия Фа-

берже остались жалкие крохи — даже то, что оказалось на государственном хранении, бессовестно распродавалось в 20-е и 30-е годы на аукционах и в антикварных комиссионных магазинах, без какой-либо мысли о национальном достоянии. Именно поэтому от былого великолепия Фаберже на родине почти ничего не сохранилось. В наших музеях ныне насчитывается не более тысячи его вещей (среди них всего десять пасхальных сувениров), тогда как за 75 лет существования фирмы было создано от 150 до 200 тысяч изделий. Большая же часть работ с клеймом фирмы «К.Фаберже», цены на которые выросли до фантастического уровня, оказалась за границей — в разных музеях мира и частных коллекциях американских и английских миллионеров: Форбса, Хаммера, Стоумена, Шейфера, Матильды Грей.

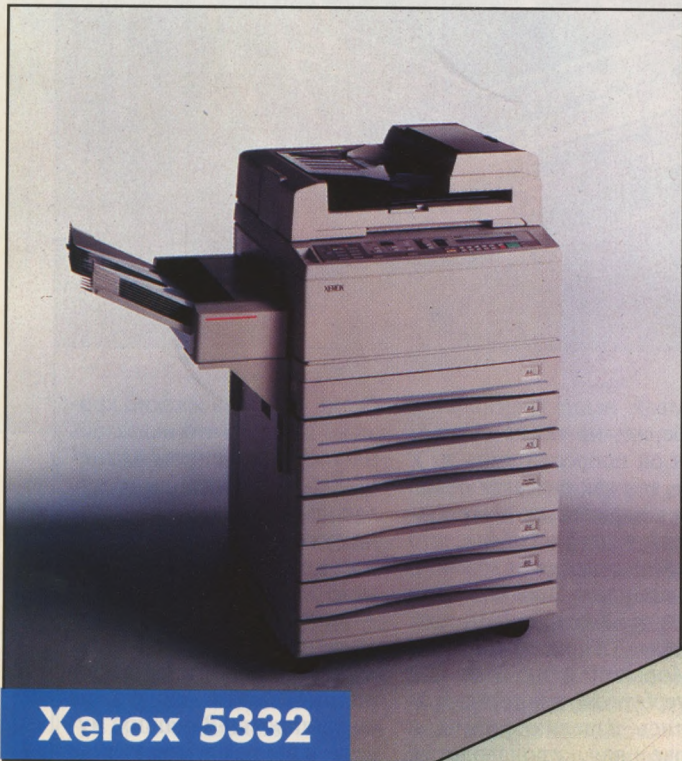
Наследие блистательно-го Фаберже рассеялось по миру ...

КОПИРОВАЛЬНЫЕ МАШИНЫ, ОТВЕЧАЮЩИЕ ВАШИМ ПОТРЕБНОСТЯМ

Наши копировальные машины, простые в обращении, бесшумные в работе и безвредные для окружающей среды, создадут Вам максимум удобств и сделают работу просто удовольствием. В этом Вы можете быть уверены, сотрудничая с компанией, имеющей почти 30-летний опыт продажи высококачественного офисного оборудования в СНГ.

По вопросам покупки и обслуживания машин Xerox обращайтесь к ближайшему Уполномоченному дилеру фирмы **RANK XEROX**

Xerox 5332

Xerox 5317

Xerox 5220

Уполномоченные
дилеры Rank
Xerox в Москве:
Фан: 943-6216
АДФ: 299-4675
Мегалит: 111-7719
А1.ТИС: 928-4831
Лампорт: 125-1101
Инвен: 962-9104
Ками: 278-9412
Линко: 292-7985
Ранибо: 203-0407
Атлас: 928-320
Авалон: 143-8786

Уполномоченные
дилеры Rank Xerox в
Москве:
РВК: 924-7986
Майкроэйдж:
316-8742
Глобал:
245-8789
Балчуг: 124-4938
Интерюнити:
318-5113
М.Т.Т.: 492-0301
Лизинг Бизнес: 128-9590
Контракт-М: 286-0538
Модитар: 292-3612
Вега-С: 127-9005
Альфа: 229-6034

Право на «свою комнату»

Важная для современной культуры взаимосвязь организационно-экономических и творческих проблем театра была одной из тем диалога Б.Любимова и А.Порватова (см. «Столица», № 41). Публикуемая статья продолжает тему, очерчивая тот круг театральных явлений, который развивается на иных по отношению к традиционной системе стационарных театров основаниях.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

В конце лета стало известно: решение о том, что Мастерская Клима покидает подвал в Среднем Каретном переулке, обжалованью не подлежит. Творческому центру им. Вс. Мейерхольда — полуофициальному патрону полулегендарной театральной группы — больше не под силу альтруизм площадью в сотню квадратных метров. Подвалом Центр распорядится, как сумеет, а Мастерской придется переехать в небольшую комнату на Новослободской улице, в одно из служебных помещений объединения «Творческие мастерские» — организации, связанной с Центром.

Помню, как одна дама-критик говорила мне примерно следующее: «Я, может быть, никогда не попаду к Климу, но ощущение, что, пока я хожу по городу, занимаюсь делами, смотрю спектакли, он сидит где-то там в подвале и репетирует, — это ощущение действует на меня как-то успокаивающе. Кажется, дама так и не попала в подвал, зато ее слова довольно точно отражают отношение к Мастерской — немного комичное в своей серьезности, но, безусловно, уважительное и даже нежное. Клим — *persona grata* театральной Москвы: все ему как бы признательно, а за что именно — непонятно. Вероятно, за то, что его персона не только *grata*, но и *gratuita*, то есть бескорытна, бесцельна и бесполезна. В сущности, мы имеем здесь дело с обычным интеллигентским комплексом. Все кажется — прямо по Зиновьеву, — что истинных гениев разводят в подвалах, куда завистливые бездарности приходят щеголять своим цветущим видом, втайне стремясь примазаться. На деле же в Мастерской Клима нет ничего героического — это ясно из самого названия. Там занимаются мастерством. Правда, несуществующим. Слово бы все время откладываемым на будущее.

Театр Клима, конечно, не от мира сего. А от какого же? Можно всецело отнести беспредельную вязкость, внешнюю аморфность и разомкнутость квазиспектаклей Мастерской на счет тех времен, когда формировались ее создатели, —

«позднего застоя». Бесперспективность рождает стоицизм, как отложение солей мешает занятиям стипл-чейзом — это так. А стоический стиль Анатолия Эфроса и Анатолия Васильева, учителей Клима, впитан им как никем. Та же истовая круглослучайная работоспособность «из любви к искусству». Та же фанатическая любовь к репетиции, то есть безусловное предпочтение процесса результату. Противоречивая склонность теоретизировать письменно, но избегать громогласных публичных формулировок. Понимание театра как явления эзотерического, то есть требующего «особого органа» восприятия. Пренебрежение «интересами зрителя» ради «правильного самочувствия» самих участников представления. Вольное обращение со временем и пространством: нелюбовь к метроному и предпочтение натуральных, тщательно отобранных вещей и одежды изготовленным декорациям и костюмам. Наконец, эфросовский дымчатый лиризм и васильевская аналитическая вьедливость.

Ясно, что предельно серьезное, почти буддистски сосредоточенное отношение к театру теперь не в чести: с заветами его родоначальника Станиславского отечественный театр, так долго исповедовавший известную «систему», растался с поражающей воображение быстротой. Сам Эфрос уже мнится лишь предметом некой привилегированной ностальгии, что автоматически переводит современное следование ему в разряд эпигонства. Да еще в подвале. Да еще в радикальной, сгущенной форме. Да еще при пренебрежении любовью публики. Изгнание из подвала можно поэтому рассматривать как наказание за все перечисленные преступления, тем легче рассуждая о «смене вех»: мол, андерграунд сдает последние бастионы, засилье маргиналов окончательно сменяется «нормальной» культурной ситуацией. Так, в общем-то, и начали поступать год-полтора назад — причем нередко те самые персонажи, которые не только не способствовали «засилью» маргинального театра рубежа 80—90-х (абсолютно мифическому, впрочем), но и сделали все, чтобы воспрепятствовать развитию такого

ОЛЬГА ЧУМАЧЕНКО

Клим дает пресс-конференцию

театра. Знаменательно, однако, что этот театр и развился, и сделал серьезнейшие «заготовки» на ближайшее будущее.

Во имя оптимистического взгляда в это самое будущее бросим взгляд в прошлое «Творческих мастерских» — колыбели Мастерской Клима. Ныне они пришли в полный упадок — фактически не существуют. Возникшие в 1988 году при СТД РСФСР, они кажутся анахронизмом, путающим сумбурное перестроечное прошлое с нашим трудным, но обнадеживающим настоящим. А в действительности-то организационная модель «Мастерских» не только не превзойдена, но и до сих пор не вполне осуществлена. «Мастерские» были настоящим негосударственным (СТД — общественная организация) объединением западного типа, где режиссер мог получить деньги под идею и запустить проект. Сегодняшняя ситуация, когда режиссеры, не переставая клянчить у государства, рыскают по банкам, — это совершенная дичь: других дел нет у чиновников и банкиров, как только оплачивать счета столярных и пошивочных цехов. Обладатели «живых» денег могут, по идее, лишь участвовать в финансировании специальных фондов, центров и т.п.; в театральной сфере ни одно подобное учреждение пока не раскрутилось до того уровня, чтобы регулярно финансировать проекты. А вот московское отделение «Мастерских» с 1988 по 1992 год в той или иной степени приложило руку к выпуску 25 спектаклей. Конечно, Союз театральных деятелей — не самый рьяный поборник рыночных отношений в области театра; потому-то, в частности, «Мастерские» и погибли, недо-воплотившись.

Сцена из спектакля «Гамлет»

Но очевидна лишь организационная гибель «Мастерских». Творческую провозгласить труднее, хотя этого хотелось бы многим. Правда, круг очевидцев не успел достаточно расшириться, а эмиграция режиссеров Евгения Арье, Владимира Мирзоева, Саши Тихого, Владимира Космачевского, критика Юрия Аптера, ряда актеров — то есть многих из тех, кто правил бал на разных стадиях работы «Мастерских», — отодвигает их в какую-то несуразную «глубь веков». Мирзоев, впрочем, навелит столицу в прошлом сезоне и снискал своей «Женитьбой» на сцене театра им. Станиславского бесспорный интерес; но здешние герои тех лет вроде бы исчезли с горизонта. Театр Михаила Мокеева «Улисс» пропал от безденежья. Театр Александра Пономарева «Чет-Нечет» — тоже; Пономарев, правда, трудится на радио и гордо заявляет, что его театр растворился в воздухе: звучит угрожающе правдоподобно. А теперь вот и подвал Клима отошел, как говорят на похоронах, в область воспоминаний.

Что же из этого следует (кроме того, что следует жить)? Без сомнения, тон на театральных подмостках нынче задает поколение тех, кому вокруг 50: от Фоменко до Виктюка и от Яновской до Левитина. Поколение бывших «неприкаянных» советского театра, взрывавших выродившуюся «реалистическую» традицию изнутри и потому, вероятно, наиболее резко порвавших с нею внешне. При всех различиях это режиссеры очень чувствительные к собственно зрелищной привлекательности театра: как раз той его стороне, которой пренебрегали в советские времена. Образ театра 90-х — комфортного и конформного — дело их рук. Заполнение пустоты, образовавшейся на месте «великих» спектаклей, — эта задача не только поглотила силы лидирующего поколения,

но и фатально сблизила его, сравнительно «элитарное», с новыми «коммерческими» режиссерами, лишенными собственных театральных идей, но профессиональными и опытными — в смежном искусстве (как Сергей Соловьев) или в ином роде театральной деятельности (как Леонид Трушкин).

Рискуно предположить, что описанное растение в ближайшие сезоны будет еще плодоносить, но не цвести.

Речь идет о ситуации, когда зрители привлекают уверенными в том, что он нескучно проведет вечерок. Театр все еще слишком един и в этом — консервативен; не случайна большая дифференцированность изобразительного искусства и кино — там лидируют более молодые люди, чем в театре.

Но театральное поколение, представители которого готовы принять всю тяжесть реального плюрализма, уже здесь. Оно работает. Александр Горбань и Вячеслав Долгачев избрали «театр для людей»; к ним можно добавить и более культурного Артема Хрякова с его многообещающим «Моим загляденьем». Анатолий Ледуховский, Борис Мильграм, Евгений Каменькович и (судя по «Банану») Роман Козак исповедуют «эстетский» театр; сюда же и безрежиссерские проекты агентства «Богис». Сергей Женовач ведет сложную игру с русской психологической традицией. Александр Пономарев радиоспектаклем «Госпожа Ленин» по Хлебникову (премия «За лучшую мини-драму» на фестивале «Приз Останкино», весна 1994) доказал, что освоил новые средства для театра, основанного на энергии «самовитого» авангардистского слова. Это и есть «театр XXI века» (включая, разумеется, ряд неназванных персонажей — таких, как Алексей Левинский и Геннадий Абра-

мов, с их совершенно уникальными художественными мирами). Закономерно, что половина перечисленных имела дело с «Мастерскими» (впрочем, и Виктюк имел с ними дело!); они — не прошлое, а настоящее нашего театра и даже его близкое грядущее.

Ну а Клим... Клим есть Клим. Пользуясь его собственной метафорой — «не лампа, а окно» в мир еще не вполне ясных возможностей. В своем поколении таким был Эфрос, а в следующем за ним — есть Анатолий Васильев. Такие «трепещут будущим», как сказал бы Шкловский; они всегда на шаг впереди.

Вот почему с уходом из подвала ничего не кончается. Более того: зыбкое театральное письмо Клима может стать необычайно актуальным. Я бы сказал, что нет ничего немислимого в положении, при котором Клим делается неким «ньюсмейкером». Отрешенности и неспешности в этом издерганном пространстве далее некуда падать в цене — можно только расти. Интровертивный театр Клима здесь как нельзя кстати. Так и видишь множество крохотных помещений с зеркальными стенами; в каждом из них сидит дюжина-другая молодых людей, а еще подложники что-то такое невозмутимо представляет. Все молодые люди имеют тонкие длинные косицы; все одеты в странные пиджаки — не то вышедшие из моды в далеком прошлом, не то собирающиеся войти в нее в далеком будущем; сидящие терпеливо шевелят губами, следя по тексту за представляющими — как меломаны в консерватории. Это многочисленные дочерние труппы разыгрывают климовские переложения Эсхила, Шекспира, Лопе де Веги, Марииво, Гоголя и других известных авторов, а также «Слова о полку Игореве», «Упанишад» и «Дао дэ цзин».

Все сказанное в предыдущем абзаце ровно наполовину — шутка. Но, право, даже интеллигентские бессребренческие комплексы не безнадежны: ведь в насковзь коммерческом мире не имеющее цены может превратиться в бесценное. И потом, в нынешнем «пострежиссерском» театре режиссеру, утратившему авторитарную власть, желательно быть чем-то вроде гуру. А Клим — как раз такой гуру: лишний фанатизма, приветливый и не связанный конфессиями. С таким, по рассказам, приятно было пообщаться даже одному харьковскому мафиози.

У Вирджинии Вулф есть феминистская книга «Своя комната»: заголовок раскрывает ее содержание. Речь идет о возможности что-то сосредоточенно мастерить в уединении. Право на это имеют не только женщины, но и мастера сценического искусства.

Николай Каретников: пять часов звучания

Вера ПАВЛОВА

— **В**ы, разумеется, не слышали моей музыки?.. Впрочем, я тоже ее почти не слышал...

Отливающий неземным светом французский компакт-диск исчезает в прорези американского проигрывателя.

— Отличная машина! — с азартом автолюбителя перебирая движки и кнопки. — Звучание!

Звучание...

Смотреть на композитора, слушающего свою музыку, — словно в замочную скважину подглядывать. Стыдно — и интересно до жути.

Николай Николаевич Каретников сидит ко мне спиной, но движенья его плеч, изменений в ритме его хрипловатого дыханья, покачивания взад-вперед и внезапной неподвижности — достаточно, чтобы почувствовать с холодком в груди: музыка вполне овладела своим создателем. Звоны, щелбеты, сиянья, херувимское пение... открываются небеса...

— Перед Тилем открываются небеса, — оборачивается композитор, — и опера заканчивается. А «Херувимская» взята из моих «Восьми хоров памяти Пастернака»...

Замечательный род бережливости: не от скарденности или бедности — от знания цены каждому звуку. Таким был Стравинский: ни одной неприкаянной ноты... Практичность? Какая уж тут практичность, когда два главных сочинения Каретникова — опера «Тиль Уленшпигель» и оратория «Мистерия апостола Павла» — писались в стол.

Жил-был стол, а на столе рукопись жила, а потом она жила в ящике стола... Обыкновенная история. А все никак не привыкнуть. С 60-х музыка Николая Каретникова широко исполняется за рубежом, а «нам остается только имя» — в одну строку со Шнитке, Денисовым и Губайдулиной. Как и они, Каретников жил все эти годы в основном музыкой

для театра и кино («Ветер», «Бег», «Скверный анекдот», «Власть Соловецкая»):

— Кино меня спасало, и не только от голода... Я имел возможность время от времени слышать то, что есть на нотных листах и в голове...

Оценим стойкость: никогда не позволял себе «песенок».

Оценим смирение: двадцать лет писал свою оперную дилогию, не чая ее услышать.

Темы обеих опер возникли почти одновременно. «Тиль» был начат раньше и шел легче, прокладывая путь «Мистерии». Это понятно: Шарль де Костер — либреттист посговорчивее ап. Павла. Как сообщающиеся сосуды, оперы обменивались музыкальным материалом — и хоры мучеников-первохристиан из «Мистерии» перетекали в хоры инквизиторов в «Тиле», словно повторяя трагическое течение самой церковной истории.

Обратиться к апостолу язычников, к посланиям Павла римлянам подсказал Каретникову в 69-м его духовный наставник о.Александр Мень.

Весной 70-го Каретников и драматург Семен Лунгин закончили либретто, каждое слово в котором обсуждалось с отцом Александром.

И — работа над музыкой: 1970—1987. 1987 — 1970 = 17.

— Впрочем, кое-что было написано и раньше...

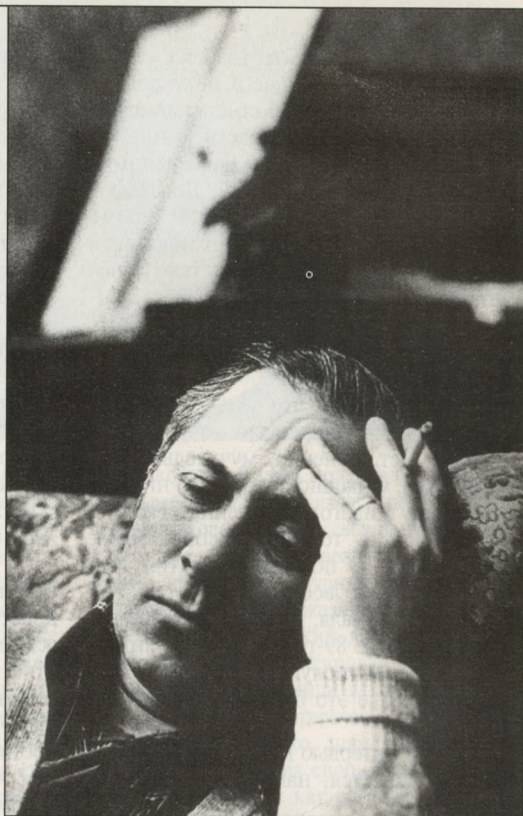
А кое-что — и позже?

Сейчас, например, в день нашего знакомства. На моих коленях тяжелая и широкая, размахом крыльев в четыре нотных листа, партитура «Мистерии». Листаем, любуемся: что может быть красивее нотной рукописи? И вдруг — одно слово не дописано в подтекстовке хора!

— До-пи-исываем...

— Николай Николаевич, и тут недописано!

— До-пи-исываем...

«Мистерия» грандиозна. Такое может себе позволить только пишущий в стол. Все дописывающий и дописывающий — не перед лицом подгоняющего продюсера, самовлюбленного дирижера, ленивого оркестранта, равнодушного хориста, но перед лицом Баха.

Огромный оркестр, два хора: хор первохристиан, хор римлян. Три солиста, все трое — мужчины: Павел, Нерон, министр Нерона Тегелин. Первый век. Мрак и пламя. Пламя, освещающее неверным светом оргию придворных Нерона, взвивающееся над «живыми факелами» — христианскими мучениками и, наконец, пожирающее Рим для краткой забавы скучающего императора. И — проповеди любви «величайшего из людей» (как называл ап. Павла Бердяев): бесстрашно длинные, дословные, где каждое слово подчеркнуто, углублено хоровым эхом.

Смерть и вознесение Павла в приоткрывшиеся уже в «Тиле» небеса противопоставлены самоубийству Нерона, смерти, уводящей душу в прямо противоположном направлении. Писать Нерона, по признанию Каретникова, было особенно интересно и трудно. Не случайно одним из эпиграфов к оратории выбраны слова Фолкнера: «Зло захватывает человека, и человек начинает творить зло именем зла, и в этом своем творении зло он доходит до такого предела, что самому злу становится ненужным, и тогда зло его уничтожает»...

В стол — стало быть, говоря с самим собой, а значит — ничего не упрощая. Каретников верен, еще со студенческой поры, доброй старой додекафонии, на всю жизнь сделавшей его запрещенным, не звучащим композитором. Додекафонии, которую он, как никто (кроме Шенберга, пожалуй), умеет насытить живой речевой выразительностью. Изобретательное хоровое письмо («Представление, как меня будут ненавидеть хористы!») сочетается с густой живописью оркестра: мрак и пламя...

«Я стал думать, что делаю, говорить, что думаю, и делать, что хочу. Это — счастье. Нет, конечно, мучительно писать в стол. Страшно думать, что никогда не услышу живого исполнения «Тилия» и «Мистерии» — тех пяти часов музыки, на которые я, похоже, потратил всю жизнь. Больше всего на свете я хочу, чтобы она звучала, — признался Каретников в конце 89-го в одном из интервью. — Но на «полуисполнение» не соглашусь. Иначе это будет уже не музыка и я — не я».

С того интервью прошло еще три года — и, кажется, намечилось какое-то движение.

— Министерство культуры обещало

приличную сумму на первоначальные затраты. Постановку намерен осуществить Музыкальный центр «Сиринкс». Правда, до сих пор не ясно, где будет поставлена «Мистерия» — в оперном театре, в концертном зале, в католическом или протестантском храме или на открытой площадке. Предпочтительнее всего последнее — и не только из-за пространства сцены, практически безграничного. Если это будет ко-продукция — а только нашими силами постановку не поднять, — то возможен такой вариант: исполнение поочередно в тех местах, где жил и проповедовал апостол Павел. Амфитеатр в Коринфе, афинский Одеон, развалины Карфагена, Македония, наконец — Римский холм... И потом — в Москве. А где? Хотя бы на Малой спортивной арене...

И вот теперь — запишите, — Каретников не практичен в эту минуту, он просто слишком хорошо знает все, без чего музыка остается в ящике стола. — Мне нужно качественно записать часть сочинения — живые исполнители просто физически не обеспечат той интенсивности звучания, которая мне нужна. Потом — нужна большая труппа миманса, потому что там есть несколько массовых сцен, озвучиваемых хорами. Мне нужны

специалисты по голографии — построить столько декораций такого размера никто не возьмется, а потом — их еще надо быстро менять. Мне нужен, наконец, режиссер, если не западный, то наш, имеющий опыт постановки подобных действ. Вот и все. Это все.

— А средства?

— Это самое главное. И самое трудное. Поэтому, если вы все-таки что-то обо мне напишете, в самом конце в виде рекламы, что ли, напечатайте такой текст — запишите, пожалуйста, дословно. И давайте заключим это в рамочку. Вот так:

Я, композитор Николай КАРЕТНИКОВ, обращаюсь к людям, которые хотят разделить со мной расходы по постановке в России и за рубежом оперы «МИСТЕРИЯ АПОСТОЛА ПАВЛА» и возможные доходы от ее представлений, а также от выпуска видеопленки и компакт-диска. Мой представитель в Москве.....

Записали?..

Записано и подготовлено к печати было два года назад. Публикацию просил «придержать ненадолго» сам Каретников: впервые — тогда же, в позапрошлом октябре, потом еще и еще раз.

Постановка откладывалась. Сначала — отказались от более чем рискованного предприятия Минкульт и «Сиринкс», потом — еще и еще другие найденные композитором спонсоры. Огромная и тяжеловесная партитура «Мистерии» извлекалась — и снова возвращалась в стол.

Вдобавок — болезни. Такие, что выкарабкаться — чудо не меньшее, чем осуществить величественный замысел, которым он жил.

Узнав о смерти Каретникова, я, увы, так мало слышавший его музыку и так редко видевшийся с ним, припомнил вдруг сразу все наши встречи и все телефонные разговоры — и изумился не только этой причуде памяти, но и тому, как он был всякий раз участлив и щедр. Мы не стали за эти пять лет ни близкими друзьями, ни закадычными приятелями — но было в отношениях с ним, причем с самого начала, качество ценнейшее: доверительность.

Его было легко, причем без намека на панибратство, называть Колей — его было легко представить ребенком.

Он и смеялся, и удивлялся, и гневался как ребенок. Я помню слезы на его глазах, помню его всхлип в телефонную трубку — он позвонил мне, разыскал меня «в минуту жизни трудную» и пережил ее со мной, как никто.

Мне кажется, это было то самое, к чему призывал Христос своих апостолов — зная, что все они вышли на великий подвиг и у каждого в конце пути своя Голгофа: «Будьте как дети».

И вот я думаю о Коле и только сейчас вижу, что жизнь, им прожитая, была героической, — хотя он, вальяжный, вспыльчивый, наивный, ранимый, ну никак не походил на героя. Не только нашего времени — любого, какое ни возьми.

Я ни разу не видел на его лице, в его глазах мучительной печати той ноши, которую он с улыбкой и достоинством нес.

И ярче, отчетливее всех других наших встреч вспоминается самая первая. Вечер нашего знакомства, когда в одной из квартир московского Дома композиторов на углу Тверской и Огарева снимался фильм об Александре Галиче и за большим поминальным столом сидели рядом о.Александр Мень и Николай Каретников. Священник, крестивший Галича, — и его друг и крестный отец,

привезший его в Новую Деревню, в храм Сретения, «в тот единственный дом, где с куполом синим не властно соперничать небо». Я вспоминаю слова, сказанные тогда, в вечер Рождества Христова 1989 года, о.Александром, и вспоминаю лицо Коли — как серьезно внимал он каждому слову. Вот эти слова, которые сегодня звучат с новой силой — когда нет среди нас не только Галича и отца Александра, но теперь и Николая Каретникова.

«В словах Христовых о том, что «блаженны изгнанные правды ради» — они справедливо написаны на могиле Галича и на могилах многих других людей, — я бы хотел подчеркнуть слово «блаженны». «Блажен» — это значит в высшей степени счастлив... Полнота раскрытия человеческого «я» заключается совсем не в том, чтобы не иметь препятствий, а в том, чтобы быть победителем, несмотря на то, что вокруг бушуют черные бури, и быть изгнанным правды ради — это не несчастье, а величайшая честь... Блаженный — значит счастливый, и он — низвергнутый, непризнанный, осмеянный, изгнанный — тем не менее несет свое счастье внутри. Это самое главное...»

Михаил ПОЗДНЯЕВ

Пастораль

У Новеллы Матвеевой и Ивана Киуру — юбилей. Именно так: у обоих, хоть она и встречается его одна. Они родились в один год, вблизи одного города — Ленинграда, встретились в шестьдесят первом и прожили вместе тридцать лет. Жизнь их похожа на сказку — или, верней, на иллюстрацию к тому, что делает со сказкой это время и это место.

...Из моей пасторальной
Жизни — долины взгляда...

Новелла Матвеева

Парад Матвеевой был морским фельдшером. Детям он дал по второй фамилии — в честь судов, на которых служил. Отсюда полная ее фамилия — Матвеева-Бодрая. В полубездомной, полунищей семье все дети носили редкостные, романтические имена: Роза, Новелла, Лиана, Рольд. Новелла Матвеева приходится племянницей дальневосточному футуристу Венедикту Марту, чей сын — двоюродный брат Матвеевой, Иван Елагин, — стал лучшим поэтом второй волны эмиграции. Они никогда не виделись. Книгу избранного, которую Елагин передал двоюродной сестре, «заиграли» при передаче. Мать Матвеевой писала стихи, опубликованные лишь посмертно стараниями дочери. Еще она играла на семиструнной гитаре и впервые показала детям аккорды — так Новелла Матвеева стала единственным русским бардом, кроме Галича, играющим на «семиструнке».

...С девятнадцати лет Матвеева зарабатывала на жизнь в подсобном хозяйстве детского дома, где на ее глазах, при ее бесполезном сопротивлении, обирали и мучили сирот. Так что когда она с усмешкой говорит о своей пасторальной жизни — за этим, как почти за всеми ее метафорами, стоит не гротеск, а буквальное следование истине. Нигде не учась, она перечитала все, что нашла в библиотеке подмосковного Чкаловского, и с семи лет сочиняла собственные стихи и романы. Первые ее песни написаны на тексты Ростана и Гладкова. Слов «авторская песня» тогда не знал никто. Первой авторской песней в России (не считая оруджавской ранней «Неистов и упрям») следует, видимо, считать жестокий пиратский романс «Отчаянная Мэри», сочиненный восемнадцатилетней девушкой из Подмоскovie в подарок младшему брату: «Буруны, скалы, мели, девятый вал ревет. Отчаянная Мэри над скалами живет. Как дик в пустой пещере бывает ветра свист! Отчаянную Мэри любил контрабандист»...

Очень долго к матвеевской поэзии приклеивали ярлык «книжности» и «бегства от жизни», стараясь не помнить, что эти первые свои шедевры — «Рембрандта», «Воспоминание о Камчатке», «Меру за меру» — она писала среди такой жизни, от которой больше некуда было убежать, кроме как в эту лирику. В судьбе Матвеевой произошел вполне сказочный поворот, заставляющий вспоминать уже не о пасторальных, но о «Золушке»: долго никому не показывая написанного, она отправила несколько стихотворений в «Комсомольскую правду». Никто не поверил. В Чкаловскую поехала делегация. Дом едва нашли. В 1959 году громадная по тем временам подборка стихов Новеллы Матвеевой вышла в «Комсомолке». Год спустя ее приняли на Высшие литературные курсы и дали общежитие в Москве — из-за транспортной болезни, укладывающей ее в постель даже после недолгого переезда в электричке, она не могла ездить на занятия из Подмоскovie. Здесь, в общежитии Литинститута, ее стихи прочел молодой переводчик Иван Киуру. Они потрясли его, как потрясли тогда всех.

Жизнь Киуру до встречи с ней тоже похожа на сказку — и тоже на страшную. Чудом вывезенный из блокадного города, он рос в такой же нищете — его отца арестовали еще до войны, и с тех пор он видеть не мог кожаных курток: в таких куртках ночью пришли за его отцом. (Когда в гости приходил человек в кожанке, Киуру морщился и просил немедленно снять.) Он успел отслужить три года в танковых войсках, поработать в шахтах, в геологических экспедициях, на лесосплаве. По стихам его — легким, льющимся, волшебным верлибрам — вся эта каторга представлялась романтическим праздником, пиршеством труда и природы. Он вообще никогда не жаловался — он был финн, скандинав, европеец, человек неотразимого обаяния и стального внутреннего стержня. Он умел все — читать на двух языках и строить дома, колоть дрова и ухаживать за садом, переводить Аргези и комментировать своего любимца Аристофана. Он, впервые

опубликовавший свои оригинальные стихи в пятьдесят лет, удостоивался похвал Маршак и Чуковского, знал себе цену с самого начала и двадцать лет зарабатывал переводами — превращал халтурные подстрочники в блестящие стихи и сказки. Он купил для себя и жены маленький дом на Сходне, надстроил и отремонтировал его — все сходненские дети ходили за ним хвостом. Он учил их играть в пиратов. Он все делал легко — и писал легко, знаменитую песню «Вардан» сочинил на спор, за час: «И полз прополз, весь, как золото, желт, — свернулся кольцом в стороне... Тут в пятом часу запевают сверчки на станции Варданэ. Тут в пятом часу запевают сверчки о теплой и звездной ночи. В колючем лесу и в садах у реки звенят, как по камню, ключи»...

До шестьдесят шестого жизнь как будто дала им передышку: они получили квартиру в Москве, началась слава Матвеевой — слава, не знающая себе равных по оглушительности и внезапности. Ее песни звучали повсюду, первая бардовская пластинка — десять ее песенок начала шестидесятых — разлетелась мгновенно. «Какой большой ветер» стал символом эпохи, «Девушку из харчевни» сам автор успел почти возненавидеть: дамы дружно доставали платочки, а жесткая, яркая, крепкая поэзия Матвеевой меньше всего рассчитана на такой эффект. Вышло четыре книги Матвеевой, ее цитаты пошли на заголовки и пословицы, ее волшебные прихотливые мелодии оркестровали для спектаклей и фильмов. «Душа вещей» — сборник редкой зрелости и мудрости, недостоверно мастерский для тридцатидвухлетнего поэта с «пасторальным» чкаловским прошлым, — означил одну из вершин шестидесятых годов, его аж выдвинули на Госпремию; сняли, впрочем, тут же, едва Матвеева подписала письмо в защиту Гинзбурга и Галанскова. Она раздражала давно — «Пожарником», «Ветром», сонетами и статьями; сыскался предлог. В следующие семь лет, прошедшие до «Ласточкиной школы», она напечатала едва ли триста строк. Ее и мужа кормил сходненский огород и черствый хлеб перевода. Кусок мяса в доме был большим праздником. Они никог-

да не знали достатка, но здесь их догнала подлинная нищета.

А между тем лучшая Матвеева — поздняя, яростная, безжалостная, — это Матвеева «Ласточкиной школы» и «Закона песен», Матвеева «Реки», «Шпал», «Гармонии и Питера Брейгеля». Мелодичнейший из бардов и виртуознейший из лириков, поэт с мужской, твердой рукой заговорил с отчаянием последней прямооты: «Дурак, ограниченный малый, — один гармоничен, пожалуй». И «Греция», «Греция» — маленькая, до предела сконцентрированная поэма о том, как у романтики воруют слова, у культуры — ее символы, как завоеватели рядятся в тоги завоеванных и поют их песни, — а ничего не получается! Подлинная трагедийность матвеевской поэзии стала ясна тут — в стихах почти голых, страшных, бичующих, и все попытки навязать читателю густо-слонявую, розово-сахарную, обуюченную романтику семидесятых прахом рассыпались перед этой лирикой. «Закон песен» лежал в издательстве семь лет — с отважным «Золотом проектов», с горькими «Рошами взгляда», с единственным в те времена голосом в защиту хиппи — маленькой поэмой «Хиппиоты»: «Цель хиппи нельзя обозначить. Цель хиппи — концы отдавать. А цель хиппиота? Подначить. Оплакать. Романтизовать».

Матвеева вообще ненавидит умиление, которое вызывает. «Чистота-теплота-пронзительность», советская комплиментарная триада из критических отзывов о поэзии, вызывает у нее дрожь безразличия. «Негромкость» и «лиризм» — о, как это не про нее! Как мучительно она боролась с навязанным ей имиджем лирика-мечтателя, вечно уставляющего взор в далекие дали! И как непохожа ее яркая, звенящая, плотная поэзия на все, что об этой поэзии написано! «Девушка из харчевни» — песня, полная отчаяния и достоинства, гордая песня, — так мало походит на «женскую» лирику, а «Галчонок» — единственное стихотворение Матвеевой о материнстве — так далек от бесчисленных образчиков дамственности (словечко Киуру) в лирике тех лет! И — опять ни единой жалобы; в «Стихотерапии» она проговаривается скупой и нехотой:

*Вы уж дайте мне улыбнуться! —
В память
О последнем обрыве ада.*

В восьмидесятых и ей, и Ивану Киуру как будто легче стало печататься и выпускать пластинки. Рухнула легенда о том, что Матвеева «испалась и замолчала» — четыре диска с новыми песнями, по всей стране запели «Поэтов», оценили наконец и чисто композиторский дар Матвеевой — ее песни на стихи Киуру; сам он выпустил три сборника и успел еще увидеть, как прихо-

дит запоздалое, но дружное и дружественное признание. Его книга «Голос твой» оказалась последней прижизненной. Матвеева осталась одна, и понять истинную меру ее одиночества может только тот, кто знал и видел их вместе.

Я рассказываю страшную пастораль их жизни не для того, чтобы кого-то разжалобить, но — чтобы обозначить среду, условия, бездну, в которой жили и дышали два этих дарования. Чтобы тем яснее оказался контраст между процессом и результатом, между жизнью — и тем, во что она воплотилась. В жизни — травля, цинизм коллег, редкие удачи, полосы глухого невыхода к читателю и слушателю. В стихах — в стихах праздник, небывалое богатство звука и цвета, поразительная пластическая точность, волшебная, призрачная ассонансная рифма, пир природы, море, которое Матвеева видела единожды в жизни; в стихах — невыразимая печаль, бывающая только во сне, морская трава на берегу, золотой, цыплячий пух мимоз на границе пустыни, «седой зимы коснеющей триумф», речное ивовое серебро; в стихах — счастье мастеров, играючи подчиняющих форму, гнущих и плавающих стих, как вздумается.

Читатель, открывающий книгу Матвеевой, может быть уверен в том, что от него потребуют сотворчества, но не заставят доде-лывать за поэта его работу. Все названо своими именами, все гвозди вбиты железной рукой. Собеседника более остроумного, тонкого и заботливого трудно себе представить. Тут не будет ни одной небрежности — но будет сюжет ищущей, бьющейся, точной мысли, будет утешение одиночке и пощечина человеку толпы, будет неизменное сочувствие травимым и ледяное презрение к сверхчеловечеству. Песни Матвеевой и Киуру — особая тема. К ним столь часто применялось слово «волшебство», этому высокому, детскому голосу так часто умилялись, что говорить о них еще что-либо — занятие почти безнадежное. Большинство наших бардов признает безусловное первенство Матвеевой-мелодиста; сам Галич, знавший в этом толк, однажды воспользовался мелодией ее «Горизонта» для своей поздней песни и всегда благодарно оговаривал авторство. Перечитывая сегодня раннюю Матвееву, видишь, каким незаслуженным праздником она казалась современникам и как мы от этого праздника отвыкли, а привыкли, напротив, к гладкописи и серости. Кто еще сравнивал горизонт с натянутым канатом, по которому, балансируя над бездной, ходят корабли? Кто еще так играл с анафорой: «Без удержу кружит, без умолку ревет, без помощи небес бес беса не найдет»? Кто еще так роскошно, щедро каламбурил, так пировал со звуком — «Юбочки-клеш надевают медузы и световые рейтузы, и уплывают на праздник свеченья, перед собой держа зеркала... Сплотятся,

сплются искры течения, синим огнем обгорает скала. Что там — витрина? Или — витрину? Ах, я забыла, где море, где земля»...

И это вечное достоинство художника, эта гордость одиночки, эта отвага мастера, сочинившего для всех нас универсальное четверостишие: «Вот тебе, гадина! Вот тебе, гадюка! Вот тебе за Гайдна, вот тебе за Глюка!». Сколько раз я повторял про себя эти стихи, — да один ли я, — когда не мог иначе дать сдачи? На пьесе Матвеевой «Предсказание Эгля» в середине восьмидесятых ломались, покуда не сняли ее с репертуара; слишком страшна была толпа нищих, не менее страшна толпа торговцев, топчущих на рынке кораблики Лонгрена и его дочери. Но когда в финале красно-золотой свет заливал зал и Грей кричал: «А теперь — выдержи ты и это!» — тогда не хрупкий, не ломкий, но победительный голос пел за сценой:

*Только гитара одна
Петь в полный голос вольна:
Пусть, набезжав, разбегается,
Словно волна —
Если ж трубы испугается,
Грош ей цена!*

Цитировать Матвееву можно бесконечно: афористичность ее стихов общеизвестна, ирония — убийственна, эта поэзия легко расходится на цитаты (и слишком легко — на заимствования, хотя отовсюду «торчит», как яркая, слишком яркая заплатка на слишком ветхом рубище иного певца). Мало за последнее время было поэтов, которые бы так заботились о читателе — без всякого желания угождать ему: поэтов, отвечающих за каждое свое слово, не допускающих длинот и самоповторов. Любой сборник Матвеевой можно читать как авантюрную, сюжетную прозу: фабульность всегда была непременной составляющей ее песенного творчества, и любую из песен или баллад можно экранизировать без всякой адаптации. Эта словесная густота, эти сложные образы, парадоксальные и язвительные концовки — для непривычного взгляда почти утомительны: но за всем этим нет и тени вычурности и самолубования, ибо один из законов Матвеевой — простота и прекрасная ясность: «Не-топленая печь, неписанный закон, незапертая дверь, ненастный небосклон... Но ты сюда придешь, и я сюда приду, но ты меня найдешь, и я тебя найду». Ее стихи, песни, проза в самом деле давно стали паролем — как и стихи Ивана Киуру, которые он писал до последнего дня, раздвигая в посвящениях друзьям и единомышленникам.

Юбилейная статья — всегда риск лажировки и повторения общеизвестного. Но есть вещи, о которых напоминать необходимо. В последние годы Матвеева находится в стороне от того, что принято называть «литературным процес-

сом»; контекст нашей литературы заметно обеднен тем, что из него выпали многие шестидесятники, а в их числе и Матвеева — один из символов поколения. Она давно не выпускает больших сборников, не выступает с концертами и записывается очень редко, в основном на магнитофоны друзей и учеников. Существует единственная, старая ее телесъемка начала семидесятых. Планка поэзии занижена, мы читаем сотни необязательных и расхлябанных текстов, где вместо энергии мысли и формы — сомнительная и мрачная энергетика обиженного авторского «Я». Нужно знать и помнить об-

разцы. Нужно внимательно читать новые тексты Матвеевой, и пусть сегодня не в моде ее подчеркнутый, неизменный морализм, ее сочувствие человеку труда, ее уважение к нищете (без проповеди нищеты!) — все это слишком значимо, слишком цельно и самоценно, чтобы относиться к Матвеевой поверхностно и льстиво, как к памятнику эпохи. Это одно из самых живых и динамичных литературных явлений сегодня — явление, которому уже обеспечено место в истории русской поэзии, но которое особенно важно для нас, нынешних. Ибо гордость, дар, блеск, отчаяние, ирония — не

последние вещи в дурные и зыбкие времена. Будем читать и слушать Матвееву и Киуру. Будем петь их песни.

*Не страшен нам ни дьявол, ни дым пороховой —
Вон какие ссадины у нас на руках!
Над нашим поведением качают головой
Приличные люди на всех материках.
Но ты, суперкарго-арго-арго, не смотри,
Что в трюме-рюме-рюме запрятано внутри:
Не грузим мы золото, не грузим серебро,
А грузим только синее павлинье перо!*

Дмитрий БЫКОВ

Новелла МАТВЕЕВА

ЮНГА

*По всей руке — татуировка:
Русалка, шхуна, якорь, сердце и подковка,
Драчливый кортик,
Бультерьер-фиордик...
Зачем ты, юнга, себе ручонки портишь?*

*На что тебе твоя русалка
И твой разбойник, синий, как фиалка?
Не трогай кортик,
Не гни подковку,
И не таскай с собой всю эту обстановку!*

*А якорь счастья не приносит:
Он одинок, его бросают одного;
Причаливают к суше,
Уйдут — и бросят,
А если в море ураган,
Уж обязательно бросят его!*

*Когда бросали этот якорь
(Незаменимый для бросания в беде), —
Никто не видел,
Как якорь плакал...
Да он и сам не замечал,
Поскольку плакал в соленой воде!*

*...Вот подрастешь — и все, что любишь,
С годами быстрыми, быть может, позабудешь;
Все те же снасти
Любя до страсти,
Пирата спросишь: «А вы откуда? Здрасте!».
Но не найдешь такой тропинки,
Чтобы удрать от каверзной картинки:
Хоть помереть ведь —
А не стереть ведь:
Носи с собою
И в Лиссабоне
И на Марти-ни-ке!*

*Изображенная подковка
Прочней подковы настоящего коня...*

*Но если эта
Татуировка —
Не на руке,
Не на ноге,
А прямо в сердце, вот здесь, у меня?*

*Тогда и вовсе — все,
Тогда и вовсе —
Прости надежда, счастье и покой,*

*С воспоминаньем о том удобстве,
Том барыше,
Когда в душе
Не красовался портрет никакой!*

*По всей руке — татуировка:
Русалка, шхуна, якорь, сердце и подковка...
Но самый странный предмет —
Тебе мной данный совет:
Я опоздал с ним на тысячу лет...*

СТАРЫЙ НЕГР ХОЧЕТ СПАТЬ

*Ой, как старый негр хочет спать!
Ой-ой-ой, как хочет негр спать!
Он садится на старые ступени,
Колени
Руками обхватив.*

*А потом — потягивается,
А потом — почесывается,
И встает, и садится на ступени,
Колени
Руками обхватив.*

*А кругом: кто стреляет, кто поет,
Кто свистит, запустив три пальца в рот,
Кто-то пьет, кто-то речи говорит,
Кто-то пляшет свой фокстрот,
Кто-то сел на динамит...*

*Ой, как старый негр хочет спать!
Все равно он хочет только спать,
Спать,
И никаких не видеть снов,
А если видеть — то не замечать.*

*Ох, как он зевает во весь рот,
Таращит глаза и весь кричит,
А между прочим, если он заснет,
Никто ему спать не запретит.*

*Ни тот, который стреляет,
Ни тот, который поет,
Ни тот, который свистит,
Засунув три пальца в рот,
Ни тот, что пьет,
Ни тот, что речи говорит,
Ни тот набитый идиот,
Который сел на динамит...*

*Ой, как старый негр хочет спать!
А-а-а-о-о-о...*

Иван КИУРУ

ПОРИЦАНИЕ СКУПОСТИ

*Что ты, дождь, не идешь, не бежишь,
Мелкой дроздью дрожишь?
Дорожишь своим блещущим флагом?
(Запах струится медовый!)
Никогда не скупись одарить своим благом
Шиповник, раскрыться готовый.*

*У смятенной гитары учись,
Что реет на крыльях ветра:
Рука дарующего — не осудеет! —
Ведь и нищему тароватому
воздается щедро,
И, глядишь, наш дервиш богатеет!*

*Рожденный для жизни,
смело зеленое утро
Приближай: страждет дикая роза!
Светом своим ее ороси
и великодушно и мудро,
Ибо скупость твоя — это поза!*

*Лишь бездарным актерам, —
И то, с превеликим позором, —
Позерами быть пристало...
Учи, что земля,
Наперекор всем татам и ворам,
И жить, и цвести не устала!*

*Дождь,
Надежду нам даждь,
Будь божественным мужем,
О древний прославленный гений! —
Пусть мальчишки бегут
по сверкающим лужам
Под молний святых светотени!*

*Пусть воспрянет трава,
Пусть расправится озимь,
Вспыхнут зеленью ивы и лозы,
Разграничатся в небе темноты
и просишь:
Верю, вся твоя серость — от поэзы.*

*И зачем шарлатанствовать великанам —
В пользу серости (ради моды!),
И новую серость дарить
обезумевшим странам,
И просто дурачить народы?*

*Дождь,
Надежду нам даждь!..*

1977 (всего скорее, октябрь)

KLAVA KARENIN

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Однажды плотва Клава взяла и бросила своего мужа, плотву Вову Л., который вечно был всем недоволен и постоянно делал замечания Клаве насчет немытой посуды.

В результате Клава переселилась к карпу дяде Сереже чистить его нагрудные знаки, все-таки не одна.

Клава всегда говорила, что не любит дырку сиротку, неизвестно что имея при этом в виду.

Карп дядя Сережа внешне воспринял это дело без трагедии, образ жизни не поменял, ходил дома в трусах.

А вот плотва Клава изменилась, стала интересной, нервной, голос сломался до баритона, причем она всюду попевала за карпом, даже за бугор с выставками нагр. знаков — а детьми управляла по телефону.

Дети передавали друг другу трубку, говоря «да-да-да», а плотва Клава сначала спрашивала наобум: «Ты думаешь обо мне», а потом только восклицала «ТЫ КТО», но трубку уже вырывал следующий, и вопрос попадал точно в паузу.

Муж, плотва Вова, тоже не изменил образа жизни, целыми вечерами смотрит телевизор, а днем спит, но одновременно заинтересовался философией Толстого, т.е. как правильно реагировать на женщин.

Это привело его к разысканиям, он начал рыться на дне пруда в поисках исчезнувших цивилизаций, шлялся туда с киркой, чайной ложкой и ситечком, и недавно надыбал пенсне Льва Толстого — оказывается, писателю прописали, а он не стал носить, отдал Софье Андреевне (см. фото) под видом того, что жена гораздо больше смахивает на Чехова (см. фото).

В доказательство плотва Вова приводит окаменелый след Софьи Андреевны на берегу пруда (см. фиг. А), сохранившийся до наших дней.

Якобы Софья Андреевна, размахнувшись, бросила в пруд подарок Льва Толстого под девизом: «Так не доставайся же ты никому», и на отпечатке ясно просматривается поворот ее сапога, а отпечаток второй ноги отсутствует (см. фиг. Б), гипотеза: второй ногой Софья Андреевна тоже размахнулась.

Благодаря этим поискам и находкам обычно ленивый плотва Вова, вдохновленный собственной семейной трагедией, выпустил за рубежом книгу «Толстая и Толстой», а затем опубликовал также

одноименную пьесу, которую леопард Эдуард мечтает поставить в реальных условиях пруда с привлечением западных сил, африканского льва и английского огородного вредителя сони как исполнителей.

Содержание спектакля: соня чешет к пруду в пенсне и т.д., весь хвост в репьях, а лев сидит на вокзале с сумками, как нищий, грива тоже в репейнике, готов отъехать.

Оба по ходу дела выдирают из шерсти колючки (находка автора, чтобы актеры были заняты сквозным действием).

Т.е. это два монолога, а репья вокруг пруда квантум сатис (до омерзения, лат.).

Однако на том берегу пруда, в американских университетских кругах, пьеса имела большой успех из-за особенностей перевода, там нет наших окончаний, пьеса называется «Толстой и Толстой». (Tolstoj & Tolstoj), и оба Толстых состоят в длительном браке и дико ревнуют друг друга, имея много детей: загадка славянского темперамента!

В университетских газетках даже появились фото из спектакля: два бородатых целующихся супруга, один из которых в пенсне (фиг. В).

Что касается плотвы Вовы, то он, кажется, получил стипендию в бостонский бестиарий на два семестра по теме «Еврейский вопрос в произведениях Брэма».

А плотва Клава приехала на свиданку с детьми, как Анна Каренина, кинулась к младенческим кроваткам, зажимая нос кружевным платочком, но никого не узнала: там лежали уже взрослые внуки-курсанты.

Об этом и хлопотал всю жизнь Лев Толстой, чтобы баб называла сама жизнь.

Живет, пордает, а ей в трамвае вопрос: «Бабуля, как проехать».

Список фирм, опубликовавших свою рекламу в этом номере:

КВАНТА +
FRANKO FORTINI
РОНИКА
САНАТОРИЙ «ДРУЖБА»

КГК
СЛАВЯНСКИЙ
ТОРГОВЫЙ ДОМ
YELLOW PAGES

ВИТЯЗЬ-СЕРВИС-М
STB CARD
FINNAIR
XEROX

MIAMI NONSTOP.

once a week

Полет через Хельсинки с удобными стыковками

Москва - Майами

Майами - Москва

Вылет в 16.25

Вылет в 23.40

Прилет в 21.50

Прилет в 21.35 (на следующий день)

Один раз в неделю начиная с 02.11.94

На самолетах компании **ФИННЭЙР**

Камергерский пер.6, Москва, 103009

Тел. 292-87-88, 292-17-52, 292-33-37 Факс: 292-49-48

Наличные деньги могут остаться
лишь на полотнах старых мастеров
да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телетайп: 114250 СМОЛЯК